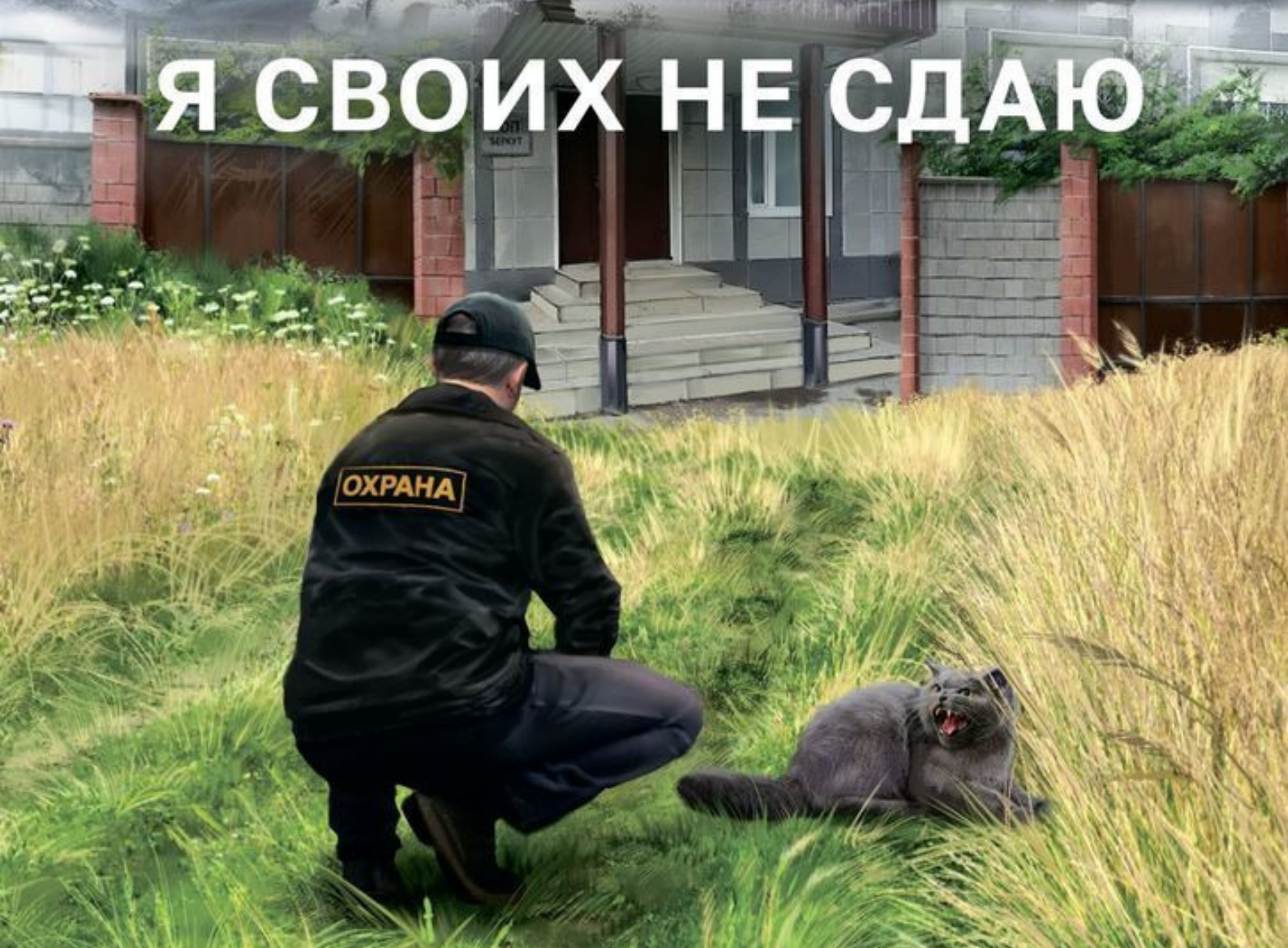

18+ Иван Ленивцев

Я СВОИХ НЕ СДАЮ

Иван Ленивцев
Я своих не сдаю

«Издательские решения»

Ленивцев И.

Я своих не сдаю / И. Ленивцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510962-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Я своих не сдаю» — новый сборник рассказов прозаика из Советской Гавани. Действия рассказов широко разбросаны по времени: от Гражданской войны до сегодняшних дней. Здесь и крестьяне затерянной в тайге деревни, оказавшиеся между белыми и красными, и две молоденькие девушки, дезертировавшие из армии, и красноармейцы, познавшие подлое предательство, и бойцы разведгруппы, пытающиеся захватить «языка». Рассказы трагичны и смешны, как говорится, на любой вкус, интерес и выбор.

ISBN 978-5-00-510962-0

© Ленивцев И.
© Издательские решения

Содержание

Я своих не сдаю	6
Поединок на льду	13
Витькино счастье	21
А когда на море качка	31
Не желаете натюрморт с селедкой?	37
Ходьба по-скандинавски	49
Кирпич	58
Любка с острова Врангеля	66
Ревизор из Колорадо	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Я своих не сдаю

Иван Ленивец

© Иван Ленивец, 2020

ISBN 978-5-0051-0962-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я своих не сдаю Рассказ

Губернатор был мрачен: самолет министра обороны, который должен был уже прилететь, чтобы снять командующего округом с занимаемой им должности, почему-то опаздывал. Впрочем, начальство никогда не опаздывает – оно, как известно, задерживается.

И вот сейчас, стоя на кромке летного поля в окружении замершей свиты из числа краевых чиновников и окружных генералов, глава огромного края размером, наверное в пол-Европы, задрав голову мрачно смотрел в голубое небо, откуда должен был появиться ТУ-154 Министерства обороны, личный самолет министра, положенный ему по рангу и прочим статусам. Сразу за приземисто-коренастым губернатором пугливо притаился сам виновник этой незапланированной встречи – командующий округом, генерал-полковник Чистогонов Виталий Иванович, между прочим, полный тезка губернатора. Он был не то чтобы угнетен, генерал-полковник был в прямом смысле морально раздавлен: ему страшно не хотелось покидать насиженное местечко обросшее имуществом, подобно квартире старого скряги-жида. Добра накопилось столько, что хоть грузовой железнодорожный состав заказывай за счет министерства обороны, естественно. Это вам не лейтенантский холостяцкий чемоданчик с парой трусов, маек и прочих исподних в придачу. К примеру, совсем недавно генерал самолично на пароходе в Японию за машиной сходил, правда, инкогнито. Стыдно даже сказать, кем он в судовой роли числился; матросом-уборщиком. Впоследствии узнал, что в торговом флоте матрос-уборщик – женская должность. Ну не смешно ли – генерал-полковник! – и уборщик, вернее – уборщица! А узнай кто посетил Японию, кто по ихним улицам бесстрашно вышагивал, прославленная самурайская разведка бюро «Найте», наверное, до сих пор волосы на заднице рвет: проворонили такого высокопоставленного генерала! Командующего самым большим военным округом России! Одним словом, японцы-лопухи! Он же преспокойненько третий джип прикупил, классный такой «Лэнд Круйзер-Прадо». Это вам не какая-нибудь нашенская «Лада Веста» или даже «Волга» последней марки: машина – супер! А главное – по дешевке, считай задаром. Да, что ни говори, а припеваючи ему здесь жилось под надежным крылом губернатора. Жилось... Увы! Можно уже не боясь ошибиться сказать, что именно жилось в прошедшем времени. Их, обидно-то как! Ладно бы еще он чувствовал себя виновным, может и не переживал бы так болезненно, а то ведь нерадивые подчиненные подвели... ох, паскудники! Будто как на зло, все один к одному: то в Уссурийске дедовщина поперла – четыре солдатских трупа за месяц, то в Бикине рядовой повесился, другой в Китай удрал и там повесился, то на острове Русский триста матросиков в учебке от голода опухнув, в госпиталь загремели, один даже откинулся. Вот и гадай сейчас: то ли специально по чьему-то злому заказу все это было подстроено, то ли чистая случайность произошла. И сразу же напрашивается вопрос: кто во всем этом случившемся бардаке виноват? Ну кто? Господи, да тут козе понятно кто – командиры частей и их заместители по воспитательной работе. Они, только они виноваты, ублюдки! А кому приходится ответ держать? Мне! Одному! Спрашивается, почему я один должен нести ответственность? С какой стати? Где же она, высшая справедливость? Где? Ведь и раньше во всех округах и на флоте подобное случалось, однако ж была тишь да благодать. А что сейчас? Да вроде ничего особенного, только вот развелось этих паскудных журналюг... бить не перебить, косой не выкосить! Во все щели заглядывают... ублюдки продажные! Да и губернатор за меня всегда стеной стоял, заступался как мог, недаром же к нему сам президент прислушивается, а здесь, на Дальнем Востоке его кличут ни много ни мало «папой» или «хозяином». Далек мужик пойдет, если... Тьфу! тьфу! Никаких «если», пусть и дальше властвует на зло врагу. Пусть... Однако сейчас, в моем случае, что-то, что-то не сработало, видно и губернаторские

возможности не беспредельны. Ну, это и понятно: любой самый зачуханный министр выше главы края. И вот уже по мою беззащитную, можно сказать даже невинную душу летит сам министр обороны, всесильный Петя – «Мерседес», полный генерал армии! Сам! Вот какая мне выпала милость? Все Виталик, собирай барахлишко и на пенсию строевым: ать-два! ать-два! А может, вспомнят мои боевые заслуги, назначат на армию хотя бы заместителем, или даже заместителем заместителя. Я бы сейчас на любой пост согласился... Министр, наверное, уже и замену мне везет, представит какого-нибудь сопливого свежеиспеченного генерал-майоришку из штабных выскочек-прихлебателей. Хорошо, когда из грязи да в князи, плохо – наоборот. Эх, судьба моя, судьба!

Опечалившись о своей судьбе, пока еще командующий округом скосил глаза направо, где стоял начальник «Спецстроя», генерал-лейтенант Юрка Фридман. Лицо у того сонное, наверное, опять всю ночь по бабам шлялся. Хоть и ворует сей «стройбатовец» так, что только шум стоит, однако все ему нипочем, все с него как с гуся вода, потому как родственник он губернатору, на сестре супруги его женат, стало быть, свояк. Вот кому на Руси хорошо живется!

Слева – еще один силовик, генерал-полковник милиции Серебров, начальник внутренних дел. Это надо же: мент – и генерал-полковник! Полководец, твою мать! Гроша медного не стоит, морда холеная, барская, самодовольная. Этому тоже неприятности вряд ли грозят – он, бывший телохранитель губернатора, крестник его хулиганистого сынка, частенько того выручает из щекотливых ситуаций. Эх-ха-ха! Кто бы сейчас за меня заступился?

Тяжкий вздох командующего услышало чуткое ухо губернатора. Все, кажись, расклеился генерал, чует кошка чье мясо съела, видно не хочется в пансион идти, с лопатой на даче ковыряться. До полной пенсии ему, кажись, еще год или два, однако могут и выпереть из армии. А что, запросто. Но могут и назначить командовать армией ПВО охраняющей небо нашего арктического побережья, со штабом в каком-нибудь зачуханном Нарьян-Маре или того хуже – в Тикси. Веселые там места! Тундра! А ведь Виталий лейтенантом Афган прошел, разные там Тбилиси и прочие Карабахи. Когда-то боевой был генерал, а вот перестал порох нюхать, услышал хруст денег – и все! покатился в болото наживы, скурвился, стал путать личное с государственным не упуская возможности хапнуть из и без того тощего армейского бюджета. Впрочем, все мы не без греха. Конечно, пожурить бы его стоило – самоустранился, на самотек округ пустил, однако зачем же сразу снимать с должности? Мужик он по-своему верный, преданный, по-солдатски прямодушный, что в голове, то и на языке. Помню, как-то по пьяни заявил он мне: дескать, Виталий Иванович принимайте командование округом, вот вам мой генеральский жезл – и подает мне полную рюмку водки. Вот дурак пьяный! Нужен мне его генеральский жезл, мне маршальский подавай, как у Жукова или Рокоссовского. На меньшее не согласен. А округом я и так командую. Я, и только я! А что, разве не так? Москва где? Москва далеко, ей не до Дальнего Востока, а тем более, не до армии. Москва власть делит, государственную собственность приватизирует, деньги лопатой гребет, в офшоры гонит, в зарубежные банки... Ой, чуть не забыл, мне самому надо пятьдесят лимонов «зелени» на Кипр перевести, так сказать, на черный денечек... дай бог, чтобы он никогда не наступил! Никогда! Ладно, если опять не забуду, завтра же и переведу... Нда! Что же мне с генералом делать? А что с генералом, конечно жалко его, бывало, прибежит ко мне с бодуна, бац на колени и айда по-бабьи реветь: «Виталий Иваныч, кормилец ты наш, выручай! Округу жрать нечего, а Москва ни копейки не дает, говорит, нет денег, обходитесь собственными силами. А где мне их взять, на что продукты приобрести? Хоть округ распускай или ставь его на самообеспечение, пусть солдатики сами себе пищу добывают». Вот сказанул генерал, так сказанул! Надо же, «пусть солдатики сами себе пищу добывают». Зато честно. В другой раз приходит и опять слезно канючит: «Господин губернатор! Отец родной, помоги! Зима на носу, а в округе ни кило угля, ни литра мазута-бензина-керосина, того и гляди околеют от холода защитники, танки с места не тронутся, самолеты не взлетят, бери нас враг голыми руками! Вся надежда только

на вас! Выручай, отец ты наш родной!» Я и выручал. Бывало, выстрою в шеренгу чиновников, предпринимателей и прочим фермеров, и скоманую: «Равняйся! Смирно! А ну-ка выдать нашей любимой армии столько-то угля, бензина, картофеля со свеколкой, мяса говяжьего!» Те брали под козырек – и бегом, бегом выполнять мой приказ. Пусть бы только не выполнили! Я бы им такую жизнь устроил, сам черт не позавидует. Ну и кто, спрашивается, после этого командует округом? Даже и думать не надо кто: я и только я! Я, два года в Советской армии отслуживший, две пары сапог-кирзук истоптавший, перловой кашей давившийся, дедовщиной неоднократно битый, в запас ушедший сержантом. Всего лишь сержантом! Пусть и сержантом в запасе, однако сейчас именно я командую самым большим в России округом: я! – а не этот плаксивый трехзвездный генералишко, окончивший Академию Генерального штаба! Я! Армия по первому движению моего пальчика двинет туда, куда ей укажу я! А что, вот возьму и заявлюсь в штаб округа, что на Краснознаменной, и ка-ак гаркну: «Сми-ирно!» А когда штабисты вытянутся по струнке, возьму да и прикажу: «Войскам округа погрузиться в эшелоны! Направление – на Москву! Да-да, вы не ослышались господа генералы, курс именно на столицу нашу белокаменную! Пора разогнать эту чертову „семейку“ и создать собственную республику от Амура до Байкала! А еще лучше – до Урала, где правит мой однопартиец и единомышленник, немец Дроссель». Конечно, генералы спросят, мол, а как же с Восточной и Западной Сибирью быть? Захотят ли они войти в нашу республику, тем более что у них свой Сибирский военный округ? Не хотелось бы вооруженного столкновения. Что я генералам отвечу? А так и отвечу, что у нас будет принцип добровольного вхождения: захотят они войти в нашу республику – добро пожаловать! Не захотят – скатертью дорога, пусть создают свои республики. Одна, например, под названием «Восточная Сибирь» со столицей в Красноярске или Иркутске; другая – «Западная Сибирь» со столицей в Новосибирске или Тюмени. А что, кажется есть же в Африке республика Верхний Судан, должно быть и Нижний существует? А еще раньше, помнится, была Верхняя Вольта, значит, должна быть и Нижняя, опять же, где-то в Африке. Почему бы и у нас не быть? Мы что, хуже? Но где же самолет?

Горизонт был чист, самолета с министром обороны не было видно. Губернатор психанул: «Вот чертов «сапог»?! Почему я должен его ждать? На одиннадцать у меня назначена встреча с лесопромышленниками по вопросу аренды лесных участков под вырубку. Соберутся дельцы со всего края. И каждый с кейсом набитым долларами. Это сколько же «баксов» они с собой припрут? Думаю, не меньше пяти миллионов. А что, неплохо, неплохо... Однако, что за моду взяли доллары в кейсах возить? Нет, чтобы как в цивилизованных странах на счет перевести... на известный им всем счет, на мой естественно. Ладно, разберемся, было бы что брать. Точно! Ну, а что дальше у нас там по расписанию? Ага! На тринадцать ноль-ноль на ковер вызвал управляющего нефтепродуктом. Это тот, про которого мне «органы» докладывают, что он мечтает о своем домике в Сан-Франциско. Давненько я его знаю, сам на работу пригласил. О! Хапуга, каких поискать! Топливо для северного завоза без зазрения совести налево гонит, польских да китайских рыбаков снабжает. Ишь, какой щедрый! А делиться не думает, ублюдок! Ну, соколик, ну погоди у меня! Я тебе устрою вид на жительство с домиком в Магадане, в колонии строгого режима. О, черт! Чуть не забыл! Надо бы в Москву срочно позвонить, там много верных людишек мной прикормлено, но самый верный – Боря Резников, свой – дальневосточник, депутат от правящей партии. Кадр до ужаса юркий, как амурский выюн пронырливый, все видит и слышит, обо всем первый узнает. Короче, бесценный кадр! Незаменим! Надо, чтобы он почву пробил насчет министра обороны: чем тот дышит, с кем спит, кто его окружает, может что вокруг него изменилось или изменится; желательно, негатива побольше, и чтоб с запашком, с запашком! Гена, ко мне!

Тотчас подбежал толстенький как колобок, первый заместитель по экономике с греческой фамилией Апанасис.

– Трубку! – Скомандовал губернатор – и вот уже в его руке, будто по волшебству, услужливо улеглась трубка с длинной антенной. Пальцы быстренько нашли нужные циферки.

– Виталий Иванович, я вас внимательно слушаю, – откликнулась далекая Москва.

– Борис! Живо пробей по своим каналам всю последнюю информацию о министре обороны! Только наиважнейшую! Как крепко сидит он в своем кресле? Не шатается ли оно под ним? Как Борис Николаевич к нему относится? Остальные члены «семьи»? Только быстро, время идет на минуты.

– Понял! Будет сделано! Ждите! – Наверное, расторопный депутат во все лопатки кинулся выполнять приказ хозяина. Молодец Боря, дело свое знает, – похвалил губернатор верного служаку. – Были бы все чиновники такие исполнительные да ретивые, я бы и горя не знал, больше бы времени на рыбалке с внуком проводил. А с этими болванами приходится все самому да самому, им что ни поручи – все через задницу выполнят, да еще и постараются собственный карман бюджетными деньгами набить. Одно ворье кругом! Дорогу до Читы десятый год прокладывают, денег в нее вбухали немерено, а воз, как говорится, и поныне там – и дорога не доделана, и пора сделанное ремонтировать. Ужас! А построенную трассу до Советской Гавани и вовсе называют дорогой самоубийц. Одним словом бардак! Такие вот горе-исполнители меня окружают. С кем работать? Хорошо еще, что у нас президент пьющий, все ему до лампочки: и дороги, и народ, и страна на которую он давно махнул рукой, «семье» передоверил. А будь он не пьющий, да вздумай приехать с проверкой. Страшно подумать, что было бы... О, кажись, самолет появился? Точно! Ну наконец-то! К нам летит сам Петя Мерседес! Собственной персоной! Соизволил-таки посетить Дальний Восток. Тоже мне, министр-высочка! Сын рабочего и доярки, и вдруг – министр! Надо же такому случиться! Подобное чудо могло произойти при советской власти, но никак не при нынешнем диком капитализме. Однако же, случилось! Хотя у нас, при постоянно пьяном президенте, и не такое может случиться. Может, случится, что и я министром стану, я тоже из пролетарской семьи, как говорится, шагну из грязи – в князи. Дай-то бог.

Губернатор широко перекрестился, свита на всякий случай повторила за ним сие священнодействие.

Самолет из маленькой точки все больше и больше превращался в огромный воздушный лайнер. А губернатор вспомнил карьерный рост прилетающего министра. Он знал, что тот после окончания воздушно-десантного училища прошел все ступени воинской службы, от командира взвода до командующего воздушно-десантными войсками. Принимал участие в боевых действиях в Афганистане, где и получил звание героя. Был обласкан президентом после известных августовских событий, после которых ему было присвоено звание генерала армии с назначением его министром обороны. Надо же, в сорок четыре года! Сопляк, а не министр! А кто приказал передать половину российского оружия мятежной республике? Кто скомандовал «огонь» и расстрелял собственный парламент? Кто обещал президенту за два часа одним полком взять штурмом мятежный город, при этом бездарно положив под сотню тысяч российских пацанов? Все он, он! Полководец хренов, горе-войка! И еще имеет наглость заявить: «Я перед армией чист». Чист он! трепло в генеральских погонах! Еще никогда российская армия не имела такого жалкого вида, как при его руководстве. Лизоблюд он, а не боевой генерал! Паркетчик!

Губернатор от души обругал прилетевшего генерала армии. Громко обругал, однако непонятно кого: то ли кого из своих, то ли из прилетающих генералов. А про себя подумал: «Пусть министр и паркетчик, и лизоблюд, но он имеет прямой доступ к телу президента. Наверное, каждый день с ним встречается, тогда как я – раз в году, да и то если пригласят. Так что головой думай губернатор, а не пятой точкой. А что, собственно думать? Думай не думай, а придется командующего с потрохами сдать, так я ему и скажу: мол, прости друг Виталик, надо уметь проигрывать, а ты эту войну вчистую проиграл. ПрощтрафилсЯ-держи ответ с высоко

поднятой головой. И крепись, брат. Это с одной стороны, а с другой – прилетает «сапог» и начинает командовать в моей вотчине, будто я ему адъютант на побегушках. Ну уж нет, увольте! Под моим контролем весь Дальний Восток, вся власть, экономика, политика, средства массовой информации и даже криминальные структуры легли под меня. А кто мне не подчинился, в сырую землю лег. Со мной шутки плохи. Здесь я в силе, любому рога обломаю. У меня везде свои люди, везде связи, протекция, покровители... почти везде. Ч-черт побери, ну почему Борис не звонит?! Вот копуша беременная!

И тотчас – легок на помине – раздался звонок. Москва на проводе!

– Докладывай! – только и приказал губернатор.

– Наш Петя – Мерседес не в фаворе у президента, – раскованно сообщила Москва, чей фривольно-легкомысленный ответ разозлил главу края.

– По-русски говори! – сердито прорычал он.

– Понял! – испугалась Москва. – Докладываю: в последнее время Борис Николаевич отвернулся от министра обороны, а именно: не принимает его, не вызывает к себе для доклада, общается только с начальником Генерального штаба. Думаю, из-за событий в Южной республике. «Семья» тоже от него не в восторге. По Москве ходят слухи о его скорой отставке...

– Хватит меня слухами кормить, сыт ими по горло! – грубо перебил депутата губернатор. – Мне не слухи нужны, а факты, достоверные факты!

– Виталий Иванович, извините, будут вам факты, будут! – твердо пообещал верный депутат. – Из Администрации президента, за определенную мзду...

– Денег не жалея! – опять перебил говорившего глава края. – У меня на всех хватит.

– Есть не жалеть! Обещали с минуты на минуту перезвонить, думаю, это будут самые свежие, уточненные сведения. Придется подождать несколько минуток... еще раз извините, – как бы подвел черту под разговор ретивый слуга народа.

«Думает он! Петух тоже думал, – раздраженно процедил губернатор. – А мне-то что делать? Сдать верного генерала и подчиниться этому сопляку в генеральских лампасах? Или не сдавать? Пойдешь против – можно шею себе свернуть. У нашего президента семь пятниц на неделе, он после каждой новой рюмки издает новые указы, один противоречащий другому. Выступлю в защиту генерала – и вот уже прости-прощай Дальний Восток, здравствуй пенсия, привет дача... черт бы их побрал! А это мне надо? В тоже время и командующего жалко, свой в доску мужик, верный как пес, а как он на гармошке играет – заслушаешься. Верой и правдой мне служил, душой и телом... Впрочем, подобных служивых у нас пруд пруди, много желающих у кормушки пастись, так что извини Виталий, дорогой ты мой генерал-полковник, а не пойти ли тебе на пенсию, а дело твое сдать в архив. А гармониста я себе подберу в ансамбле песни и пляски Дальневосточного округа. Еще раз извини генерал, сам знаешь, своя шкура как-то ближе к телу...»

Остановившись в конце взлетной полосы, затем медленно развернувшись, ТУ-154 порулил к зданию аэровокзала. Губернатор со свитой заторопились к месту предполагаемой встречи.

Министр обороны тяжеловато для своих, в общем-то небольших лет, спустился с трапа. Внимательно оглядев выстроившихся в одну шеренгу окружных военных разбавленных краевыми чиновниками, затем пошел вдоль строя, чтобы с каждым лично поздороваться, и лишь командующему округом сухо кивнув, руки не подал.

«Плохой знак, – моментально смекнул губернатор, обходя с министром окружную и краевую верхушки. – Видно, действительно песенка моего генерала спета».

Раздался пугающе резкий телефонный звонок. Москва на проводе! Глава края, будто споткнувшись остановился, затем отошел в сторону, явно желая переговорить с верным депутатом без свидетелей, что называется, тет-а-тет.

– Виталий Иванович!! – захлебываясь, заорал все тот же Резников, словно торопясь выплеснуть из себя важные новости. – Только что Борис Николаевич подписал Указ об отставке министра обороны!!! Да-да, Указ! Минуту назад! Факт стопроцентный! За развал армии! За неспособность трезво мыслить! За политику, проводимую в корыстных интересах! Ну и прочее «за-за-за»! Все, спекся наш Петя Мерседес!

– Новость достоверная? – деловито переспросил губернатор, точно боясь спугнуть услышанное, но в то же время ощущая, как волна радости охватывает его крупное породистое тело.

– Точнее некуда! Новость пришла от человека, подавшего президенту ручку для подписи! Точняк, ручаюсь! – вторично обнадежил депутат.

– Отлично! Ну, Боря... ну ты у меня молодец! Спасибо за поистине хорошую новость, она тебе зачтется, считай, что санаторий... бывший профсоюзный «Синегорье» – твой! Твой, дружище! Владей, Борис! Я умею быть благодарным, служи и дальше верно. Бывай, до встречи... – Губернатор убрал антенну и, спрятав телефон в карман, бросился догонять министра.

«Ну все „сапог“, на тебе можно ставить точку, это твоя песенка спета, а не моего генерала, – злорадствовал он, догоняя стриженный затылок высокого московского чиновника. – Черты лысого ты получишь, а не Витальку!»

А ничего не подозревавший министр, вернувшись к застывшему по стойке «смирно» командующему округом, принялся привычно грубо распекать подчиненного, как нашкодившего солдата – новобранца. Не осмеливаясь ни возразить, ни даже дохнуть, а лишь виновато потупив голову, генерал-полковник молчал.

– ... И я, как министр обороны России, наделенный властью карать и миловать, приказываю: за халатность, за разгильдяйство, за полный развал в войсках округа в деле боевой и политической подготовки, а также повседневной дисциплины и хозяйственной деятельности – снять тебя с поста командующего округом с последующим назначением...

– Стоп, генерал! Убавь обороты, ты не в Москве! – безбоязненно перебил министра глава края.

– Что-о?! Кто это там вякает?! – округлил глаза министр, поворачиваясь и выискивая взглядом наглеца, посмевшего оборвать обличительную речь. – Кто посмел... в душу мать?!

Было видно, как ему в голову бросилась кровь. Свита мертвецки замерла – страшен в гнев министр.

– А-а, это ты, губернатор? Шибко смелый, да?! Или оборзевший от безнаказанности? Ты чего это себе позволяешь? Забыл, перед кем стоишь? Я могу и напомнить. А еще лучше для твоего же блага будет, если ты прикусишь свой поганенький язычок, иначе не сносить тебе головы, это я тебе твердо обещаю.

– Да неужели? Ну-ну... Генерал, а не кажется ли тебе, что ты забыл, куда попал? – смело глядя в глаза когда-то всесильному министру, спросил губернатор, спросил спокойно, однако со скрытой угрозой. – Забыл, что здесь тебе не строевой плац за кремлевской стеной, а перед тобой не сопливый лейтенантик, и даже не генерал-полковник, а человек, делающий погоду в дальневосточном регионе. Надеюсь, ты это понимаешь?

Разинув рот, хлопая глазами, министр ничего не понимал: какой-то чиновник краевого уровня корчит из себя чуть ли не владыку всего Дальнего Востока, которому подчиняется и армия, и флот. Этот мелкоплавающий губернаторишка замахнулся на него, на самого министра обороны, на любимца президента! Черт знает что здесь творится!!!

– Спокойно, генерал, давай без истерики, – нахально предложил губернатор. – Если тебе что непонятно, можешь позвонить в Москву, тебе объяснят, что и как. А лично мой тебе совет таков: садись в самолет и возвращайся туда, откуда прилетел.

Министр хотел заорать, затопать ногами, заматериться в душу, в мать – однако он этого не сделал, как опытный подкововерный игрок догадавшись, что произошло что-то, что-то неординарно важное, пока он находился в воздухе. Но что? Что-о-о?!

Генерал армии моментально нашел глазами полковника-адъютанта, державшего в руке кнопочный телефон, мол, ну что там в столице? Адъютант беспомощно пожал плечами, дескать, в столице ничего нового, все по-прежнему. Однако это не успокоило министра. Нет, нет, что-то здесь не так! Неспроста же так нагл и беспардонен этот коренастый чиновник с физиономией непротрезвевшего работяги. Что знает он, чего не знаю я? Неужели... отставка? Не дай бог! Не дай...

– И учти генерал, командующего округом я тебе не отдам, я своих не сдаю. А приказ о его отставке порви и выбрось. Надеюсь, ты это сделаешь? – сузившиеся глазки губернатора блестели угрожающим холодом. – Ну вот и хорошо, и давай не будем на стенку лезть и друг дружке кровь и нервы портить. Садись по-тихому в самолет и, как у нас в народе говорят, ни пуха тебе, ни пера!

Министр, словно в поисках помощи повернулся к свите. Многоопытное окружение с деловитым видом зыркало по сторонам, точно совершенно не слышало горячего разговора между шефом и губернатором. По многим признакам свита догадалась, что их некогда все-сильному министру, грубо говоря, пришел конец, и пора рвать когти в поисках нового покровителя.

Ссутулившись, и даже будто став ниже ростом, генерал армии повернулся и, громко шаркая ногами, направился к трапу самолета.

А губернатор глядя в спину бывшего министра подумал, что не дай бог подобным образом закончить карьеру. Не дай бог!

Поединок на льду

Рассказ

Рыба, как на зло, не клевала. Не клевала, и все тут! Захотелось рвать, метать, сломать удочки, затоптать лунки, наконец пожаловаться на произвол корюшки самому Нептуну! Одного не хотелось-плестись домой с пустым рюкзаком. Жора Долгов – упитанный сорокадвухлетний механик здешнего завода железобетонных изделий – намертво придавив брезентовый стульчик ко льду, в сердцах пнул тупоносом валенком пучеглазого морского бычка. Этот единственный представитель подледной фауны имел наглость то ли спросонья, то ли от врожденной жадности наглухо-наглухо! заглотить дефицитный японский крючок. Вот урод! Бычок, хищно разевая острозубую пасть, недовольно застучал хвостом по льду, явно с укором спрашивая у человека: что, рыбачок, крайнего нашел?

«У-у, живоглот большеротый, чуть мне леску не оборвал! – сердито буркнул в сторону бычка Долгов. – Живучий гад... говорят, бычков японцы едят? Ну, эти все едят...»

Долгов зябко поежился: ух и холодрыга! Злой норд-ост, несмотря на немалую толщину рыбацкого снаряжения, пробирал до костей.

«Видно, не мой сегодня день, – мрачно заключил Жора, – с самого утра не клюет. Прав был дед Иван, когда говорил в таких случаях: поперла невезуха – сматывай удочки, внучок... Легко сказать: сматывай. Пустым уходить никому не хочется. Дураку понятно, что никому... А кто виноват, что не клюет? Ясное дело кто – синоптики. Кто вчера по телевизору обещал: „Осадков не ожидается, будет солнечно и ясно“. Вот тебе и ясно! У-у, ветродуи брехливые! Солнце! Где оно? Одна серая муть над бухтой повисла, будто грязное белье у нерадивой хозяйки. Вдобавок лед метровой толщины. Это надо же, метровой! Разве под такой толщей, при полном отсутствии солнечного света, рыба чего-нибудь разглядит? Ничегошеньки она не разглядит: ни крючков, ни блесен, ни поролоновой наживки, ни прочих приманок. Ничего! Между прочим, сейчас стало модным кричать на всех перекрестках: „климат на планете меняется, глобальное потепление, нельзя матушку-природу обижать“. Слушаешь – и в голове не укладывается: ну как можно обидеть эту капризную старуху – я имею в виду природу. Она в последнее время совсем страх перед человеком потеряла, неуправляемой стала, иногда такие коленца выбрасывает по всему земному шару, что тошно становится роду людскому. Вот вам и человек – хозяин природы. Ага, как бы не так... Нет, что ни говори, а раньше лучше было. Раньше, к примеру, на одну удочку за раз цеплялось по шесть-семь корюшек, а сколько сейчас? Тьфу! Даже и говорить не хочется сколько...»

Долгов был сам не свой: не хотелось возвращаться домой с пустым рюкзаком. Жора еще спозаранку, распугивая ночные тени, застолбил за собой это самое место, как старатель – золотую жилу. Именно здесь вчера, он надергал сорок семь корюшек и десяток наважек. Пусть не густо, но на наваристую ушицу сполна хватило; даже бездельнику коту Бориске кое-что перепало. Нет, раньше было лучше... раньше все было лучше!

Долгов, безо какой-либо надежды на удачу, скорее для очистки совести подергал впускную удочками и вторично выдохнул огорченно: «Не мой сегодня день, увы – не мой...» Затем положил удочки на лед, наступил на них серыми валенками и, пододвинув поближе зеленого цвета просоленный рюкзак, достал из него сверток с бутербродами и двухлитровый китайский термос с кофе.

О кофе! Божественно чудный напиток для настоящих рыбаков! Что может быть лучше горячего кофе на холодном льду?! Да ничего! С кофе никакой мороз не страшен, он и для внутреннего согрева полезителен, он и нервы успокаивает если бредешь домой с пустым рюкзаком. Пусть и редко, но бывает и такое.

Особенно кофе хорош, если это кофе с водочкой! Да-да, с ней родимой! Куда же от нее денешься? И рецепт абсолютно прост: берется бутылка водки... Впрочем, у каждого рыбака свой рецепт, свои тайны.

Мимо, шатаясь как неуклюжие пингвины, в обнимку прошли два рыбака. Отрыбачились... алкаши! Долгов хмуро посмотрел им вслед – он считал себя непримиримым противником распития спиртного на льду и повсюду твердил, что рыбалка зимой— тот же зимний вид спорта, сродни, скажем, биатлону. А действительно, если внимательно присмотреться, то можно заметить, что между ними не такая уж и большая разница: в биатлоне промахнулся – мотай штрафной круг, промахнулся на рыбалке – шурши пустым рюкзаком домой. И именно кофе является допингом для достижения высоких результатов как у спортсменов, так и у рыбаков. Оно, кофе! А насчет того, что кофе с водочкой... Ну как сказать, одним об этом можно и не говорить, другим – особо любопытствующим и привередливым лучше популярно объяснить, что кофе с водочкой – это вам не пьянка на льду, это совсем-совсем другое, это самое лучшее и эффективное средство профилактики от заразно-простудных заболеваний. Вот так-то, господа сомневающиеся! И отстаньте, не мешайте употреблять напиток богов.

Жора налил в кружечку кофе и смакуя, глоточками, глоточками с наслаждением выпил. Промерзшее горло вмиг оттаяло, нутро приятно обожгло, кровь заметалась по телу, нос покраснел, глазки заблестели. Ух, хорошо-то как! «Разевает бычок рот, Жора хочет бутерброд!» – скаламбурил Долгов подмигивая замерзающему бычку; появился аппетит и рука сама потянулась за свертком с бутербродами.

Бутерброды по старинке были завернуты в «Российскую газету». Жена Зинаида, работая завхозом в налоговой инспекции, тащила старые газеты домой целыми подшивками, практично рассуждая, мол, в хозяйстве все пригодится. В свободное по вечерам время Жора лежа на диване, любил просматривать старые газеты, вслух комментируя прочитанное. Обычно его интересовал криминал, скандалы, спорт. Вот и сейчас, с трудом пережевывая закаменевший на морозе бутерброд с «докторской» он, вытерев руки о ватные штаны, разгладил на коленях газету и привычно замурлыкал: ну-ка, ну-ка, чего интересенького брешет наш печатный орган?

«Ага... на первой странице – „Проект Конституции Российской Федерации“... Ну, это нам не интересно... Что у нас там на другой страничке?... И на другой „Проект“... и на третьей тоже... и на четвертой. Фу-ты! – кисло сморщился Жора. – Неужели этот официоз на всех страницах?»

Он быстро развернул все свертки с бутербродами. Увы – все до единой страницы были посвящены будущей Российской Конституции.

«И ничегошеньки для души, – разочарованно протянул Жора, беззлобно поругивая супругу. – Ну Зинуля, ну непутевая твоя головушка, подсунула черт знает что! Хотя ладно, времени навалом, можно и поглядеть, что за штуковина такая хитрая эта наша Конституция, авось в хозяйстве где и пригодится...»

Долгов выпил еще одну кружечку, разгрыз еще один каменный бутерброд и вновь взял в руки газету.

«Человек, его права и свободы – являются высшее ценностью». – вслух прочитал Жора и, как обычно, принялся комментировать и рассуждать-обсуждать. – А что, вроде бы звучит неплохо: человек – высшая ценность. Высшая-это как? А вот если взять да перевести эту самую ценность, то есть человека, к примеру меня – в денежные отношения, сколько бы я стоил? Ну-ка, ну-ка! Если в рублях? А в долларах? Мой чистый вес – девяносто два кило. Килограмм за доллар... Курс рубля к доллару... Итого будет... будет... Тьфу-ты, запутался! Нет, тут без калькулятора не обойтись...».

И, хотя попытка оценить самого себя в денежном эквиваленте не удалась, Долгов не особо расстроился – дома, в спокойной обстановке, можно будет и повторить. Он выпил еще

одну кружечку кофе, прогнал подбирившуюся к замерзшему бычку голодную ворону: кыш, подлая! – и опять уткнулся в газету.

«Защита прав и свобод человека – обязанность государства» – Слово «государство» Жора повторил дважды и с удовольствием. А что, разве не оно должно защищать его от внешних врагов, от своих чиновников и прочего криминалитета? Оно, оно родимое!

«Основные права и свободы... Право на личную неприкосновенность... Свобода мысли и слова... Неприкосновенность жилища... Свобода передвижения... Право частной собственности... право на митинги и демонстрации...» – Долгов, как прожорливая рыба наживку, проглатывал газетные главы одну за другой. Впервые в жизни старенькая газета – вроде бы скучный официоз – показалась ему интереснее любого лихо закрученного боевика, изредка попадавшего в его руки.

Жоре стало жарко. Он расстегнул ворот теплого армейского бушлата, скинул меховую рукавицу с левой руки и слюнявя языком палец правой руки, продолжал переворачивать газетные страницы, при этом то похваливая, то поругивая неизвестных ему думских законопроизводителей.

«Каждый человек имеет право на жизнь» – Совершенно правильно! Хорошая или плохая, а жизнь-она и есть жизнь! Полностью согласен! – «Каждый имеет право свободного передвижения» – И с этим полностью согласен! Куда хочу, туда лечу! Двумя руками поддерживаю! – «Принудительный труд – запрещен». – Э-э, а вот с этим я бы поспорил. Нет уж, пусть тунеядцы и бомжи себе пенсию под конвоем зарабатывают на островах Земля Франца Иосифа! – «Смертельная казнь – отменяется». – Нет, не согласен! Категорически! В России издавна порядок на страхе держался...».

Вообще-то Долгов, как и большинство россиян, давно потерял веру в какую-либо справедливость: голосуй – не голосуй, выбирай – не выбирай, власть все равно обманет, повернет туда, куда ей выгодно. Впрочем, на выборы он дисциплинированно ходил, но голосовал уже не бездумно, как при «советах», а демократично, по настроению. Хорошее настроение – голосовал за «единоросов» клянувшихся повысить пенсии, при плохом настроении – ставил галочки на коммунистах обещавших заморозить цены на продукты, трезвым-голосовал против всех, приходил на выборы выпивши – отдавал свой голос либеральным демократам, скорее ихнему скандальному лидеру, без которого в Думе – при нынешней расстановке политических сил – была бы тоска смертельная и вечный застой.

Но то выборы, то политика! А она, известно – дело темное. А тут в руках у Жоры – Конституция! Основной Закон! Закон, обязанный защищать лично: Долгова Георгия Николаевича, его – и всех домочадцев! То есть-семью. Вот так-то! И никак иначе. Оказывается, у него столько прав о которых он не знал, не слышал, не ведал и даже не подозревал. От него их скрывали, от всего народа прятали, сволочи!

Долгов от корки до корки прочитал текст Конституции – пусть в газетном, пусть в предварительном варианте – и сейчас горел желанием убедиться в работоспособности и эффективности нашей Конституции в повседневной жизни. Но вокруг глухая тишина, тусклый лед и до немоты замерзший морской бычок у ног.

«Кстати, – по случаю вспомнил Долгов, – эти бездельники из управляющей компании второй месяц тянут с установкой разбитого унитаза в моей квартире. Волокитят, бюрократы! Говорят, мол, согласно новому жилищному кодексу, жильцы обязаны все ремонтные работы производить сами. Сами разбили унитаз, вот и устанавливайте его за свой счет сами. Опять же сами. Тоже мне, умники нашлись! Ну ничего, ничего, они у меня еще попляшут, они мне свой унитаз поставят, не китайский-финский!»

Наяву представив кислые физиономии нерадивых коммунальщиков к которым он заявится «качать права» подкрепленные российской Конституцией, Долгов удовлетворенно заулыбался.

Между тем, небо прояснилось. По всему видать, непогоде наскучило наблюдать за однообразно дергающимися фигурками упрямых рыбаков на льду – и она быстренько убралась то ли в Приморье, то ли на Камчатку. Солнечные лучи весело закувыркались по голубому льду, как оставшиеся без присмотра родителей шаловливые детишки. Замерзшие рыбаки воспрянули духом: ну наконец-то! И действительно, как по заказу начался клев. Ур-ра!

И лишь Долгов, увлекшись планом будущей реализации прав даруемых лично ему Конституцией, начисто забыл о рыбалке. В голове зароились шальные мысли о том, что он добьется с помощью основного Закона. Во-первых, его обязаны незамедлительно поставить на общегородскую очередь для получения жилья большей площади. Это раз... Во-вторых, неплохо было бы получить за счет предприятия бесплатную путевочку, например, в Сочи. Это два... В-третьих... В-третьих, ему должны...

Одна из удочек, удачно вывернувшись из объятий носатого валенка, затрепыхалась в лунке, охолодив хозяина ледяным душем. О, чтоб тебя! Отбросив газету на лед, Жора намертво вцепился в удочки. Клюет, клюет, родимая! Ну наконец-то!

Через пару часов справа от Долгова выросла горка пойманной корюшки. Зубастая рыбка пружинисто изгибаясь, отчаянно билась о лед и лишь обессилев, вытягивалась серебристыми карандашиками. Сладковато-огуречный запах приятно щекотал ноздри. Увлечшись рыбалкой, Жора начисто забыл и про Конституцию, и про свои нереализованные планы, другие мысли посещали его голову. Например, такие: оживет ли корюшка, если бросить ее дома в ванну? Или: если оторвет льдину, куда рыбаков утащит – в Америку или в Японию?

Скинув с себя брезентовый плащ с капюшоном, Долгов оглянулся: горстями разбросанные по льду рыбаки дергались, как пьяная молодежь на городской дискотеке. Видно, у всех клюет. Вот и славненько! А то ведь как частенько бывает – только у Жоры клев пойдет, как вся эта рыбацкая шатия-братия тут как тут! И дырявят, дырявят вокруг него лед, словно утопить желают. Ну, народец!

Долгов едва успевал снимать корюшку с крючков, казалось рыба добровольно лезла из лунок, чтобы с комфортом устроиться в вместительном рюкзаке человека. Да, что ни говори, а чертовски приятно держать в своих руках трепещущую, тобой выловленную корюшку!

Хорошее настроение достигло наивысшего предела... и Долгов запел! Он всегда пел, когда счет пойманной рыбы переваливал за сотню. Но так как слов ни к одной песне он не знал, то Жора просто орал во все горло запомнившийся с детства куплет из сказки про лису и волка: «Ловись рыбка, мала и велика! Ловись рыбка...».

Он бы так и орал, пока не охрип, но что-то постороннее, неправильное, от того и непонятное мешало ему ору сегодня... Что-то, что-то знакомое... смутно знакомое напомнило Жоре о его давней воинской службе на ракетно-артиллерийском полигоне под славным городом Биробиджан: тра-ах! та-ра-рах!

Долгов выпрямил поясницу... О черт! Час от часу не легче! Из-за скалистого мыса нахально выполз желто-черный ледокол, издали похожий на крадущегося по льду амурского тигра. Ледокол мощным тупым носом наскакивал на лед, сходу вспарывая его белое беззащитное брюхо. За ледоколом послушной длиннотелой таксой, тащился пустотрюмный лесовоз.

«Чтоб вам провалиться!» – Жора запаниковал, заметался по льду. Что делать? что делать? То ли собирать пойманную рыбу в рюкзак, то ли сматывать удочки, то ли вообще бросить все и спасать свою задницу? Ответа он не находил: в такую ситуацию он попадал не часто.

Долгов нервно огляделся: соседние с ним рыбаки спокойно махали руками, будто семафорили ему флажками, мол, чего дергаешься дружище, никак кофе перепил, спокойно лови себе рыбку, ледокол еще далеко! Прищурившись, Жора прикинул расстояние до ледокола... Действительно, метров пятьсот будет... скорее, девятьсот, а то и поболее. Нет, и чего это он запаниковал, и похуже в ситуации попадал, и ничего – живой. Успокоившись, он опустился на стульчик, твердо решив про себя: еще десятка три надергаю и сматываться буду.

А корюшка, как назло, так и перла, и перла из лунок, как бы желая спрятаться за широкой спиной рыбака от взбесившегося ледокола. Долгова удавкой захлестнул рыбацкий азарт: гора пойманной рыбы жидким тестом расплзлась по льду у его ног. «Вот это да! – в радостном возбуждении вопил Жора. – Шесть штук с одной удочки, ше-есть! Не-ет, братцы, мой сегодня день, мо-ой!»

Уже мимо, спеша к берегу, торопливо прошмыгивали рыбаки на ходу тревожно разевая в крике рты, но Долгов ничего не видел, не слышал, будто рыбацкий азарт намертво приморозил его ко льду вместе с элементарным чувством самосохранения.

«Вернусь домой, первым делом погоню Зинулю торговать корюшкой у магазина „Восток“, пусть она как я, посидит на морозе, пусть ручками-ножками потопает-похлопает, пусть на себе прочувствует, какова она доля рыбацкая. А то ишь, задницу наела, унитаза не выдержал...»

Лед под Долговым вдруг затрещал расстрельно, змеисто запрогибался резко обрывая его рассуждения. Не понял, что такое? Жора отвел недоумевающий взгляд от темного ствола лунки... Его бронзовое от зимнего загара лицо заядлого рыбака покрылось инеем от страха: курносый нос ледокола недовольно сопел в метрах тридцати от него. Нарисованные на скулах ледокола белые арктические медведи, кровожадно раззявив зубастые пасти, драчливо шлифовали когтистыми лапами промерзшее железо и, казалось, только и ожидали команды капитана сигануть на лед с целью показать нагловатому рыбачку, где раки зимуют.

Сердце упало, как оборвалось, кинуло в жар, в холод, в пот. Жора выронил удочки и съелся: он остался один на один с чудовищных размеров ледоколом, и тотчас ощутил на своей дрожащей шкуре, как он ничтожно мал, беспомощен перед этой громадой тяжело дышащего металла, этим удивительным творением рук человеческих.

Ледокол сердито прокашлялся, выпустил из трубы темное колечко дыма, похожее на удавку и пугающе рывкнул: у-у-у! Мол, уходи с дороги, червяк!

Долгов опять панически заметался: и удочки жалко, и пойманную рыбу, а главное – себя, себя, бедолагу! А тут еще некстати разгулявшийся ветерок подхватил со льда газету с Конституцией и шаловливо играясь, швырнул ее прямо в лицо, залепив рот, нос, глаза.

«Да пошла ты... – задыхался Жора, пытаясь освободить лицо от печатного органа. – Прилипла, дрянь!»

Наконец, он отодрал газету от лица... И тотчас жирная газетная строка буквально стеганула по глазам: «Право на личную неприкосновенность». Машинально прочитал, вроде как даже неосознанно. Но мозг тотчас угодливо напомнил: «Кажись, статья двадцатая. Каждый человек имеет право на жизнь». Каждый! Повторил – и эта вроде бы простая, незатейливая строчка поразила Долгова, воодушевила его на шаг, которого он сам от себя не ожидал. Решение пришло и завладело им мгновенно: я остаюсь! Закон на моей стороне, я первым пришел на это место и тот, кто попытается согнать меня с него, нарушит мои права и свободы, дарованные и гарантированные мне нашей Конституцией.

Ледокол вторично проревел басом: у-у-у! Удивительно, но после этого трубного вопля решимость Долгова остаться не только возросла, но еще больше окрепла. Попугаисто повторяя: «Право на жизнь, право на жизнь» – Жора передвинул стульчик, показав ледоколу спину. Он опять взял в руки удочки и навис над лунками.

Ледокол, возможно впервые в своей бродяжнической жизни столкнувшись с подобной наглостью, задумчиво захрустел льдом. Затем миролюбиво, и даже вполне корректно спросил:

– Эй, рыбачок! Ты часом не болен?

Жора, сделав вид, что не слышит идиотского вопроса, еще ниже опустил голову и устался на свои валенки на толстой резиновой подошве – морская соль застыла на них белой накипью.

«Подумать только, сколько соли впустую пропадает! – с досадой болеющего за весь дальневосточный регион, крикнул Жора. – А нам приходится завозить ее аж с Усолье-Сибирского! Втридорога покупать, загружать, везти по „грабительской железке“, опять разгружать... какая глупость! А здесь, у меня под ногами этой соли видимо-невидимо, дармовой, халявной соли! Одна... две... три... – считал он, снимая с крючков изгибающуюся корюшку. – Ого! Восемь штук с одной удочки! А я, дурак, хотел уйти...»

– Эй, гражданин! Отойдите, пожалуйста, в сторону! – просительно донеслось с ледокола. – Из-за вас мы не можем напрямую подойти к лесному причалу! У нас договор! В Японии ждут лес! Нам грозят штрафные санкции!

«Во, другое дело, – обрадовался Долгов, ожидавший от моряков более радикальных действий в виде угрожающий маневров ледокола или хотя бы обычной русской матерщины. – Сразу пожалуйста, битэ-дритэ-пардон! – развеселился он. Впрочем, знание конституционных законов вселило в него такую уверенность, что он даже осмелел, если не сказать – обнаглел. – Ой, лес в Японии ждут... надо же! Да плевать я хотел на вашу Японию с ее штрафными санкциями! В сторону отойди! Сейчас, разогнался! Вы весь лес в округе повырубали, а я в сторону! Как бы не так! Скоро весь Дальний Восток в лысую Англию преврате, а вам все мало: и рубите, и рубите! Ублюдки! – ругаясь, Жора не забывал снимать рыбу с крючков. – В сторону им! И не подумаю, меня так просто не запугаешь, мы себе цену знаем... – храбрился Долгов, впрочем, ощущая где-то в области поджелудочной железы противный страх, временами переходящий в ноющую боль. Ведь еще неизвестно, что у этого придурковатого корыта на уме, поперет сдуру напрямик – и все, буль-буль Жорик! Бр-р! Не дай бог! Хорошо еще, что у него пушек нет, а то запросто мог бы расстрелять, как фашистский рейдер „Адмирал Шеер“, помнится, потопил наш пароход „Сибиряков“. И эти утопят – и в плен не возьмут. Наверняка ледокольщики, как черти злы на меня... Да нет, не утопят, не должны, вон на берегу сколько свидетелей... да и просто обязаны соображать морячки, что утопить человека, лишить его жизни – подсудное, согласно нашей Конституции, дело...»

Жора повернул голову и пристально всмотрелся в угрожающе застывший нос ледокола. На крутой обмороженной скуле отчетливо выступали покрытые изморозью буквы. Что там еще за тайнопись?

«Ба-а!! Кого я вижу! – прочитав название ледокола, Жора не смог сдержать возглас удивления. – Васька! „Василий Поярков“! Боже мой! Неужто это ты! Ну, здравствуй, здравствуй, старый знакомый! Помню, помню! Это же ты спас меня и мою „тойоточку“ в прошлогоднем марте, когда льдину с людьми, с машинами оторвало от берега и понесло в океан. Спасибо друг, спасибо дорогой! За эту нашу с тобой встречу не грех и выпить...»

Зажав коленями удочки, Долгов налил в кружку кофе, выпил и закрыл глаза... Словно наяву, отдельными кусками замелькали перед глазами стоп-кадры того страшного мартовского дня: внезапный налет ветра-южняка, расстрельный треск ломающегося льда, пилообразная трещина, удаляющийся берег, мечущиеся на льдине рыбаки, всеохватная паника, крики отчаяния, парализующий страх, могильная темнота, грозное дыхание океана, прощальный плеск волн и долгое-долгое ожидание мучительного конца... И вдруг, о чудо! Во мраке метели: огонек!... тусклый лучик!... лу-уч! И страшно неправдоподобная тишина взорвалась криками, воплями: «Ур-ра! Спасены!» А луч прожектора все ближе, ближе... И вот уже, будто из морской пены, подобно сказочному богатырю появился он – «Василий Поярков», Ледокол с большой буквы! Был спущен трап, вывалена за борт стрела-тяжеловес для подъема машин, в столовой, в кают-компании спасенным предложили горячий чай, бутерброды. Вырванные из ледяной пасти океана рыбаки, глотая крепкий чай, искренне благодарили: «Спасибо вам огромное, моряки-ледокольщики! Спасители вы наши!»

Долгов вытер тыльной стороной ладони, ползущую по щеке одинокую слезинку.

«Да-а, натерпелся я тогда страху, как осиновый листик дрожал, чего уж тут скрывать. Готов был все на свете отдать, лишь бы спастись. Любимую „тойоточку“ готов был отправить на дно морское, лишь бы самому спастись. Да и не я ж один струсил, все шестьдесят четыре человека сгинули бы, если бы не этот ледокол. Я до сих пор не пойму, как он в ту метельную ночь разыскал нас в открытом море. Повезло нам. Спасибо ледоколу. Я добро помню... Я все помню...»

Долгов отвернулся от ледокола, налил себе кофе, с причмокиванием выпил – от бутерброда отказался.

«Да, я все помню. Помню, как за мое спасение с меня содрали восемь тысяч рублей. Подумать только: восемь тысяч! Восемь! Тысяч! А за что, спрашивается?! За какие такие услуги?! Ну, случайно наткнулись на льдину, ну трап спустили... между прочим, люди на своих двоих по трапу поднимались. Ну высчитали бы с нас... максимум по двадцатке за чай, по тридцатке за хлеб с маслом – и все, все! Ну от силы сотку! Так нет же, сразу – бац! – нате распишитесь за восемь тысяч... Т-тысяч!! У-у, рвачи! Ну ничего, ничего господи-ледокольщики, сейчас я на вас отыграюсь, я вам не белый медведь, чтобы меня как футбольный мяч по Арктике гонять...»

– Эй, придурок! Немедленно освободи форватер! – взбешенно рявкнул ледокол.

«Что-что? Придурок? Это я-то придурок? Сначала гражданин, и на тебе: придурок! Нормальненько! Между прочим за придурка, – Жора мстительно сжал губы, – вы мне по суду ответите, я вам такой иск присобачу за моральный ущерб, всем паролодством не расплатитесь! Умники! Форватер им освободи! Может, вам еще жену в придачу отдать? У-у, зебры в поло-сатых тельняшках! Устроили мне тут геноцид антиконституционный, их на ледоколе человек сто, а я – один-одинешенек! Налицо явная дискриминация и нарушение моих прав...»

– Эй, на лесовозе! Куда прешь?! Не жмись ко мне, как теща к зятю! Назад сдай! Назад, говорю! Наза-ад, твою мать! – психованно матюгнулся ледокол. Лесовоз испуганно шаррахнулся назад. Ледокол стыдливо гуднул... и дал задний ход...

Вот те раз! Долгов не поверил своим глазам: ледокол – гроза всех рыбаков дал задний ход! Признал поражение, железяка! Подумать только! Уф-ф!..

Жора, бросив удочки на лед, облегченно расслабился на стульчике, – рыба совсем перестала клевать, видно испугавшись страшных винтов явно сошедшего с ума ледокола. Но сейчас это не особенно расстроило Долгова, глотая мелкими глоточками кофе, он всерьез подумывал, что не мешало бы внести поправку в Конституцию, которая обязала бы всю рыбу – жить, кормиться и размножаться здесь, в этой бухте; а то шляется в невесть каких морях-океанах, и никто ей не указ.

– Эй, на ледоколе! Кажись, у нас винт полетел! Хода нет! Просим взять на буксир!

«Ой, не могу! Ой, умора! – радостно возбудился Жора. – Винт у них полетел! Так вам и надо, бракоделы! А то ишь, моду взяли винтами рыбу распугивать. Будь моя воля, я бы вас морячков-винтокрутов привлек к ответственности за нарушение свободы передвижения рыбы...»

Ледокол психованно рванул вправо, два его мощных винта со злостью отбрасывали огромные глыбы голубоватого льда, больно и гулко бьющие о пустые трюмы обездвиженного лесовоза.

Лед под Долговым затрещал, запрогнулся, стал уходить из-под ног; ему стало страшно, душа ушла куда-то в пятки, по спине мурашки забегали, волосы, кажись, дыбом поднялись... Но что стоил этот страх перед только что блистательно одержанной победой? Да ничего не стоил: победа есть победа! А страх как пережить?

А вот как, чтобы хоть как-то заглушить в себе страх, Жора упал на колени и принялся кидать корюшку в рюкзак, громко подсчитывая каждую рыбешку: одна!...две!...триста пятьдесят!...четыреста семьдесят две!...

Когда устал, выпрямил спину. Толпившиеся на берегу рыбаки что-то громко кричали, кто-то бросал вверх шапки... Проигравший схватку ледокол, обходя неуступчивого рыбака далеко стороной, сердито бросал в небо темные кольца дыма. Он уже не напоминал полного сил тигра, а был скорее похож на непохмелившегося бурлака, из последних сил тащившего баржу с астраханскими арбузами в Самару.

Долгов подобрал со льда газету, аккуратно свернул ее вчетверо, засунул во внутренний карман армейского бушлата – Конституция ему может ещё не один раз пригодиться.

– Ни пуха ни пера, морячки! – ехидно помахал он ручкой ледоколу и, согнувшись под тяжестью рюкзака с корюшкой, побрел к берегу, где его ожидали заслуженные аплодисменты и лавры победителя.

Витькино счастье

Рассказ

«Торговый дом «Злато» видно издалека. А подойдя ближе, еще и слышно. Не звон злато, а крикливых работяг в синих служебных спецовках, что пытаются установить над входной дверью огромный щит, на котором изображены краснощекие, улыбающиеся молодожены держащие на раскрытых ладонях золотые кольца, издали больше похожие на круглые баранки из расположенного по соседству хлебного магазина «Колобок», чем на тонкой работы золотые ювелирные изделия. На щите витиеватая надпись многообещающе зазывает: «Покупайте золотые кольца только у нас! Они принесут Вам счастье! Спасибо за покупку!»

Тощий, словно заборная доска бомж Витька Кондратьев был, наверное, единственным из прохожих, кто с интересом наблюдал за установкой щита. Когда наконец щит установили и Витька в третий прочитал рекламный слоган, он скептически поджал губы: «Ну надо же, как у этих торгашей все просто, как в той сказке. Зашел в „Злато“, отоварился парой-тройкой кило золота – и живи себе счастливо, поплеывай в потолок, забот не зная. Не жизнь – малина! Нет, братцы мои, в жизни так не бывает, счастье — это вам не штучный товар, счастье – это совсем-совсем другое, счастье – это... это...»

И тут, к своему стыду, Витька запнулся – то ли он забыл, а скорее всего, вовсе не знал точного ответа о счастье. А между тем, сам того не подозревая, Витька затронул волнующий человечество с незапамятных времен вопрос: что такое счастье? Простенький, вроде бы казалось даже незамысловатый не вопрос – вопросик, оказался не по зубам ни древним высоколобым мудрецам, ни современным маститым профессорам-культурологам, которые бились над ним до хрипоты, до умопомрачения – и по сей день быются, однако точного ответа ни раньше, впрочем как и сейчас, так и не выдали обществу, и сомнительно, что этот вопрос будет вообще когда-нибудь решен положительно

Впрочем, в отличие от «высоколобых», Витька не собирался особо-то ломать голову – свой ответ на этот животрепещущий вопрос, пусть и не по-научному сформулированный, у него был давно готов: счастье – это когда тебе хорошо! Просто хорошо – и все! У него даже был заготовлен ответ на другой вопрос, как бы сопутствующий первому: много ли человеку для счастья надо? «Много счастья не бывает» – таков краткий Витькин ответ. И точка, можно считать вопрос о счастье закрытым. Все – и не надо спорить, зазря ломать копыя, можно лишь добавить: каждый счастлив по – своему. С чем Витька был полностью согласен.

«А что, разве не так? – расфилософовался Витька, видно от преизбытка свободного времени. – Ясное дело, так! И за примером далеко ходить не надо. Взять хотя бы хозяина этого „Злато“ – он, наверняка счастлив, что у него денег куры не клюют, а прилавки магазина прогибаются от золота... Или вон тот владелец крутого джипа, что на красный светфор нахально попер – разве он не счастлив от обладания такой мощной навороченной тачкой – конечно же счастлив... А пассажиры, одуревшие от долгого стояния на остановке, вон как счастливы от наконец-то появившегося автобуса, прямо ломанулись в открывшиеся двери сто первого маршрута... Летними каникулами счастлива шаловливая детвора перебегая улицу в неустановленном месте, прямо перед самым носом у матерящихся им вслед водителей автомашин... А взъерошенный воробушек, что долбит сухую хлебную корку под балконом — разве он не счастлив? Конечно же счастлив по-своему, по-воробьиному... Да что там говорить, при желании, если еще и внимательно приглядеться, ну очень внимательно, то везде можно обнаружить пусть и маленькое, и даже пусть совсем-совсем малюсенькое, но все-таки счастье...»

Между прочим, и он – Виктор Кондратьев тоже бывает счастлив. Не слишком часто, как хотелось бы, но бывает. Хотя у Витьки, как говорится, ветер свистит в карманах, он не жад-

ный, ему много счастья не надо: собрал десяток-другой пустых бутылок, удачно сдал их в приемный пункт, зашибил копейку, купил жратвы, заморил червячка – и вот он уже счастлив, как тот воробушек. Собранные бутылки худо-бедно обеспечивают Витьке и сносное питание, и дешевую выпивку, и прочие мелкие радости жизни. Ой, да что там десяток! – одна найденная бутылка вызывает у него, наверное, такой же кратковременный прилив счастья, как и у кладовщика наконец-то нашедшего долгожданный клад. Об одном он может только жалеть: что счастье выделяется ему не каждый день, а как бы порционно: сегодня густо, завтра – увы! – пусто. Все так – вчера, к примеру, он остался без очередной порции счастья, и посему лег спать голодным и трезвым, ну абсолютно трезвым! Зато сегодня костистую Витькину спину дружески обнимал грязно-объемистый рюкзак, полный стеклянного счастья... А вон еще одно счастье блестит! В траве!

Узрев в зелени газона блеск стекла, Витька аккуратно, тремя пальчиками поднял бутылку, бережно протер ее рукавом поношенной китайской куртки и вслух прочитал на этикетке: «Пиво... «Жигулевское»... «Светлое»...

– Эй, Кондратьев! – Чей-то резкий окрик пенным огнетушителем мгновенно потушил Витькино счастье, заставив его самого резко вздрогнуть. Голос показался знакомым. Кого это нелегкая принесла? Витька медленно повернул голову...

Вот те на! Участковый! Младший лейтенант Федоскин, чтоб ему пусто было! Нигде продыха не дает, змей стоглазый! Правду говорят: Бог сотворил два зла: участкового и козла.

Честно говоря, Витька испугался, однако поднятую бутылку не бросил – опустил ее на траву мягко, даже бережно.

– Подойди ко мне! Ну, живей, живей! – Раздражение в голосе участкового как кнутом подстегнуло Витьку, и он, пугливо позвякивая бутылками в рюкзаке, мелкими шажками засеменял к полицейскому, на ходу гадая: где ему сегодня придется ночку коротать: на жесткой лавке отделения или в родном бараче-развалюхе?

– Ты почему в самом центре города шляешься? – строгим тоном спросил участковый. – Тебе что, на окраине мало помоек? Я же запретил тебе, и тебе подобным появляться в центре. Нечего позорить город своим пахабным видом... – Федоскин брезгливо оглядел бомжа с ног до головы. – Или у тебя память короткая?

Да нет, на свою память Витька пока что не жаловался, он и сам точно знал где находится в настоящий момент: вон розовое, похожее на африканскую птичку фламинго здание городской мэрии со слоновьими ногами-колоннами; рядом – летнее кафе «Бистро» с вынесенными на улицу столиками под разноцветными зонтами от дождя и солнца; через дорогу – бетонная автобусная остановка «Авангард», похожая на орудийно-пулеметный дот в Уссурийском укрепрайоне, где когда-то служил Витька. Центр города! Он в самом центре, где бутылок в зелени газонов – что грибов в лесу в урожайный год. Но сейчас надо думать не о бутылках, а тем более не о грибах, сейчас надо думать как дать деру во все лопатки, чтобы не вставил тебе Федоскин фитиль в одно известное место.

И Витька закрутил нестриженной головой, заюлил, заохал притворно: «Ох, да как же я так! Вот дурень слепешарый! В самом центре! Надо же такому...»

– Хватит придуриваться! – раскусил его нытье полицейский, хищно оглядывая лицо – он должно быть привычно желал проучить кулаками непослушного бомжа. Однако на улице было довольно многолюдно, а тут еще к остановке подошел рейсовый автобус и выплюнул из своего душного чрева очередную порцию, явно недовольных местным автосервисом пассажиров. Младший лейтенант нехотя перебрал папку в правую руку – экзекуция любимым справа в челюсть на время откладывалась.

– Товарищ лейтенант, извините меня, я по случайности, я по ошибке, по забывчивости! Ну простите! Поверьте мне, я больше не буду... – канючил Витька весьма ободренный тем, что кулачная угроза, кажись, миновала.

– Молчать! По ошибке он! Знаю я ваши ошибки! Сейчас оформлю протокол на пятнадцать суток – по-другому у меня запоешь! – пригрозил участковый.

– За что, товарищ лейтенант? Я же ничего такого...

– Закрой, говорю, пасть! Ничего он такого... Я тебя предупреждал не появляться в центре? Предупреждал?

Было такое. И поэтому Витька не стал спорить, лишь согласно кивнул головой. Лучше промолчать, не лезть в бутылку, а то ни за что ни про что можно загреметь в отделение, где летом в переполненной камере, ох как плохо! Зимой – другое дело, зимой тепло, сытно, весело! Однако, ситуация в настоящий момент паршивенькая, надо как-то изворачиваться, иначе мент точно может в камеру бросить.

– Кондратьев, чего задергался, камеры испугался? – заметил Витькино замешательство полицейский, расплываясь в довольной улыбке. – Испуг – это хорошо! Когда человек боится, значит, он уже по-тихоньку, постепенно начинает исправляться. Страх – не последний воспитатель. Как тебе известно, у нас в камере пиво не нальют, сушеной корюшки не поднесут... – кажись, соизволил пошутить Федоскин.

Витька соответственно, заискивающе хихикнул – раз мент снизошел до шутки, это добрый знак, может, все обойдется пинком под зад. Врежет в свое удовольствие – и отпустит. А что, нормальный вариант. Впрочем, сейчас, скорее всего, начнет читать свою любимую лекцию на тему, что такое хорошо, а что – плохо. Можно и послушать, спина не отвалится.

И Витька виновато опустил голову, дескать, ругайте меня и в хвост, и в гриву, я готов выслушать всю горькую правду о своем аморальном, безнравственном, антиобщественном поведении. Привычно выслушать. Ругайте меня, но только отпустите... ну, пожалуйста.

– Эх, Кондратьев, Кондратьев! – с некоторой долей сочувствия вздохнул участковый, видя, как на глазах исправляется его подопечный. – Разве можно так жить? Ведь ты не живешь как все нормальные люди, ты зря землю топчешь, попусту небо коптишь, ты существуешь подобно дикому животному, да и от пещерного человека ты недалеко ушел. Ведь раньше ты был нормальным мужиком, хорошим семьянином, я знаю, ты в техникуме судостроительном учился, на заводе работал. Будь добр, ответь мне откровенно: в чем смысл твоей жизни?

Для Витьки этот вопрос был неожиданным, и он, честно говоря, растерялся.

– К-как это? Какой смысл? В чьей жизни? Моей, что ли? Не пойму я... В каком смысле?

– В прямом! – Федоскин, будто казак шашкой, наотмашь рубанул воздух черной папкой. – Отвечай! Для чего ты живешь на белом свете?

– А, понял, понял! – быстро закивал головой Витька и даже слегка задумался, но не зная, как угодить младшему лейтенанту, вынужден был честно признаться: – Товарищ лейтенант, ну не знаю я... я, как все... все живут, и я живу... живу – никому не мешаю... воздухом дышу, хлеб жую, есть за мной грешок – выпиваю... иногда.

Это его «иногда» подействовало на полицейского так, словно его укусила африканская муха «цеце».

– Что-о?! Ты – иногда?! – крикливо взвился участковый, заставляя прохожих оглядываться и ускорять шаг. – Да ты хоть раз на свою рожу в зеркало взгляни! На кого ты похож?! Ведь ты еще не стар, на тебе пахать да пахать надо... без передышки пахать!

Без передышки и кони дохнут – едва не ляпнул Витька, но сумел благоразумно промолчать.

– ... Неужели тебе перед людьми не стыдно? Почему ты опустился до такого скотского состояния? Неужели ты сам себя не презираешь?

Витька почесал затылок: с какой такой стати он должен кого-то там стыдиться, а тем более – себя презирать. Он не какой-нибудь бесправный нелегал, у него имеется пусть и не паспорт, но кой-какой документ удостоверяющий его личность – старенькое удостоверение, которое он когда-то показывал вахтерам на заводской проходной. Да, если копнуть глубже – он,

может и бомж, однако не в прямом смысле – крыша над головой в списанном бараке укрывает его от дождя и снега. И не только крыша у него имеется – есть еще и старенький российский телевизор «Рекорд», не дающий ему заплесневеть от скуки, спасающий от деградации и прочих дегенераций. И даже любовница из соседнего барака. Была – недавно по пьяной лавочке барак сгорел вместе с ней. Что у него еще есть? Есть неплохой аппетит, он сносно питается, слава богу не стоит с протянутой рукой. Ну, что еще человеку надо?

– ... Сдохнешь ты от своей пьянки! Закопают тебя, как пса шелудивого! – продолжал разоряться Федоскин.

Из всего услышанного Витька, в глубине души, был кое в чем согласен с участковым, действительно, надо хотя бы на время ограничить прием спиртного внутрь, а то в последнее время что-то печень стала пошаливать, надо бы в больничку на месячишко определиться – подлечиться, подкормиться, да и просто отдохнуть от суеты ежедневной. А вот за «пса шелудивого», Витька крепенько обиделся. Он не пес – человек он! Че-ло-век! Виноват в чем – в рыло дай, пинком под зад награди, но не обзывайся так обидно! Не лезь столь грубо в душу, проповедник в погонах!

– Ну и сдохну я, ну и что с того, кому до этого какое дело! – неожиданно для самого себя, с нескрываемым вызовом огрызнулся Витька. – Моя жизнь, как хочу, так и ворочу! А если и сдохну – государство закопает, оно у нас богатое, на поверхности не оставит. Между прочим, – добавил он с видимой ехидцей, – кладбище в городе одно, так что извините, за одним забором с вами лежать будем, может быть даже по соседству. Так-то вот! – закончил он с наглостью человека, отвечающего за свои слова.

Федоскин опешил – этот вонючий бомж начинает действовать ему на нервы, выводить из себя. Перспектива, пусть и в далеком будущем, лежать на одном кладбище с этим бродягой его совсем не прельщала, более того – возмутила до глубины души. Что этот бомжара себе позволяет?! Да я его в порошок, в пыль, в молекулу! Ну, сучонок помойный, ты у меня сейчас узнаешь, кто в городе хозяин!

– Все Кондратьев, ты меня достал! Доста-а-ал! – протяжно рявкнул участковый, доставая из папки чистый протокол об административном нарушении. – Философ помоечный! Сейчас я тебе устрою бесплатную путевку в камеру! – Он зубами выдернул колпачок ручки и принялся заполнять протокол. – Фамилия? Имя? Отчество? Год рождения? Где родился? – Витька торопливо отвечал. – Сколько сегодня спиртного выпил? Почему выражаешься нецензурной бранью в общественном месте? Что замолчал – отвечай!

– Товарищ лейтенант, да вы что! Я не выражался... я со вчерашнего дня ни граммочки не выпил... я даже ничего не ел, клянусь вам! – трусливо мямлил Витька, кляня себя за неосторожно проявленную им смелость. Как хорошо, что он не пил вчера, сейчас в его трезвой голове пулей заметались трезвые мысли в поисках выхода. И – выход был найден!

– Стойте, стойте! – выдохнул он. – Работаю я! В «жэке» – дворником! Вчера устроился! Первый день с утра вышел! Хожу вот, убираю...

– Что?! Что ты сказал? – Брови младшего лейтенанта взлетели на лоб. – Повтори, я не понял.

– Дворником я вчера устроился, здесь убираю, это мой участок, – отчаянно врал Витька, помогая себе рукой. – Вон, от улицы Ленина до площади Победы. Хожу вот, мусор собираю, вы же сами видели.

– Ты... дворником? Хм-м, – недоверчиво хмыкнул Федоскин, постукивая пальцем по левому уху – не ослышался ли он. – А почему сразу не сказал?

– А вы и не спрашивали, – мгновенно нашелся Витька. – Да и чем хвастать-то, не мэром же устроился – дворником. Сами, небось, знаете какие у нас людишки: и сорят, и сорят – никакой управы на них нет, совсем народ страх потерял.

Обнаглев, он вернулся на зеленый газон, поднял знакомую бутылку из-под «Жигулевского», зачем-то дунул в горлышко и сказал: – Заодно вот и бутылки собираю, не пропадать же добру. Да это, вроде бы и не запрещено.

– А ты мне не врешь? – медленно, с затихающей угрозой спросил участковый, пряча протокол обратно в папку.

– Как можно, товарищ лейтенант! – Витька отрицательно замотал головой. Федоскин задумчиво потер подбородок уголком папки.

– Ну ладно... Проверить тебя я сейчас не могу, поверю на слово, но... если ты меня обманул, лучше сразу без оглядки беги из города... А если ты и вправду на работу устроился, то молодец, хвалю...

Витька польщено заулыбался, хотя у него и в мыслях не было устраиваться на работу. Зачем? Сейчас можно даже не работая жить вполне прилично, благо статья о тунеядстве благополучно куда-то испарилась. К тому же, в стране кой-какая демократия, каждый волен жить по-своему, как ему заблагорассудится. А приближающая пенсия? А что пенсия – пенсию, хоть и минимальную, или как там ее называют – социальную, все равно начислят, куда они денутся. Начислят – у нас любят уравниловку. Тьфу-ты! Вот дурень, какая еще пенсия, сейчас не до пенсии, сейчас главное, чтобы этот дотошный полицай от него отстал, отпустил. А дальше видно будет.

– Слушай, Кондратьев, давно тебя хотел спросить, – Федоскин вопросительно смотрел на бомжа. – Почему тебя все называют Витька-Гипноз? Почему? Да ты не бойся, отвечай.

– «Гипнозом»? Да так... – замялся Витька, не зная: то ли правду сказать, то ли правдоподобно соврать, пустить пыль в глаза, – кое-что получается...

– Да ну! – оживился Федоскин. – В смысле гипноза, да? Как у Копперфильда, да?

– Кого-кого? Фильда? Нет, я такого не знаю, даже не слышал про него, – пожав плечами, честно признался Витька.

– Врешь! – категорично не поверил младший лейтенант. – Это же идиотизм – не знать Копперфильда! Ну Кондратьев, ты со своей пьянкой совсем от жизни отстал! Его весь мир знает! Этот американец через Великую китайскую стену, как нож сквозь масло прошел! Да-да! Я сам это по телевизору наблюдал!

Наблюдатель... твою мать! Чем удивил? Подумаешь, какой-то там «пиндос – америкос» через китайскую стенку прошел. Ну прошел – и что с того? Этой стене поди уже не одна сотня лет, должно быть, трухлявая стена, рыхловатая. Недавно, Витька по пьяной лавочке через свой барак с улицы Оборонной на улицу Пролетарскую прошел, проще простого прошел – насквозь, вживую, без каких-либо хитрых фокусов. Да и как можно сравнить Витькин барак с ветхой китайской стеной. Бараку всего-то лет пятьдесят, как новенький пятак барак, хоть и списанный. Витька бы и обратно через барак вернулся, да соседи проснулись, по шее накостьляли... сволочи! Так что, не надо нас пугать американским фокусником, тот еще мало каши ел по сравнению с Витькой. Витька за свою жизнь прошел, как говорится, и огонь, и воду, и медные трубы! К примеру, напои его хорошенько – он через две китайские стены пройдет и не чихнет, для него это – раз плюнуть.

А кличка Гипноз к Витьке намертво приклеилась из-за глаз. Они, они виноваты, заразы! Стоило ему переволноваться, как глаза начинали свое наступательное движение: сначала они усиленно моргали, часто подмигивали, затем отчаянно дергались, и наконец, начинали бешено вращаться. Короче, психовали глазки, если не выразиться грубее-дурели.

Разные люди, по-разному воспринимали шальные вращения Витькиных глаз. Одним – большинству – казалось, что он гипнотизирует их, другим – будто что-то просит, а то и вымогает, третьих – неприкрыто пугает, четвертым – давит на психику, над пятыми издевается: разброс мнений как всегда велик и разнообразен. Но существовало и единое мнение: Витька

не зря носит кличку Гипноз, есть в нем что-то, что-то такое, неземное, мистическое, завораживающее.

Лишь изредка, когда уж очень-очень хотелось выпить, Витька пользовался – но не злоупотреблял – своим необычным даром. Подойдя к выпивохам, он первым делом находил взглядом бутылку. Остальное, как говорится, было делом техники. Обычно ему и наливали, и закутить предлагали – хотя словесно он, вроде бы, и не просил. Народ у нас в основном добрый, отзывчивый народ... когда выпьет. Правда, иногда гипноз не удавался, но не по причине пьяного гипнотизера – просто народ попадался жадноватый, и тогда Витьку просто били. Больно. Но такое случалось редко.

И еще насчет клички. Давненько, еще в молодости Витьку призвали в Советскую армию. Призывной врач – невропатолог поставил его здоровью диагноз: «Невралгия тройничного нерва» с пожеланием не шибко здоровому новобранцу побольше есть фосфора и пить рыбий жир, и рекомендовал направить глазастьенького паренька в стройбат. Между прочим, именно там Витька приобрел ныне дефицитную профессию сварщика, которая позволила ему более десяти лет проработать на судоремонтном заводе. И, если бы не эта сволочная перестройка, будь она неладна!

Правда, если уж быть честным до конца, то Витька совершенно точно знал всю подноготную своей клички... Все дело в чугунах, именно в нем. Однажды, когда он учился в первом классе, пьяненькая мамаша из-за нечаянно пролитого сыном стакана водки, в гневе навернула свое чадо чугунной сковородой! Не простой – чугунной! Представляете? Так что весь секрет Витькиного «гипноза» не в его природном даре, секрет – в чугунах! Точнее-в его составе. Но об этом никто-никто не должен знать, в том числе и участковый, ему лучше соврать, может, отцепится и уйдет.

– Эй, Кондратьев, ты не уснул? – недовольный голос участкового вернул Витьку в центр города, куда вход ему был заказан. – Так ты говоришь, что кое-что у тебя получается? Это хорошо... – хищно напрягся Федоскин, явно что-то замышляя. Витьке стало тоскливо, кажется, он влип в очередной нехороший переплет. – А что, если мы твои способности проверим? Вон видишь тот автобус? – Участковый папкой указал на приближающийся южнокорейский автобус с желтой рекламной надписью на боку «Лучшие в мире гвозди – в «Байкале!» – Ты сможешь его остановить?

– Смогу! – обнаглев от страха, ляпнул Витька. – Только зачем? При резкой остановке могут быть жертвы.

– Ах, да, да! – быстро согласился Федоскин и вновь зашарил взглядом по сторонам. – Ну, тогда... Вон, видишь фонарь над «Бистро»? – Он боднул подбородком в сторону квадратного, под старину стеклянного фонаря, висевшего над входной дверью кафе. – А ну-ка, включи его...

Витька попытался было вывернуться, мол зачем, днем электричество надобно экономить, но участковый больно ткнул его в левый бок углом папки, дескать, не умничай, делай что тебе велят. Пришлось Витьке уставиться на фонарь. Несколько раз, будто для разминки, он глубоко вздохнул-выдохнул, и... И тут из дверей кафе вышел... негр! Самый настоящий негр! Живой! Черный! Чернее темной ночи! Витька таращился во все глаза: он сроду не видел негров – у нас негры по окраинам не ходят.

Невысокий, толстенький, одетый в броско-яркую оранжевую куртку с вышитым на правой стороне «штатовским» флажком, негр держал в одной руке три бутылочки импортного пива, в другой – пластиковую тарелку, кажется, с пирожками. Вот он уселся, нет, скорее вальяжно развалился за уличным столиком, небрежно забросил на соседний столик ноги в ботинках на пористо-рифленной подошве, телесно расслабился, затем прямо из бутылочки влил в себя добрый глоток пива и сунул в рот пирожок... Было хорошо видно, как его чернолоснящаяся челюсть равномерно двигается, а толстые губы почмокивают от удовольствия.

Витька где-то от кого-то слышал, кажется, от телевизора, что в «штатах» запрещено обзывать негров – неграми, их дозволено называть афроамериканцами. Н-да! Кликуха длинноватая!

Скорее всего, этот афроамериканец... нет, лучше все-таки для удобства называть его негром. Так вот, этот негр, по-видимому, был одним из тех американцев, что пригнали в наш небольшой портовый городок – некогда наглухо закрытый военно-морской тайной не столько от иностранных шпионов, сколько от собственных граждан – плавучую поисковую платформу для переоборудования в нефтедобывающую.

Почти всю процедуру прибытия американцев на российскую землю Витька видел собственными глазами. Он сидел на лавочке у памятника русскому лейтенанту, первым ступившим на берега этой закрытой от всех ветров бухты и наблюдал, как громадная, похожая на ополовиненный авианосец чужеземная платформа в сопровождении почетного эскорта из трех американских морских буксиров, величественно ползла по темно-голубой глади некогда мощного военно-морского района России. Широленные, сшитые будто по заказу звездно-полосатые флаги на платформе, на буксирах, казалось, вызывающе, победно ликовали: мы здесь! мы победили!

А между тем на пирсе, украшенном российско-американскими флагами, толпилось почти все население города. Старательно надувая щеки, музыканты городского оркестра пугали белокрылых чаек то задорной «Калинкой», то государственными гимнами обеих стран. Хлопали дверцами шикарных джипов озабоченные чиновники; из микроавтобуса «Делика» выгружались разряженные красавицы в расписных сарафанах с хлебосольным караваем в руках; молоденькие девчата в коротких юбочках нетерпеливо повизгивая, размахивали крохотными «штатовскими» флажками; безусые подростки без страха попивая пиво, задиристо поглядывали на цепь бронежилетных «омоновцев»; и только пожилой люд, еще помнивший годы «холодной» войны, угрюмо безмолвствовал – американцы обещали городу новые рабочие места. К Витькиному сожалению, по соседству подогнали на всякий не предусмотренный случай еще один автобус с нагловатыми «омоновцами» – и Витька, отказавшись от дальнейшего участия в торжествах, предпочел улизнуть от греха подальше – от блюстителей порядка добра не жди. От соседей он слышал, что экипаж платформы с грозным названием «Орлан» разместили в единственной гостинице с чисто морским названием «Якорь». Судя по этому откормленному афроамериканцу, экипаж чувствовал себя на российской земле вполне уютно и комфортно.

– Слушай, Кондратьев, – почему-то шепотом напомнил о себе участковый, забыв про фонарь, – а ты смог бы этого негра загипнотизировать? Ну так, шутя... Чтобы он, к примеру, пирожком подавился, или бы ему наше пиво в глотку не полезло... А еще лучше, если бы он вообще отсюда убрался, а то ишь, барином расселся, как у себя дома. Ну что, сможешь?

– Негра? – переспросил Витька, чувствуя, как по спине мурашки забегали. – Нет... я негров не пробовал.

– А ты попробуй, – с глухой угрозой приказал младший лейтенант, – может, получится. Я где-то читал, что негры не чувствительны к боли, отчего среди них так много знаменитых боксеров. А вот как они насчет гипноза – я не знаю. Так что, давай попробуем, попытка – не пытка. Если у тебя с ним получится, станешь первопроходцем, как Колумб. Так что, давай, пробуй... Давай, давай!

Витьке оставалось только обреченно пробормотать: ну, если только попробовать. Он осторожно снял с себя рюкзак, поставил его к ноге, затем жилисто напрягши шею, глубоко вздохнул, вонзая взгляд в негра. Негр, непринужденно перебросив ногу на ногу, утробно заурчал шлепая губищами: ур-р-р! мол, жизнь хороша!

У-у, гад заморский, не берет его гипноз, видно, шкура толстовата!

Фу-у! Шумно выдохнув, Витька покосился на участкового. Федоскин презрительно сплюнул и, показав ему кулак, прошипел: «Делай вторую попытку, ну-у!»

Ага, легко сказать – делай! Сдуру можно и хребет сломать. Тут башкой думать надо: как заставить глаза работать? Башкой! Вот если бы в руках негра была бутылка водки, проблем бы не было. А пиво! Что пиво — пиво вода, не водка, градусов маловато, тут фокус не пройдет... А что если... попробовать на пирожки? Можно попробовать, у меня со вчерашнего дня в рот крошки хлебной не забегало, авось глаза на это клонут. Главное – настроиться... Итак, все внимание на пирожки... Ох, как они румяны, как маслянисты, как аппетитно выглядят! А какой запах: ах! Наверное, с мясом? Или с капустой? А может, яйцо с луком? Я голоден, голоден, голоден, как стая серых волков! Ох, как хочется жрать! Жра-а-ать...

Сначала, в движение пришли почему-то не глаза – желудок голодно заурчал, судорожно задергался, как страна от жилищно-коммунальной реформы. И, наконец: ур-ра! – заволновались глаза, заморгали, задергались, зачиховали. Ну, давай, давай же! Пошел, пошел гипноз!

Афроамериканец взял с тарелки второй пирожок, любовно оглядел его со всех сторон, надкусил... и, поперхнувшись, тряско закашлялся: кха-кха-кха! Что, не лезет в чужую пасть российский пирожок!

Громко прокашлявшись, негр огляделся по сторонам, словно желая убедиться: видел ли кто, как он некрасиво кашляет. Увидел – в метрах десяти от его столика стояли двое: русский полицейский в серой форме и лохматый мужик в грязной куртке, с рюкзаком у ног. Наверное, они ради простого обывательского интереса разглядывают его – афроамериканца. Пусть смотрят, он с них денег за просмотр не возьмет.

Негр взял в руки бутылочку, но пить не стал. Его заинтересовал не местный полицейский: «коп» – он и в России «коп» – а нестриженный мужик, вернее, его глаза: нервные, беспокойные, дергающиеся. Может, у этого русского неприятности на работе? А вдруг, от него ушла любовница? А что если он заболел? Тогда ему нужно срочно обратиться к своему врачу или психологу. Эти русские такие странные...

Витька изо всех сил нагужал глаза: я голоден, я хочу жрать, жрать, жрать... Ну давайте родненькие, давайте, не подведите!.. Заклинал изо всех сил – и неожиданно вспомнил: был в его жизни негр, был! Правда, знакомы они были заочно. Годков не помнится сколько назад, когда у него еще была полноценная семья, поехал он с женой Надей и сыном Колюней на дачу картошку окучивать. На автобусной остановке к ним подошли две красногалстучные школьницы с плакатом в руках. Плакат просил, умолял, требовал дать свободу Нельсону Манделе. Девчонки в два голоса словоохотно пояснили: Мандела – хороший негр, которого плохие буржуины упрятали в тюрьму, где тот почти ослеп, и ему срочно нужны деньги на операцию. И под конец – бросив правую руку в пионерский салют – школьницы, напустив на себя строгость, добавили, что долг каждого советского человека и гражданина – помочь слепому борцу с империализмом. Помнится, жена Надюха, то ли от жалости, сейчас думается – сдуру, отдала девчонкам синенькую пятерку. Вы только вдумайтесь: целых пять рублей! По нынешним годам пусть не богатство, но сумма вполне приличная. Тогда на пятерку можно было купить почти литр водки... или двадцать буханок хлеба. Вот так-то! И вот как-то раз, собирал Витька бутылки в парке. Устал, прилег отдохнуть на лавке, на старых газетах. И совершенно случайно уткнулся сначала носом, потом – глазом в статью, в которой крупными буквами фигурировала фамилия Мандела. Витька вскочил, схватил газету и от нее узнал, что тот слепой Мандела стал зрячим президентом страны. Какой именно – узнать не удалось, неизвестный болван варварски уничтожил большую часть газеты. Вот и пришлось гадать: то ли Мандела рулит Америкой, то ли где в Африке заправляет, или еще где президентствует? Да разве угадаешь, на свете этих стран – хоть пруд пруди. Витька тогда, ой как обрадовался, еще бы: его должник – президент! Видно, помогла ему Витькина пятерочка, не мешало бы ему напомнить о прошлом долге. Наверняка, на «синенькую» еще и процентики набежали, что даже очень хорошо. Сейчас эти деньги, ему бы не помешали. Надо только найти точный адрес должника.

А что, возможно историческая встреча президента Манделы с неизвестным ему меценатом из далекой холодной страны и состоялась бы, но опять это злостное «бы» помешало – на следующий день Витька угодил на десять суток в камеру, как было сказано в приговоре, «за опрвление естественных надобностей в общественном месте». Было дело, обрызгал он кинотеатр «Авангард», так по нужде же! Что ему было делать – ждать когда его мочевой пузырь взорвется, как детский шарик? Нет уж, дудки! В городе нет ни одного общественного туалета, а он крайний оказался! Где же справедливость? Да и вообще, этот мир неправильно устроен! Взять того же Манделу. Тебе помогли – ты помоги. Захотел бы он Витькин адрес узнать – на раз бы узнал со своими президентскими возможностями. Так нет же, зажилил процентики, жаба заела, хотя денег, наверняка, чертова пропасть. Все они там пройдохи! Что, не так? Так! Раньше мы этим «манделам» бескорыстно, по-братски помогали и жратвой, и оружием, а главное – деньгами, «бабками», валютой! Вернули они нам ее – шиш с маслом! Со всех сторон нас обложили, войной грозят, санкциями душат – кто нам поможет? Никто! Только на себя остается надеяться да на ту русскую кобылу, что всегда нас вывозила. Так что, извини негр, сейчас ты у меня узнаешь, где наши раки зимуют, ты мне ответишь и за мою стигнувшую пятерку, и за проделки своего земляка и моего должника ответишь – Манделу. Ну, держись морячок!

Набирая обороты, Витькины глаза казалось, завращались точно пропеллер у самолета или винт у моторной лодки. Негр, не в силах оторвать взгляд от глазастого мужика, наощупь нашел бутылочку пива. Поднес ее ко рту... Почему этот русский так странно на него смотрит? Что ему надо? Что с его глазами? Если он голоден, я могу поделиться... А что если он угрожает мне, мол, смотри американец, мало ли что может с тобой случиться в нашем далеком от цивилизации городишке... Пиво не полезло в глотку. Черт бы побрал этих русских! Что им от меня надо? Сбросив ноги со стула, негр обратился к полицейскому: «Сэр, вы что-то от меня хотите? Послушайте, я не нарушаю российских законов... я законопослушный... я исправно плачу налоги... я ничего плохого не сделал...»

Участковый Федоскин, прислушиваясь к незнакомому лепету американца, в душе ликовал. Ишь как его прорвало, задергался негр! Пирожком подавился, про пиво забыл, ноги со стула сбросил, по-своему забормотал – припекло видно парня, достал его Кондратьев своим гипнозом! И правильно, тут тебе не Америка, не Бродвей! Молодец Кондратьев! Талант у мужика! Глядишь, он и Копперфильда за пояс заткнет, а что – и заткнет, за ним не заржавеет...

Витька же продолжал вращать глазами. Негр, не дождавшись от местного «копа» ни ответа, ни совета, опять переключил внимание на глазастого мужика.

Почему этот безумец – явный безумец! – так на меня смотрит? Возможно, он немой и желает глазами меня о чем-то предупредить? О чем? Может, о террористах, которых в России, как пишут в газетах, больше чем небоскребов в Нью-Йорке? А вдруг, сейчас это кафе взлетит на воздух? Или в него врежется грузовик, начиненный взрывчаткой? О Боже! От этих русских всего можно ожидать!

Афроамериканец опасно закрутил головой. Удивительно, но этот российский городишко, ранее казавшийся ему совершенно безопасным, в одно мгновение изменился и сейчас выглядел недружелюбно, агрессивно, опасно! Все вокруг, абсолютно все! – даже уродливая металлическая урна для мусора перед входом в кафе – кричало, источало, вопило об опасности! о скрытой угрозе!

Что за страна такая?! Надо спасать свою задницу, бежать отсюда! Бежать, сломя голову бежать! И чем быстрее, тем лучше.

Едва не опрокинув столик, негр вскочил и быстро-быстро, мелко-частыми шажками направился в сторону гостиницы, но видно на ходу передумав, резко рванул в сторону судоремонтного завода, на платформу, под защиту звездно-полосатого флага.

– Ну, Кондратьев, ну молодец, ну ты даешь!! – в полном восторге «занукал» участковый и, не сдержав эмоций, пребольно хлопнул бомжа по плечу. – Лихо ты его, по-нашенски!

– Знай наших, Америка! – самодовольно напыжился Витька. Его уставшие от долговременного гипнотического сеанса глаза, в последний раз провернувшись, замерли на пирожках бесхозно оставшихся на столе. Сглотнув голодную слюну, испытывая чувство смущения, Витька попросил: – Товарищ лейтенант... разрешите... можно мне попользоваться... пирожком?

– Пользуйся Кондратьев, заслужил, – благосклонно разрешил участковый, куда-то торопясь по служебным делам. А Витька, как и американец, забросив ноги на соседний стул, принялся уминать чужие пирожки, запивая холодным импортным пивом. И чувствовал он себя при этом вполне свободным и независимым, а главное – счастливым.

А когда на море качка Рассказ

Бог ты мой, куда я попал?! В первом вагоне поезда «Владивосток – Пенза», бывший – Харьковский, находились лишь граждане Китая да мигранты из Средней Азии. Половина на половину – и нет ни одного лица славянской внешности, ни одного!

И запах в вагоне не нашенский! В нос прямо шибануло смесью чеснока, сои, стеблей бамбука, куксы и прочего Доширака – одним словом: Востока. Господи, неужели я ошибся поездом, может это поезд «Владивосток-Пекин» идущий через Москву и дальше через Ташкент? Если такой, конечно, курсирует. Только вряд ли, не слышал я про этот поезд, хотя частенько по командировкам мотаюсь. Я даже обратно из вагона выскочил, название на вагонной табличке прочитал, к проводнице с вопросом обратился. Да нет, все правильно, не ошибся я— первый вагон, место тридцать пятое, как и обещала кассирша – нижнее место, хорошее. А возвращался я из Хабаровска в родной Тамбов. Здесь находился в командировке – помогал устанавливать новое табло на ледовом стадионе, где будет происходить чемпионат мира по хоккею с мячом. Конечно, можно было взять билет на самолет, но меня укачивало даже на перелетах на небольшие расстояния – пяти пакетов не хватало. Ну и, признаюсь честно, страх перед летными происшествиями последнего времени подкосил мое доверие к авиации и заставил купить билеты на поезд: пусть пять суток потрясусь в душном вагоне, зато в безопасности, да и поездом мне обойдется гораздо дешевле, чем самолетом. Ведь не зря говорят: тише едешь – дальше будешь. И целее.

Иду по проходу, выискиваю свое законное место, а на меня со всех сторон с разной долей любопытства пялятся люди азиатской внешности. Тут и узбеки, и киргизы, и таджики возвращающиеся на какой-то свой религиозный праздник домой с зашитыми в одежду российскими рублями (они еще не знают, какой впереди их ждет шмон в казахском Петропавловске), тут и жители Поднебесной, то есть, китайцы и китайки, решившие то ли от добрых побуждений, а скорее всего из-за все тех же наших рубликов накормить уральцев, а точнее – жителей Челябинской области тепличными огурчиками-помидорчиками сомнительного производства. Я им всем дружелюбно улыбаюсь и из-за перенаселенности вагона с трудом пробираюсь по проходу, выискивая свое место. Прямо не вагон, а второй Интернационал, решивший переехать в Москву! Только и плюс мне будет, что возможно китайский разговорный одолею за долгую дорогу. Или узбекский.

Наконец, нашел свое купе – первое от туалета. Надо же! И здесь мне не повезло! От туалета доносится устоявшийся запахок —увы! не одеколна «Новая заря» и даже не «Тройного», типа французского «О-де-колонь» купленного мной в Хабаровске для профилактики порезов после бритья. Ну хоть хоть с местом повезло – нижнее. Все купе забито китайским барахлом, еле-еле затиснул свою сумку на третью полку. Ну да ладно, устроился – и слава Богу, чай не в Зимнем дворце родился, перетопчемся, не впервой.

Сел на край жесткой лавки, огляделся... Китайцы громко гугнят между собой, с азартом в карты режутся, может, и не в наши карты, но что-то похожее. Все трезвые, должно быть, непьющие попались, что уже хорошо. У выходцев из Средней Азии все наоборот – гонцов по магазинам успели заслать, уже и бутылки с водкой откупоривают, с любовью колбаску-помидорчики режут. Как-то это все удивительно: вроде, в исламе под запретом крепкие горячительные напитки. Спросил об этом у одного парня— он рассмеялся и говорит: мол, это им у себя дома запрещено пить, дома они – послушные, праведные мусульмане, но здесь не дом – Россия здесь, вагон, свобода! – почему бы и не выпить, не подраться, не покуражиться, не разбить стекло в тамбуре, в России дядя, все можно, все разрешено. Понятненько.

И вдруг, среди международного гомона, где-то в проходе слышится песня на чистом русском... слова, вроде бы как знакомые, кажись, где-то я их слышал.

– А когда на море качка, и бушует ураган

– Я приду к тебе, морячка – сердце я тебе отдам.

– Сердце я, сердце я, сердце я тебе отдам...

Тут и я, и китайцы, и весь среднеазиатский люд как по команде вытянули шеи в проход: кто это там соловьем заливается? По проходу, с двумя целлофановыми пакетами в руках не шел – скорее, пробивал себе дорогу крепкий широкогрудый мужчина явно из той породы, что способны за себя постоять. Я на глаз определил, что это или бывший вояка, или, что скорее всего – моряк, судя по его передвижению по вагонному полу, или как там у них – по палубе.

– Здравствуйте! – громко поздоровался подошедший «певец», улыбаясь мне всем своим широким лицом и ставя пакеты на стол. – Неужно новый сосед? – Я ответно кивнул. Он еще больше расцвел. – Вот и слава богу! А я уже подумал, что пока к Самаре подъеду – или русский забуду, или в него превращусь, или ассимилируюсь в китайца. – заразительно засмеялся он, и протянув мне свою ладонь-лопату, представился: – Александр Иванович, можно просто Шура, Шурик... или Боцман. Впрочем, Боцман в сухопутном вагоне – лишнее.

Короче, познакомились мы с ним, я ему о себе рассказал, он – о себе. Понятное дело, пивка глотнули по паре рюмочек, копченой рыбкой амурской закусываем. Болтаем о том, о сем. Сосед по верхней полке, то есть, Шура-Боцман – оказался моряком торгового флота из Владивостока, более тридцати лет отдавший морям-океанам и Дальневосточному пароходству. В настоящее время на пенсии, но продолжает работать в портофлоте, на морском буксире. Сейчас он в отпуске, направляется в Самару, так сказать, проведать свою малую родину, может, как он выразился, в последний раз – что-то сердечко стало пошаливать.

Поезд давно уже тронулся. С грохотом проскочили амурский мост, дальше пошли биробиджанские сопки, темные тоннели, бесконечная тайга еще не освободившаяся от снега. В вагоне шум, гам, духота – китайцы кушают чесночные приправы с куриными лапками, горласто разговаривают, крикливо играют; среднеазиаты пьют водку, закусывают колбасой и уже начинают переругиваться между собой. Вроде, пока трезвые были – нормальные мужики, но эта крепкая российская водка превращает их-не в обиду сказано – в черт знает в кого! Вот один узбек, совсем-совсем молодой, слабоватый на выпивку паренек упал прямо на проходе. «Они укачались», – оправдывались и перед нами, и перед китайцами его земляки, поднимая упавшего.

– Меня тоже укачивает, – не знаю зачем, сообщил я об этом новому знакомому, когда мы плавно перешли от пива к крепкому чаю. – Из-за этого я на поезде поехал, в самолете меня наизнанку выворачивает, особенно при взлете и посадке.

– Бывает, – как-то уж слишком буднично обронил мой новый знакомый, после того как мы перешли с ним на «ты» – Ты особо не переживай, не ты один от этого страдаешь, думаю, всех укачивает, без исключения.

– Всех? И даже вас, моряков? – удивленно спросил я.

– А почему бы и нет, – засмеялся Шурик, нарезая тонкими кружочками колбасу под названием «Ратимир». – Мы что, из другого теста сделаны?

– Нет, конечно, – тотчас согласился я. – Однако, я думал, моряков не укачивает... они привычные, что ли.

– Привычка, говоришь? Есть у нас и такое. Работаем на море, бывает, и качает, и довольно долго, и тошно, и муторно-и, если ты не привыкнешь к качке, она может с ума свести, так что или привыкай, или списывайся на берег. Переходи работать в речное пароходство, на реку, вон их сколько у нас: Амур, Волга, Кама, Обь, Енисей! По своему многолетнему опыту скажу: от качки работа помогает, когда ты постоянно занят, когда не думаешь о ней – тогда не страшна она тебе. Если ты действительно любишь море – привыкнешь и к качке, как гово-

рится, нужда заставит мышей ловить. Помню, я на «пассажире» одно время ходил с Владивостока на Камчатку. Пассажиров – туча, особенно летом. Пока на море тишь и благодать, все они красивые, веселые, жизнерадостные, а как только шторм прихватил, те же пассажиры – зеленые, тусклые, злые. По каютам штабелями лежат, всю палубу обрыгают, только и спрашивают ежеминутно: ну где же суша, когда дойдем? Вот так-то брат! По моим наблюдениям, укачивает практически всех людей на земле. Помню, шли мы с Канады с зерном и качало нас почти неделю. На ногах остались лишь бывалый капитан да старый боцман на руле – остальных всех качка наповал уложила. Всех, без исключения. Как капитана с боцманом она с ног не свалила – остается только гадать. Впрочем, с высоты моего сегодняшнего опыта могу смело заявить: чувство ответственности за жизнь других заставило их упрямо держаться ногами за палубу; ну и соответственно, долголетний опыт.

– Вот они – настоящие морские волки! – восхищенно воскликнул я. —Помните, как у поэта: «гвозди бы делать из этих людей!» – воскликнул я, однако не зная почему, тут же засомневался (видно «Балтика» номер 9 ударила в голову) – Нет Шурик, ну не верю я, что все укачиваются, не верю. Наверное, есть же исключения Думаю, космонавты не укачиваются, и летчики вряд ли, ведь они столько лет тренируют свой... как его?... вестибулярный аппарат.

– Аппарат, говоришь – вроде как ехидно поджал губы Шурик. – Ну не скажи. Не знаю как космонавты, а вот летчики укачиваются стопроцентно! Своими глазами наблюдал, и даже вот этой головой, – он засмеялся и постучал себя по макушке пальцем. – Да, да, наблюдал, была у меня один раз такая возможность. Могу рассказать, времени у нас – уйма...

Я конечно, тотчас согласился и Шурик начал свой рассказ.

– Был я тогда еще совсем молоденьким матросиком после мореходной школы. Ходил на теплоходе «КИМ», Дальневосточного морского пароходства. Теплоход был старым, еще ленинградской довоенной постройки, не сварной – клепаный, но чрезвычайно надежный «пятитрюмник». Он всю войну перевозил грузы по ленд-лизу из Америки в Союз, неоднократно попадал под бомбежки, но уцелел бродяга, так еще и после войны как молодой пахал. Я бы таким кораблям-судам памятники ставил. Если ты думаешь, что он был назван в честь первого корейского лидера Ким Ир Сена, то глубоко ошибаешься; свое короткое имя он получил от соратника нашего комсомола – «Коммунистического Интернационала Молодежи», а короче – «КИМ», была до войны такая международная молодежная организация.

Ну да ладно, дело не в теплоходе... хотя, и в нем тоже. Стояли мы тогда в городе Находка. Как помню, стоял теплый солнечный день. И все было бы, наверное, хорошо, но досаждала нас угольная пыль с находившегося рядом угольного терминала, откуда и день, и ночь уголь грузили на теплоходы, берущие курс на Магадан, Эгвекинот, Тикси, Певек и прочие арктические поселки. Наш теплоход по сравнению с теми судами был как бы аристократом, так как стоял на шикарнейшей линии «Находка – Джапан лайн», что и было написано на его округлом борту. Советско-японская торгово-экономическая линия, круглосуточно работающая в обоих направлениях. В Японию мы везли стратегическое сырье: лес, хлопок, алюминий, обратно – товары широкого потребления, короче – тряпье. Японцы уже успели забыть, как мы помогали им восстанавливать разбомбленную, разрушенную американцами страну Восходящего солнца. Не мешало бы им напомнить...

В тот рейс нагрузили мы пять своих огромных трюмов под завязку хлопком и алюминием. Трюмы закрыли, ждем разрешения на отход, хотелось побыстрее покинуть причал с вездесущей угольной пылью. (Тогда проблемы с угольной пылью не существовало, лишь один причал был отдан под уголь) А разрешения нет и нет – видно, кого-то или чего-то ждем... Вдруг слышим, откуда-то сверху послышались странные звуки, будто бы крупная птица о стекло крылом бьет: шурк-шурк, шурк-шурк... И тут же воочию видим, как прямо на причал, совсем недалеко от нашего теплохода приземляются... два вертолета неизвестной конструкции! Люди, находящиеся на причале, с дикими криками брызнули в разные стороны, а длинноногие портовые

краны замерли от удивления. А вертолеты, должно быть напоследок для солидности махнув винтами, замерли в облаке угольной пыли, ну никак не вписываясь в морской пейзаж. Двухосновинтовые, похожие на сарай с дверью-воротами они, должно быть, были созданы для спасателей, а может, для воздушной медицины, или для военного десанта.

Из вертолетов вышли рослые, крепкие парни в красивой летной форме – ну прямо богатыри с картины художника Васнецова. Это и были экипажи наших новых вертолетов известных фирм: то ли Камова, то ли Миля – уже и не помню точно, но кажись, Камова. Вертолеты, естественно, вместе с экипажами, механиками и прочим начальствующим персоналом, были приглашены на авиасалон в Токио. И мы, а вернее наш «кимушка», должен был туда их всех доставить. Всех, кроме начальства – оно полетело самолетом рейсом «Владивосток-Токио». Тут же механики сняли с «вертушек» лопасти, отчего они, словно потеряв свое былое величие, стали похожи на нахохлившись от дождя или холода крупнотелых птиц. Береговой кран «Ганц» играючи подцепил вертолеты и поставил их на четвертый и пятый трюмы нашего теплохода, где их надежно закрепив, прикрыли брезентом от посторонних глаз.

Теплоход наш – не пассажирский лайнер, да еще и довоенной постройки, так что никаких особых удобств на нем не предусмотрено –новоприбывшему экипажу из восьми человек (четыре летчика плюс четыре механика) выделили самую большую четырехместную каюту; так что, придется им спать как в картах – по двое, валетом. Авиаторы – молодцы, не обиделись за дискомфорт, лишь пошутили, мол, в тесноте, да не в обиде. И ну давай нам заливать: «Мы и по Парижу бродили, и на Эйфелеву башню лазали, и в Лондоне с моста в Темзу плевали, и в Вене вальс Штрауса слушали, и над Миланом кружились! Ну везде мы были! Осталось только в Японии побывать. О, Япония, страна сакуры, sake, самураев! Жди нас – мы идем к тебе!»

Однако, моряков хвастовством не удивишь, большинство весь белый свет не по разу обошли, боцман Петрович даже втихушку ругнулся, мол, трепачи винтокрылые – и к себе в каюту ушел. Но боцман – старое поколение, из вымирающих, а мы-те кто помоложе, во все глаза смотрели и слушали вертолетчиков-испытателей, этих соколов неба, да и просто геройских ребят.

Утром отшвартовались, буксиры оттащили нас на внешний рейд, откуда мы, пройдя погранично-таможенный контроль, вышли в Японское море. Погода – не описать словами, а если одним словом, то – благодать. Все голубое: и море, и небо, и горизонт между ними. Короче, идиллия.

Я на руле стою, вахтенный помощник в лице старпома в локатор «Дон» пялится, хотя расстояние в десятки миль и без локатора легко просматривается. Теплоход со скоростью в одиннадцать узлов торопится в Японию. У нас план, его выполнение-закон!

Вдруг, слышим топот по железной палубе, словно цирковых жеребцов на арену выпустили, затем крики, смех – оказалось, наши гости вертолетчики на палубу вышли променад совершать. Одеты кто во что: одни в шортах-майках с надписью «ай лав ю», другие – в широких нашеньких трусах, с голыми торсами, но в «панاماх» на головах – ну чисто цирковые клоуны. Но все с фотоаппаратами, начиная от родного «Зенита» до импортного «Кодака».

И началась беготня от одного борта к другому, словно орлы-летуны испытывали наш теплоход на живучесть и остойчивость.

– Братцы! Смотрите, кит! Ки-ит! Да вон же, во-он! – слышится с одного борта – и шумная вертолетная гвардия устремляется на крик.

– Ребята! Дельфины! – слышим крик с противоположного борта, и раскачивая судно, небесные богатыри, толкая друг друга, несутся запечатлеть любимое всеми млекопитающее. Дельфины, должно быть, желая попозировать, подходят все ближе и ближе. И что тут начинается! Герои летчики на глазах превращаются в обычных хулиганистых пацанов. Они кричат, вопят, свистят в три пальца. Да так свистят, что у нас в ушах закладывает – им бы прямиком

в ансамбль песни и пляски Кубанского казачества. За борт летит все съестное, в том числе и конфеты в фантиках, будто дельфины ими только и питаются. Капитан – старый морской волк – матерится, грозится перевешать свистунов на рее, но его быстренько успокаивает замполит, предупреждая о высоком статусе гостей, мол, они из самой столицы, мало ли что. Капитан молча покидает рубку. «Валидол с коньячком пошел употреблять» – с завистью бурчит ему вслед старпом. А старый боцман Петрович в столовойкоманды матюгнувшись в сердцах, изрек пророчески, мол, досвистятся «летуны». «Дракон» как в воду глядел.

Прошли Сангарский пролив, по-японски – Цугару. Вот где вертолетчики понащелкали целую кучу кадров: слева Хоккайдо, справа – Хонсю, кругом – Япония.

Вошли в Великий океан, в Тихий. Но нас он встретил не тишиной – жесточайшим штормом. Нам бы укрыться в какой-нибудь бухточке, переждать, однако план не дает: даешь план! Тогда с этим строго было – сам хоть погибай, но план давай. Ползем по водной поверхности, скорость упала до двух миль в час, волны с девятиэтажный дом, то в небо упрямся, то в воду, то в небо, то в воду-болтанка страшная. Между тем, экипаж своим делом занят согласно штатному расписанию, а вот где наши «колумбы небесных высот» – неизвестно, ни на завтрак, ни на обед в кают-компания они не пришли. Неужно их так укачало? Нет-нет, не может этого быть, ведь они «орлы-неба», они не могут быть повержены какой-то там морской качкой, возможно имеющиеся у них солидные запасы домашней снеди, позволяют им безбедно существовать в отдельно взятой каюте. Однако, проведать летчиков хотя бы ради приличия-необходимо, и посему капитан, уняв былую злость на «свистунов», приказал мне, стоящему на руле: «Шурик, сбегай к гостям, посмотри, что с ними и как. Беги! Старпом, стой на руле» Я сбежал по трапам вниз, дверь в летнюю каюту приоткрыл... Е-мое! Иллюминатор открыт! В шторм! Должно быть, воздуха им не хватает! Заскочил в каюту – половики плавают, туфли, носки, бумаги... И как они еще не утопли? Я наглухо закрыл иллюминатор на все закрывалки. На «летунов» глянул... Видно, сильно укачало бедняг – лица зеленые, глаза запавшие, смотрят жалобно, пластами лежат, некоторые постанывают. «Ишь, что с людьми качка делает, – подумал я с сочувствием. – Кажись, у них даже сил нету, чтобы иллюминатор закрыть. Обувь плавает, однако не встали, с характером ребята...»

Вернулся я в рубку, доложил об увиденном капитану и опять за руль взялся. Капитан раз пять помельтешил по рубке, затем, остановившись напротив меня, с участием так сказал: «Знаешь, что Шурик, сходи-ка ты на камбуз, пусть Аннушка бутербродов с кофе организует... не для меня, для этих... „свистунов-летунов“. Пусть перекусят, может оживут... Старпом, за руль!»

Я – на камбуз. Аннушка – наш судовой повар – живенько подсуетилась, на самый большой поднос погрузила чайник с кофе и в три слоя бутербродов с колбасой, с сыром.

Открыл я коленом дверь в «летнюю» каюту и в шутку кричу: «Ребятюшки – козлятушки, ваша мать пришла, колбаски с сырком вам принесла...» Зашел в каюту... А запах, запах! Будто в каюте бидон с бражкой разлили. Наизнанку рвет мужиков, с зеленью! Меня так же в первое время рвало... «Кушать будете?» – только и спросил, но видно напоминание о еде привело летчиков в бешенство. «Идиот!», «Злодей!», «Опричник!» – заорали с двух сторон, не особо так оскорбительно, почти культурненько – все-таки, летчики, из самой столицы. Но кем-то метко брошенная подушка вмиг разрушила мое мнение о культурности столичных летчиков – она выбила из моих рук поднос, чувствительно облив очень горячим кофе. Я с воплем вывалился в коридор и ударившись о переборку, набил себе шишку. Да еще перепугал до икания нашу Машу – уборщицу, елозившую шваброй в соседнем гальйоне.

Когда я доложил капитану о случившемся и для пушей убедительности своих слов показал ему шишку на лбу, в рубке появился замполит с предложением устроить вечер-встречу экипажа с людьми героической профессии – летчиками. На что капитан впервые на моих гла-

зах довольно жестко возразил своему помощнику по политической части: «Не надо никаких встреч, пусть летчики отдыхают, нам так спокойней будет...»

Пришли мы в Иокогаму, пришвартовались к причалу. Вертолеты тем же путем спустили на землю. Не отошедшие от качки вертолетчики хоть и пошатываясь, но почти бегом покинули судно и, лишь ощутив твердь земли, «сердечно» попрощались с экипажем, заявив, что больше их нога не ступит на это «корыто», что назад, на Родину они полетят как «белые люди» рейсом «Токио – Владивосток», где и будут дожидаться технику. Короче – гуд май, мореманы! Мы, ясное дело, обиделись на летунов (а кто бы не обиделся после такого бестактного заявления), однако вида не подали – моряки народ необидчивый.

Очевидно, не зря говорят, что человек полагает, а Бог располагает; после Иокогамы судно сбегало по своим грузовым делам в Нагою, потом в Кобе, и лишь затем опять возвратилось в Иокогаму, где на все том же причале мы увидели знакомые силуэты вертолетов, а подойдя совсем уж близко к причалу... и самих летчиков-вертолетчиков, спрятавшихся от солнца в тенечке гофрированных складов. Все те же восемь «орёликов» вяло приветствуя, помахали нам ручками. Мы пришвартовались, трап спустили, я под него сетку безопасности завожу – летчики навверх поднимаются мрачные, головы понурены, плечи опущены. Я почему-то вспомнил о горячем чайнике с кофе и шишке на голове. Боцман сверху ехидненько так крикнул, мол, неисповедимы пути господни. А летчиков вдруг, как по команде прорвало, почти хором выругались они: «Такие-сякие, мать-перемать! На нас валюту экономят, ссуки кабинетные!» Хоть и хитро они выражались, но мы сразу поняли, что высшие аэрофлотовские чины «кинули» лучших в мире пилотов на все тот же пароход-«корыто», а сами улетели первым классом комфортабельного авиалайнера, мол, каждый сверчок, должен знать свой шесток.

Впрочем, обратный путь до Находки прошел на удивление спокойно, да и сами вертолетчики будто поняли, что море не любит лишней суеты, а тем более – свиста. В общем, расстались мы если не друзьями, то хорошими знакомыми, это точно. Прямо на причале механики собрали вертолеты, и те из наших кто проживал во Владивостоке, стали пассажирами этих вертолетов-красавцев.

– Ну что, ты по-прежнему будешь утверждать, что летчиков не укачивает, – дружески хлопнул меня по плечу Шурик, моряк с прекрасного города Владивостока. – Или согласишься со мной, что укачивает всех.

И я с ним согласился. А в вагоне по-прежнему продолжали играть в свои карты китайцы, пьяно похрапывая спал народ из Средней Азии, стучали колеса о рельсы: тук-тук, тук-тук, тук-тук! И думалось: какая же у нас огромная страна!

Не желаете натюрморт с селедкой? Рассказ

Батюшки мои, до чего же быстротечно время! Оглянуться не успеешь, а Новый год в двери стучится: тук-тук! а вот и я! не ждали? Выглянешь: тьфу-ты! – опять этот жизнерадостный старикан со своей молодухой заявили, опять пьянки-гулянки, выпивки-застолья! О-о! А сколько денег надо? Все средства, что копил на нужную тебе вещь, за десять дней истратишь, как одну копейку! А какое железное здоровье надо иметь. Иной человек, может быть, целый год не пил, из последних сил держался, характер выдерживал, закалялся физически и морально – все бесполезно, все впустую: итог после праздника всегда один – головная боль, будь она неладна!

Выразив негативное отношение к наступающему Новому году, Вадим Зосимов постучал замерзшим ботинком о ботинок, чтобы хоть как-то согреться. Слегка побитый жизнью, пусть и худущий на вид, но еще достаточно крепкий, сорокапятилетний Зосимов официально нигде не работал, с гордостью называя себя человеком свободной профессии. То есть, он принимал и выполнял заказы от всех, кто попросит и неплохо заплатит. Впрочем, не отказывался он и от мелких заказов. Хм-м! Если разобраться, то само выражение «человек свободной профессии», звучит как-то туманно и не совсем понятно. Для полной ясности придется выдать Зосимова с головой: еще совсем недавно он числился художником при Доме культуры судоремонтного завода. Вскоре завод успешно приватизировали и в виде металлолома переправили в Китай, «культуру» так же успешно прихлопнули, в результате чего наш художник остался не у дел. Тогда-то и пришлось ему перейти в разряд людей свободной профессии, что помогало ему избегать встреч с налоговой инспекцией и более-менее безбедно существовать.

К примеру, в самый канун Нового года Зосимов выполнил срочный заказ в кафе «Агдам», где оформил настенное новогоднее панно с обязательным Дедом Морозом и Снегурочкой. Краснощекая, эротически длинноногая Снегурочка в коротенькой мини шубке, очень уж приглянулась хозяину кафе Мусе, от последующих затем щедрот которого Зосимов так наугощался, так наугощался... Бр-р, вспоминать не хочется. Собственно, вспоминать-то особо и нечего, так, кое-что... Тускло помнится, как пил с черноусым Мусой, пил с огромным охранником Васей, с официанткой пил... кажись, дома пил. Дальше – полный провал в памяти... Нет, одно Вадим помнил точно: проснулся он на своем родном диване. Да разве такое забудешь? Утром, разъяренная супруга Муза, бесцеремонно сбросив его с дивана, вытолкала вшей из квартиры со строжайшим наказом не возвращаться домой без денег. И вот, получив от хозяина кафе Мусы кое-какие деньжата, Вадиму пришла в голову спасительная мысль о подарке. Да-да, только подарок, хороший подарок мог успокоить, задобрить Музу, мог примирить их. Хороший, но не особо дорогой. Такой вряд ли купишь в супермаркете, надо идти на городской рынок, на барахолку.

Зажав в карманах окоченевшими пальцами денежные купюры, Зосимов тяжело передвигая ноги, направился в сторону городского рынка. Сильно болела голова, хотелось чего-то такого, такого... «Опохмелиться бы не мешало», – едва подумал художник, как ноги угодливо занесли его дрожащее от холода, от выпитого вчера тело в тепло закусочной «Три богатыря», а красные от мороза руки бережно сжали стакан с водкой. Понятно, что после влитого в себя стакана, Зосимов не превратился в былинного Илью Муромца, однако почувствовал себя настолько уверенно, что подойдя к городскому рынку, без страха и сомнения нырнул в неуправляемую рыночную стихию, которая пошвыряв его, как волны – пустую пластиковую бутылку, выбросили у прилавка с печатной продукцией.

Отряхнувшись побитой собакой, Зосимов машинально оглядел прилавок: газеты, журналы, календари с полубнаженными красотками лежали на прилавке плотно, как загорающие на переполненном пляже. Молодой бородатый торговец с серьгой в правом ухе, тыкая пальцем в соблазнительные тела девиц, бойко зазывал покупателей: «Подходи! Налетай! Покупай! Милейшие господа, а так же сударыни, эти горячие красавицы согреют вас в Новом году получше любого слесаря-сантехника!»

«Фи, какая пошлость! – целомудренно фыркнул Зосимов. – Тоже мне, юморист-самоучка!» Он уже хотел было отойти к более приличному прилавку, но тут его взгляд совершенно случайно зацепился за прикрепленный металлическими кнопками к дощатой стене холст. Именно холст! Показалось, будто холст маслянисто подмигнул: купи меня, дружище, ну пожалуйста! Вадим даже зажмурился, а когда резко открыл глаза – холст сиротливо висел на прежнем месте, и по-прежнему будто умолял: ну купи, не прогадаешь. Черт побери, он был! Он-есть! Он – явь! Животом навалившись на прилавок, точь-в-точь как охотник высматривающий дичь, художник впился жадным взглядом в холст. Холст являл собой небольших размеров натюрморт, чей ярко-голубой фон невольно притягивал взгляд. На этом фоне отчетливо виднелся квадрат кривоногого стола под сине-белой, в клеточку скатертью. На скатерти – зеленоватого цвета бутылка с водочной этикеткой, два граненных стакана, один из которых – с отчетливо видимой зигзагообразной трещинкой – похоже, стакан роняли. Рядом – опять же две, скорее всего серебряные вилки, невесть кем и зачем-то варварски погнутые. Жирная сельдь – должно быть, охотская – расслабленно разлеглась на белой, с красной каемочкой тарелке, от другой рыбешки остался только скелет, издали похожий на выброшенную после праздника елку без иголок. На самом краешке стола, как бы нагонял тоску об ушедшем лете увядший букет желтоватых цветов: то ли пионов, а, может, георгинов, возможно – тюльпанов.

Удивительно, но чем больше Зосимов разглядывал сей ярко-сочный натюрморт, тем больше холст казался ему знакомым. Где, на какой выставке, в каком музее или в художественном каталоге он мог видеть его? Его – или что-то подобное? Он пытался вспомнить, но – увы! не мог.

Брезгливо сморщившись, Зосимов огляделся вокруг.

«Как холст оказался здесь, среди людской сутолоки, матерной ругани, рыночной грязи? Может, я пьян? Или это всего лишь сон? – Он ущипнул себя за щеку и вскрикнул от боли: – Ой! Нет, это не сон! Явно не сон. Господи, но как же он хорош! Не натюрморт – прямо чудо! Именно, чудо!»

В настоящий момент Зосимову очень и очень не хватало реального чуда, и вот, кажется, он получил его, он поверил в это самое чудо! И вот уже оно, словно снежный вихрь ворвалось в похмельно-тоскливую душу художника и прочь прогнало все то нехорошее и гадкое, что терзало его тонкую творческую натуру в это морозное предновогоднее утро.

«Пусть еще не до конца верится, но кажется, мне впервые в жизни по-настоящему повезло. Этот натюрморт, похоже – шедевр! Случайно увиденный мной шедевр. Похожие удачные находки крайне редки, случаются примерно раз в сто лет, – размышлял Зосимов, сползая с прилавка. – Как бы, как бы мне его заполучить? Ой! Нельзя ли поосторожнее?! – Проходившая мимо с массой и скоростью маневренного тепловоза толстая покупательница больно ударила художника в бок бараньей ногой, клыкасто торчащей из порванного пакета, тем самым вернув его из заоблачного мира искусств на грешную землю. – Совсем озверели людишки! А еще женщина! Даже извиниться не соизволила! – ругнулся Зосимов, потирая ушибленный бок. С болью пришло сомнение. – А что если натюрморт – не подлинник, а всего лишь копия? Подделка – вдруг?»

И сразу, то ли от волнения, то ли от боли в боку захотелось чего-то такого... кисленького или соленького – и художник с голодным вождением уставился на сельдь на холсте.казалось, сельдь дышала, пульсировала, трепетала: одним словом – жила! И так она натурально

выглядела, что Зосимов почти реально ощутил на своем языке ее малосольный вкус, а нос будто бы учуял пряный запах. Эх, выпить бы сейчас!

– Дядя, вы что-то купить желаете? – спросил продавец, давно наблюдавший за странными манипуляциями явно нетрезвого мужчины в норковой шапке. – У меня товары на любой вкус и цвет. Если пожелаете, могу показать такую «клубничку» – ночь не уснете.

– Да нет, спасибо, я жене подарок ищу, – отстраненно буркнул художник.

– Жене, подарок? Ноу проблем. И жене вашей найдем. Одну секундочку... Вот! – словно фокусник, бородатый мигом достал из-под прилавка небольшой приборчик с разноцветными кнопками непонятого назначения. – Последний писк моды! Из Швеции! Называется «Стимулятор для груди». Всего пара недель – и грудь вашей жены станет больше... чем купола этой церкви, – кивнул он на заснеженные купола небольшой церквушки, что приютилась за рыночным забором.

– У моей пятый размер, так что не надо мне вашей груди, – вполне тактично отказался Зосимов. – Вы мне лучше во-он ту картину покажите! – показал он пальцем на натюрморт.

– Какую вам? Эту? Или эту? – принялся учтиво перебирать висевшие рядом с натюрмортом календари торговец. – А, может, вон ту?

– Да нет же, нет! Вон этот холст! – нетерпеливо топнул ногой художник.

– Эту... мазню? – увял было бородатый, но заметив лихорадочный блеск в глазах явно потенциального покупателя, засуетился. – Ах, эту! Понял, понял! Сейчас мы ее, сейчас, один моментик...

Чертыхаясь, пытаясь, обламывая ногти о металл кнопок, он снял картину со стены и, положив ее перед собой на прилавок, принялся привычно рекламировать:

– Уважаемый! Перед вами – не холст и даже не картина, перед вами – мечта! Уж поверьте мне, я толк в картинах знаю, на этом самом месте как проклятый искусством торгую уже целых десять лет! Десять лет – день в день! У меня на них нюх выработался не хуже, чем у розыскной собаки. К примеру, вот эта картина называется... как же она называется? О, вспомнил! Натюра...

– Натюрморт это, – тактично поправил Зосимов.

– А я и говорю, натюрморт, – не смутился продавец. – Между прочим, не простой натюрморт, а старый, очень даже старый! Мне его вчера братан привез... из Москвы. Да-да, из самой столицы! Он там на стройке работает... прорабом, вот! Их бригада дом ломала... особняк старинный... брат сказал – купеческий. Он ударил ломом, а там эта штучка-дрючка... натюрморт этот. Ну, братан его и пригрел, не пропадать же добру. А у них в бригаде бывший студент-художник работает, он-то и сказал, что натюрморт этот – вещь ценная и даже редкая, что рисовали ее эти... черт бы их всех побрал! и не выговоришь... крутится на языке... что-то вроде империалистов.

– Импрессионисты, – вежливо подсказал художник.

– Вот-вот, они самые – сионисты! – закивал жиденькой бороденкой продавец. – Братан и фамилии их называл, да я их забыл, помню только – чудные такие, ненашенские фамилии. Да и жили те художники давным-давно, когда меня еще на свете не было... и вас тоже. Так что, не сомневайтесь уважаемый, натюра... натюрморт старый, я бы даже сказал – очень старый и исключительно редкостный. Да вы сами на нее посмотрите, – он слегка приподнял холст. – Вот, смотрите, смотрите! Ишь, ишь зараза, как живая переливается! Видите, видите! Красиво, правда? Чисто змеюка... Ни в жизнь бы не продал, да бабки нужны, хочу старую тачку на новую поменять. Так что, берите уважаемый, вещь, как видите, о-очень ха-а-рошая!

– Согласен, может, и хорошая... А с другой стороны, вдруг – копия? – с видом знатока засомневался Зосимов. – Прекрасно выполненная копия. А что, вы этого не допускаете?

– Копия? Какая копия?! – растерянно переспросил бородатый, надуваясь праведным гневом. – Ты что дядя, обидеть меня хочешь? Я что, по-твоему, копий не знаю? Да через мои руки

знаешь сколько копий прошло? Ого-го! – потряс он короткопалыми конечностями. – Десятки, сотни! Эти копии меня, как огня боятся! Избегают, трусливо стороной обходят, будто я – налоговый инспектор! Вот так-то! А вы тут заладили одно и то же: копия! копия!

Зосимов почувствовал, что краснеет, ему стало стыдно за свои, возможно, необоснованные подозрения.

– Допустим, что это копия, – вроде как соглашаясь, предположил продавец, не сводя с художника глаз. – Всего лишь, допустим. Ну и что? Вы же сами сказали – прекрасно выполненная копия. А раз так, то... то она тоже стоит денег. Лично я так думаю. А вы как?

– Как я? – Зосимов не знал, что и ответить. – Ну-у... не знаю. Одно дело – подлинник, другое – копия. Тут в цене разница.

– Вот и я об этом говорю, – громко щелкнул пальцами бородатый. – Все дело – в цене! Любая добротная вещь, пусть даже и копия, должна стоить денег, ну хоть каких...

Зосимов промолчал, лишь тонкие пальцы художника, нервно барабаня по прилавку, выдавали его волнение. Неужели чудо не состоится?

Продавец, чутко заметив нервные самоистязания явно клюнувшего на холст покупателя, мгновенно воспользовался этим.

– Папаша, отбросьте ваши гнусные сомнения, никакая это не копия, это есть самая настоящая натура... я хотел сказать – натюрморт. Так что смело покупайте, не прогадаете! Хотите, я вам, как настоящему ценителю искусства, сделаю тридцатипроцентную скидку? Исключительно для вас, милейший! Только для вас! Можете еще раз внимательно холст обследовать, разрешаю. – И он, цепко держа натюрморт обеими руками, решительно поднес его к лицу художника, как свой последний решающий аргумент. – Вы примухайтесь, примухайтесь! Чуете? Тихоокеанской сельдью пахнет, иваси называется! Да тут один запах денег стоит...

И действительно, Зосимов уловил специфический запах сельди. «Фантастика! – закатил он глаза. – Надо же, как в нос шибануло! Вот это реализм!»

– Ну как, впечатляет? – самодовольно хихикнул продавец. – Копия так не пахнет! Это чистейшая натура, факт! Повезло вам папаша, купите жене в подарок, она вас будет на руках носить до самого Восьмого марта, а то и до дня Победы.

– Извиняюсь, а сколько вы за свою «натуру» просите? Я имею в виду, сколько может стоить этот натюрморт? Его реальная цена?

– Реальная? Гм-м... Я думаю, в пределах... – Бородатый замолчал, затем достал откуда-то из-под прилавка бутылку пива «Балтика», хрустко открыл ее о край прилавка и, выщедив пенистый напиток до дна, выдохнул: – Две тыщи!

– Две тысячи? – Зосимов машинально бросил руку в карман пытаясь вспомнить, сколько денег при расчете выдал ему черноусый Муса, сколько он оставил в «Трех богатырях». Вышло мало, очень мало. Но натюрморт никак нельзя было упускать.

– Что папаша, проблема с финансами? – заметил продавец заминку художника. – Понимаю вас, сейчас всем трудно – кризис. А, может вы считаете, что я дорого прошу? Ошибаетесь, милейший, эта картина даже без рамки стоит таких денег. Думаю, вы согласитесь со мной: две тысячи по нынешним временам – не шибко большие деньги.

– Смотря для кого, – нашел в себе силы огрызнуться Зосимов.

– А вот здесь вы совершенно правы, уважаемый, – снисходительно осклабился продавец. – Я сегодня утром своей супружнице кинул тыщонку на мелкие расходы, так она сразу пасть разинула: ты что мне копейки суешь?!

– Ну, знаете ли, ваше сравнение здесь неуместно! – искренне возмутился художник. – Может, для вашей жены тысяча рублей – копейки, лично для меня это – приличная сумма!

– А чего тогда по рынку шарахаетесь?! – в свою очередь озлился бородатый. – Не имейшь «бабок» – сиди дома! Все такие шибко культурные! А заглянешь в карман, там – вошь на аркане, да блох как на соседском Тузике! А гонору-то, гонору – выше рыночного забора!

Мой вам совет: идите и купите своей жене медное колечко в уличном киоске, то-то она рада будет.

– Ты мою жену не тронь! – переходя на «ты», заорал неожиданно для себя осмелевший художник. – Ты ее мизинчика не стоишь, хам! Не тронь ее, эскиз недоделанный! Я тебе сейчас за свою жену скальп сниму... – Подняв вверх обе руки, Зосимов навалился на прилавок, отчего стал похож на отощавшего медведя – шатуна, пытавшегося добраться до куска мяса.

– Но-но, папаша! – трусливо отшатнулся от прилавка продавец. – Только без рук, без рук! И попрошу вас, ведите себя прилично, мы же с вами интеллигентные люди! Не забывайте: сейчас у нас не старое время, демократия у нас, либеральность! Уважаемый, если хотите знать, я исправно плачу налоги! Я помогаю двигать реформы! Я полицию содержу, вот! – Бородатый боязливо оглянулся по сторонам. – Давайте договоримся тихо-мирно, как цивилизованные люди... – Он вытер остатки пивной пены с бороды и, ударив указательным пальцем по прилавку, как бы поставил точку в цене: – Тыща!.. двести! Больше не сбавлю, я не желаю торговать себе в убыток.

И, шумно высморкавшись в клетчатый потолок, он принялся медленно, медленно сворачивать натюрморт в трубочку, исподлобья сторожа каждое движение покупателя. Видя, как толстые пальцы бородатого грубо мнут нежный холст, Зосимов испугался.

– Стойте! Погодите! Я согласен! – закричал он, роясь в карманах куртки. – Минуточку! Я сейчас, сейчас...

Наконец, достав дрожащей рукой мятый комок бумажек, Зосимов на прилавке стал пересчитывать: «десять... шестьдесят... сто... сто сорок рублей... и девять рублей мелочью... Ну и подлец же Муса, обманул... и я хорош, зачем забежал в закусную?»

– Извиняюсь! Вот, сто сорок девять рублей... все, что имею. Еще раз извиняюсь... больше нет, к сожалению... Вы уж простите, – жалобно бормотал художник, выворачивая наизнанку карманы и подобострастно улыбаясь.

Бородатый, цепко схватив купюры с прилавка, шустро пересчитал их.

– М-м-м! – неопределенно промычал он. – Даже не знаю... вообще-то...

Зосимов, испугавшись, что бородатый передумает продать ему натюрморт, решительно сдернул с головы шапку.

– Вот! Возьмите! Шапку! Настоящая норка! Подарок жены к моему сорокалетию! Новенькая, почти не ношенная! – частил он, униженно глядя на продавца. Бородатый, ошарашенно дернувшись, уперся спиной о стену: в себе ли мужик?

– Берите, берите! – навалившись на прилавок, Зосимов настойчиво совал шапку продавцу. – Да вы не беспокойтесь, все без обмана, шапка новая, раза три надевал, жена ее за пять тысяч купила!

Бородатый взял шапку в руки, погладил нежно пальцами, губасто подул на мех – мех, вроде как настоящий, качественный, не инкубаторский. Но вместе с мыслями о качестве меха в голову заползло сомнение: а не продешевил ли он? а вдруг натюрморт и впрямь какой ценный? Однако, тут вспомнив, что он сам приобрел его сегодня рано утром у неизвестного, по виду – явно бомжа – за сто рублей, бородатый, протянув холст художнику, произнес с пафосом:

– Держите, уважаемый! Исключительно для вас, так сказать, от коллеги – коллеге по искусству! Только для вас, пользуйтесь! Эх, если бы не нужда проклятая...

Но Зосимов, не слушая стенаний бородатого продавца, расталкивая покупателей, сломя голову неся домой. Торопился... Однако, не выдержав внутреннего искушения, заскочил в первый попавшийся открытый подъезд. Где быстро развернул холст... Натюрморт при тусклом освещении невыключенной лампочки – казалось, ожил, заиграл всеми цветами радуги, нос тотчас ощутил аппетитный запах сельди, от желтого букета повеяло подзабытым ароматом прошедшего лета.

«Вот это да! Настоящий праздник для глаз! А сколько выразительности! внутренней силы! А какая гармония целого! А запах! Ах, какой запах! У-у! – Зосимов с шумом втянул в себя воздух. – Да, что ни говори, а у великих художников губа – не дура, любили мужики выпить, и в закуси толк знали, недаром на своих натюрмортах селедочку и прочую рыбку изображали. Пусть и вдрызг пили, но такое творили, такие шедевры создавали – мир по сей день любит и ахает от восторга. Взять хотя бы этот натюрморт. Вроде бы как старый, а красками играет, словно вчера написан. И без экспертизы видно: талант! талантище! Жаль, что я не могу так творить. Одно мне непонятно: чей шедевр?»

И Зосимов принялся вертеть натюрморт в руках.

«Шарден? Мане? Пикассо? Дали? Вряд ли. Пикассо – кубист, Дали – сюрреалист, а первые двое хоть и писали натюрморт, но когда это было. Нет, кажись, меня не в ту степь потянуло, нашли-то в Москве, причем здесь иностранцы? Скорее всего, это наши... Может, Шагал? Или ранний Ларионов? А вдруг Кандинский? Очень даже похоже на них, конец девятнадцатого – начало двадцатого века. Должен же где-то быть автограф... Ч-черт! Ничего не видать! Ладно, дома разберемся...»

Бережно, с любовью он стал сворачивать холст.

«Недавно по телевизору показывали, – вспомнилось по случаю, – как на лондонском аукционе «Сотбис», похожий на натюрморт, кажись, Шагала, был продан за не помню сколько миллионов долларов. Долларов! Сумасшедшие деньги! Вот вам и: «Искусство – свято! Его не купишь, не продашь!» Классическая чепуха, придуманная идеалистами и коммунистами! Еще как искусство продается! Между прочим, тот лондонский натюрморт был найден на чердаке старого дома в Витебске, где Шагал то ли проживал, то ли родился... А интересно, за сколько я смогу свой продать? Точно не скажу, однако, думаю, его у меня с руками оторвет любой музей мира, будь то французский Лувр или испанский Прадо, не говоря уже о нашем Эрмитаже. Коллекционеры-миллионеры будут у меня в коленях ползать, умолять, чтобы я продал им этот холст! Слезья просить будут! Потому как это не просто холст – это вершина, шедевр мирового искусства! А все остальное – есть чепуха! фальшивка! суррогат!

Крепко прижав к груди драгоценный натюрморт, Зосимов выскочил на улицу и победно вышагивая, как бы по гулливеровски сверху поглядывал на озабоченно снующих прохожих.

«Эх, люди, людишки! Все чего-то суетитесь, мельтешите, гоняетесь за призрачным счастьем, а спрашивается: зачем? в чем заключается ваше счастье? В новогодней елке? В дешевеньких подарках? В салате оливье? В полусладком советском шампанском? Фи-и! Как мелко, глупо, скучно! Вы носитесь по кругу, как гончие за зайцем не замечая меня! Кто я для вас? Гайка? Болт? Винтик? Маленький дрожащий человечек? Зря вы так! Пусть я маленький, но вы даже не подозреваете, что у меня в руках. Вот эта вещь перевернет всю мою жизнь так же, как изобретение колеса изменило жизнь рода человеческого! И никак не меньше! Да-да господа хорошие! И не вас, а лично меня впереди ожидает жизнь радостная, счастливая, творческая! Так-то, народ!»

Зосимов снежным вихрем ворвался в свою двухкомнатную малогабаритную квартиру, на ходу напевая им же сочиненную песню:

– Улечу из России, очень холодно здесь,

– Приземлюсь на Канарах, где бананов не счесть...

С кухни выглянула супруга Муза с перепачканными в муке руками.

– Интересно, куда это ты собрался, Зосимов? На какие еще Канары? Ты деньги принес? – Она по-собачьи принюхалась носом. – Подлец, ты опять пьян?! Где шапка? Пропил?

– Успокойся Музочка, у меня все под контролем! – жизнерадостно заверил супругу Зосимов. – Да, я капельку выпил, совсем-совсем немножко! И в тоже время можно сказать, что я пьян, пьян! Но не в прямом смысле – я от счастья пьян! Музочка, мне такая удача подвалила, такая удача! Я поймал за хвост...

– Заткнись! – клокочущим от ярости голосом оборвала его супруга. – Дрянь этакая! Ты что, издеваться надо мной вздумал?! Вчера нажрался до потери сознания, сегодня где-то успел нализаться: долго еще твое пьянство будет продолжаться?! Ты что, скотина, Новый год мне хочешь испортить, да?! – Выставив вперед мощную грудь пятого размера, Муза перешла в наступление. – Где деньги?! Куда дел шапку?! Ну, отвечай! – Точно кузнечным прессом, она прижала мужа к двери.

– К-какие деньги?! К-какая шапка?! – теряя последние остатки лирического настроения, Зосимов задыхался под жаркими телесами супруги. – О-отпусти... я тебе сотню таких шапок... деньгами завалю... будут тебе деньги, много-много... п-поверь мне, мужу своему...

Услышав странный лепет супруга, Муза, прикрыв алый ротик молочно-белой рукой, беззвучно прошептала: «Все, кажись, допился муженек, с ума спятил...» – На всякий случай ослабив напор, она отступила на шаг назад.

– Фу-у, едва не раздавила... – облегченно выдохнул Зосимов, передергивая плечами. Затем спросил с укором: – Ну чего как с цепи сорвалась, я тебе деньги принес, а ты...

– К-какие деньги? Откуда? Где они? – уже не на шутку испугавшись, не веря мужу, Муза стала медленно, медленно отступать.

– Да стой ты! Куда? – Зосимов схватил жену за руку. – Я что-то не могу понять: ты что мне не веришь? Не веришь, да?! Мне? Зря, зря... Ну чего дрожишь? Меня боишься? Ох, и дуреха же ты! Не псих я, не умалишенный, не бойся! Просто возбужден, и на то имею полное право. Ты ждала, что я принесу тебе деньги от Мусы, да? Ждала? Глупая, разве это деньги, это – копейки! Настоящие деньги вот здесь! – И он горделиво развернул перед супругой холст. – Вот они, смотри! Да не на меня смотри, глупая, на холст, на холст смотри! Это есть картина под названием натюрморт! О, это не просто натюрморт – это шедевр мирового искусства, можно сказать – классика живописи. Да-да, настоящий шедевр для мировой культурной общечеловечности! Лично для нас с тобой, это – большие деньги, притом, заметь, не рубли, нет – полновесные доллары, много-много долларов!

Музу передернуло от хвастливых, высокопарных, не подкрепленных конкретикой слов мужа, но едва взглянув на холст, она замерла с открытым ртом.

– Что Музочка, шедевр поразил? Да? Ой, знаешь, меня тоже, с первого взгляда убил... Смотри любимая, во все глаза смотри, такое чудо в реальной жизни редко где увидишь. Это тебе не мазня допотопная из нашего краеведческого музея. Смотри, наблюдай, любуйся, влюбляйся! Ах, какая ослепляющая яркость, какое смешение красок, цветов, тонов! Впрочем, что вы – женщины – в настоящем искусстве понимаете? Назови мне хотя бы одну представительницу слабого пола... Э-э, да что тут говорить – ты лучше понюхай... Понюхай, понюхай! – настойчиво повторил Зосимов, поднося холст к лицу супруги. Муза брезгливо сморщилась.

– Ага! Унюхала запахок! То-то! – самодовольно заулыбался Зосимов. – Музочка, это и есть настоящий, всемирно известный реализм! Настоящий, морем пахнущий, водорослями, чайками? Вот! А ты свое заладила: деньги, деньги! Эх-ты, тюха-матюха моя!

Муза же, будто не слыша мужа, отклоняла верхнюю часть туловища то назад, то вправо-влево, пытаясь получше рассмотреть натюрморт.

– ... И уйдет нужда серая, и заживем мы с тобой Музочка счастливо и богато! На, поддержи, я ботинки сниму.

Зосимов передал холст супруге. В его возбужденной голове новогодним фейерверком вспыхивали фантастические планы, один ярче другого.

– Знаешь Музочка, возможно, этот натюрморт будет стоить и миллион, и пять, а то и десять «зеленых лимонов» – не меньше! Реализуем мы его какому-нибудь богатенькому иностранцу-коллекционеру или нашему олигарху-нефтянику... А может, продадим в заграничный музей – у российских на него денег не хватит. Продадим – деньги в швейцарский банк положим... или в лондонский – у них там с этим делом более-менее честно. Продадим, поло-

жим, а что дальше? Дальше надо думать. А что собственно думать-дальше мы махнем с тобой Музочка на сказочный остров Кипр. Любимая, ты была на Кипре?

Отрицательно махнув головой, муза переворачивала холст то вверх, то вниз, словно пыталась найти потайную дверь для входа в натюрморт.

– Ах, да! Ты же дальше нашей дачи нигде не была. Ну ничего, особо не переживай – мы это быстренько исправим. Музочка, ну что, заказывать на лето билеты на Кипр?

Супруга не слышала вопроса мужа – она, как пробующая остроту когтей кошка, царапала холст накрашенным ноготком. Царап-царап.

– Не хочешь? Ну и правильно! Мы с тобой лучше махнем в Турцию, в Анталию! Давно мечтал о шведском столе. Чтобы от пуза, все что душе угодно, не экономя копеечно... Что? Не желаешь в Турцию? Знаешь, я полностью с тобой согласен, там сейчас и без нас русских – что собак на городской свалке. Мы лучше полетим с тобой... на Гавайи... хотя нет, кажись, именно там аборигены съели Кука... капитана Кука. Знаешь что, давай лучше махнем в Калифорнию... навсегда! На постоянное место жительства. А что, купим особняк двухэтажный, розовый, как фламинго... обязательно с бассейном с морской водой... с голубой-голубой! И с множеством пальм! О, пальмы! Ты будешь качаться в гамаке под пальмами, а я... я займусь творчеством, настоящим творчеством, к примеру, как Пабло Пикассо. Так хочется оставить после себя заметный след в мировом искусстве...

Муза с изумлением смотрела то на холст, то на мужа, словно выискивала между ними какое-то сходство. Она пыталась что-то сказать, но никак не могла вклиниться в монолог супруга.

– ... Купим большую яхту! Обязательно с алыми парусами, как у Грина. Алые паруса – это так романтично! Поднимем парус и возьмем курс на Кубу! «Куба – любовь моя! Остров зари багровой» – Зосимов вспомнил куплет из некогда популярной у нас песни про Кубу. – Стоп, стоп! Как же я мог забыть, на Кубе – Фидель правит, яхту запросто могут конфисковать! Нет-нет, лучше мы махнем на Ямайку! С детства мечтал попробовать ямайского рома, любимого напитка пиратов. После Ямайки заглянем на Гаити, говорят, там полно экзотики, дешевых бананов, чернокожих мулаток... Музочка, ты почему так странно на меня смотришь? Нет, нет, молчи! – замахал он руками, видя, что жена пытается открыть рот. – Ты меня неправильно поняла! Любимая, я тебя ни на каких мулаток не променяю! Ты у меня лучше любой мулатки! Не хочешь на экзотические острова? Ну и правильно, нужны они нам! Мы с тобой лучше просто уплывем в океан, в Тихий ли, в Атлантический ли – без разницы! Давай представим мысленно: таинственно спящий океан, его зеркальная гладь, крупные южные звезды, огромная желтая луна – и мы с тобой вдвоем на палубе нашей яхты. Одни! На весь белый свет одни: ты и я! я и ты! А вокруг нас на тысячи километров – ни одной живой души...

Зосимов на пару секунд замолчал, будто устал управлять собственной яхтой в безбрежном Тихом океане. Сколько бы он еще молчал – неизвестно, но и этой пары секунд хватило супруге, чтобы крикнуть:

– Вадим! Этот натюрморт твой! Ты его нарисовал! Ты-ы!!!

Если бы сейчас среди ясного дня за окном появилась яхта с алыми парусами, Зосимов, наверное, не особо удивился, но то, что выкрикнула супруга, никак не укладывалось в его возбужденной голове.

– Я? Что – я? Как это – я? Откуда? – глупо переспрашивал он. Да, трудновато возвращаться из теплых южных морей в суровую российскую действительность.

– Я тебе еще раз говорю: да-да-да! Да, это твоя работа – и ничья больше! – пулеметно отстрелялась Муза.

– Как моя?! Почему моя?! Нет, нет, это не я, это – другие! – Зосимов отрицательно закрутил головой. – Нет, нет, ты все брешешь!

– Собаки брешут, а я – говорю, – тотчас парировала супруга. – Говорю, что вижу.

– Что ты видишь? – Зосимов хоть и был потрясен, но сдаваться не думал. – Видит она... Думай прежде чем говорить! Да за такие слова... – Он с угрожающим видом шагнул навстречу жене, но получив болезненный толчок локтем в грудь, беспомощно плюхнулся на кожаную банкетку и по-лягушачьи широко открывая рот, запротестовал: – Ну чего ты? Чего дерешься? Ты на кого руку... на мужа... да я тебя...

– Сиди уж, яковка! Напугал козу крапивой, – кажется Муза, окончательно перехватила инициативу. – Я еще раз повторяю: этот натюрморт – твоих рук дело. Твоих – и ничьих других!

Хватая ртом воздух, Зосимов не мог вымолвить ни словечка в свою защиту, он будто в одночасье стал глухонемым, нет, скорее – немым, слышать-то он слышал.

– И я это тебе, ослу упрямому докажу, чего бы это мне ни стоило! Прямо сейчас и начну, как говорится, не отходя от кассы. Я все докажу, все расставлю по своим местам, понял? – И она, не дожидаясь его согласия, как киношный следователь приступила к допросу:

– Начнем без паузы, Я задаю вопрос, ты отвечаешь. Отвечать правдиво, не врать! Итак, во сколько ты вчера домой заявился? Это первый вопрос. И второй: кто к тебе приходил? Отвечай...

Зосимов тупо моргал глазами.

– Что, не помнишь? Ну хорошо, я тебе напомню. Приполз ты домой в двадцать два ноль-ноль. Программа «Время» началась, по Первому. Следом, будто вы сговорились, приперся Кузьмич собственной персоной. Он принес готовые рамки для картин, которые ты ему заказывал. Ну, вспомнил?

Зосимов поднапряг мозги. М-м-м! Кузьмича он знает – это пенсионер с соседнего подъезда, бывший столяр-краснодеревщик. Рамки он ему заказывал, было дело. Может быть, Кузьмич и заходил... а что было дальше?

– Опять ничего не вспомнил? Это надо до такого скотского состояния нажраться! А ну, вспоминай! – не выдержав тупого молчания мужа, Муза ткнула ему кулаком под ребро – супруг уткнулся головой в женское пальто, висевшее на вешалке.

– А ну, сядь прямо! Сядь! И не строй тут из себя припадочного! Прямо, говорю! – Зосимов боязливо выпрямился, а супруга, как и раньше, решила перейти к более цивилизованным методам допроса, то есть – без мордобития.

– Ну, вспоминайте же, гражданин подозреваемый. Кузьмич принес вам рамки и вы после обоюдных лобзаний, решили их сразу обмыть... алкаши несчастные! – в голосе Музы опять зазвенел металл. – Полночи пропьянствовали, все, что я к новогоднему столу приготовила – все смели, слопали и не подавились, два недоумка! Я весь день с кухни не выходила, как белка в колесе крутилась, хотела все как у людей, а вы... ур-роды!

Зосимов, терзая банкетку тощим задом в ожидании удара втянул голову в плечи, но жена, к его тихой радости перейдя на «ты», продолжила допрос без рукоприкладства.

– А как Витька сосед заходил – тоже не помнишь? Он только с морей вернулся, селедкой меня угостил, ни рубля не взял, сказал, из уважения к вашему мужу. К тебе... худ-дожник!

Зосимов смущенно засопел носом. Витьку рыбачка он знает, тот должен был после шести месяцев в море домой вернуться. Значит, вернулся. А вот заходил ли он к нему – вопрос без ответа. Вчерашний день, ночь – как в морском тумане, что с биноклем, что без него – глухо, ничего не просматривается.

– Ты мне тут не сопи голодным хорьком, ты лучше вспоминай! Вспомни, как Кузьмич попросил тебя сотворить – он прямо так и выразился – сотворить ему его портрет, мол, на долгую память. И ты потащил старика в свою мастерскую. По ходу стащил с холодильника бутылку водки и... Подожди, подожди...

Небрежно швырнув натюрморт на журнальный столик, Муза по-кошачьи мягко метнулась на кухню. Вернулась в приподнятом настроении, гордо держа в одной руке стакан и две

погнутые вилки, в другой, подобно турецкому янычару – кривой ятаган, то есть, жирную тихоокеанскую сельдь, которую она держала за хвост

– Сейчас я тебе мозги прочищу! Вот, смотри! На руки мои смотри! Ты не только стащил с холодильника бутылку водки, а еще и прихватил с собой два стакана, две вилки... селедки две. Самые крупные уволок... зар-раза!!

– Зачем все это? Лучше бы бутылочку принесла... плохо мне, – со слабенькой надеждой простонал вконец деморализованный Зосимов.

– А-ах ты, наглец паршивый! Плохо ему, видите ли! Сейчас тебе будет еще хуже! – Муза замахнулась на супруга рукой с сельдью. Э-эх! С каким удовольствием я бы врезала по этим бесстыдным мордасам за твои выкрутасы! Что съежился, как дохлая мышь, смотри сюда...

Положив на журнальный столик селедку, вилки, аккуратно поставив стакан, она тщательно расправила холст.

– Итак, смотри... Не на меня – на стакан смотри, – изящно, двумя пальчиками она приподняла стакан. – Видишь, этот стакан, и стакан на холсте – один в один похожи или, как говорят следователи – идентичны. Даже трещинка – ну капля в каплю. Виден глаз художника, уметь ты до тонкости все охватить, прямо как твой Пикассо... А ну, закрой рот, это комплимент не тебе – Пикассо... Идем дальше. Теперь – вилки... – она взяла со столика вилки. – Смотри: что эти, что на холсте – ну тютелька в тютельку! Как братья-близняшки. Может, ты спросишь, кто их погнул? Вы их и погнули, два придурка! Вздумали силой мериться! Сначала на руках боролись – стакан уронили, разбили, потом вилки стали гнуть... богатыри земли российской! – Муза презрительно сморщила носик. – Тоже мне, поединок Ильи Муромца с Кашеем Бессмертным! Вилки – чистое серебро! Я у вас их насилу отобрала, они мне от мамочки моей перешли, от покойницы...

На глазах Музы выступили слезы, чисто по-женски сейчас она была не прочь всплакнуть, но не в сей момент, поэтому переборов себя, Муза жестко ткнула пальцем в холст.

– Смотри сюда, жук ямайский! Вот сюда... Видишь, этот букет цветов похожих на тюльпаны? Запомни: никакие это не тюльпаны – это рыжая башка Кузьмича! Не букет – башка! Он как уронил ее на стол, так и уснул. Со свистом храпел, зубами скрипел, а ты все возле мольберта крутился, все кистью махал, будто на тебя что-то нашло...

– Вдохновение – ляпнул Зосимов, потихоньку начинающий понимать, что этой ночью он совершил что-то, что-то такое... пока еще не совсем ему понятное, но из ряда вон выходящее. И вот сейчас это «что-то, что-то» выходит ему боком.

– Идио-от! Какое вдохновение?! Дурь на тебя нашла! Дурь пьяная тебя всеми четырьмя колесами переехала, мозги у тебя вышибла... начисто! – уже как врач поставила диагноз супруга. – И последнее, наиболее убедительное и неоспоримое доказательство. Посмотри внимательно на холст, видишь по углам что-то вроде вмятинок – это твои пальчики, вернее – отпечатки твоих пальцев. Вот они, смотри, любуйся! Главная улика! Может, ты спросишь: откуда они появились? Объясняю... когда ты закончил свое творение, то повесил его сушиться на батарею. Аккуратно, за уголки двумя пальчиками взял! Пьяный-пьяный, а сообразил! Так что, отпечатки твои у меня имеются, улики налицо, отпираться бесполезно, время сознаваться и каяться...

Как настоящий преступник, пойманный на месте преступления и сознавшийся под тяжестью улик в содеянном, Зосимов виновато опустил голову.

– Ты еще благодарить меня должен, что я спасла твой «шедевр мирового искусства». Это надо же было додуматься – на горячую батарею повесить! Пока вы с Кузьмичом дрыхли, я его феном для сушки волос спасала. Очень уж он мне понравился, думала на кухне повесить. Эх, Зосимов, Зосимов, пропьешь ты свой талант!

– Давай, издевайся над мужем, – тоскливо буркнул Зосимов.

– Ой, какие мы творческие все обидчивые! – мстительно уколола жена. – Как гадость мне преподносить, так ты – герой! а как мою правду-матку выслушать, так сразу как страус морду в колени прячешь. Впрочем, с тобой все ясно, крыть тебе нечем – сознавайся. Или не созрел?

– Наговорить можно все, что угодно, особенно когда я в таком положении, – Зосимов исподлобья метнул на жену злой взгляд.

– Ой, страшно-то как! Не пугай – пуганая! – самодовольно парировала его взгляд Муза. – Значит, не желаешь ни сознаваться, ни каяться? Что ж, ваше право... но я тебя все равно добыю. Ты как то мочало, начнем сначала. Ладно, сначала так сначала. Итак, как сказал бы прокурор, следствие продолжается! Слушай меня дальше... Уже под утро позвонила жена Кузьмича, поинтересовалась, не у нас ли ее чудо. Я успокоила ее, потом пошла вас разбудила, чтобы старика выпроводить, а тебя на диван уложить. Ты встал и пошел по квартире шарахаться, как кот голодный. И до чего только додумался, уму непостижимо! – целых пять селедок Кузьмичу подарил! Пя-ять! Самых крупных! Какой благодетель! А ты их ловил, ловил?! – гневно взвизгнула супруга.

– Я не рыбак, – сипло отпарировал Зосимов и чуть было не добавил, что он – художник, но вовремя прикусил язык.

– Да лучше бы ты пошел рыбачить! – топнула ногой Муза. – И я – дура, почему не спрятала селедку в холодильник, в раковине оставила... – Она вдруг схватилась за голову. – Ой, господи! И впрямь дура! Как же я сразу не сообразила?! Этот запах сельди! И запах от твоего натюрморта! Он – на столе, сельдь – в раковине! Ты, не найдя с пьяных глаз сумки, в натюрморт... в свой холст завернул... селедку! О! Вот откуда он – твой реальный запахок! Натура твоя! Реализм!

Схватившись за живот, Муза захохотала, ее тяжелые груди колыхались из стороны в сторону, распахнувшийся халатик оголили полные белые ноги.

– Ой, умора! Ой, не могу! Натюрморт с селедкой! С реальным запахком! На, сам его нюхай! Нюхай, нюхай! – И она, преодолев слабенькое сопротивление супруга, натянула холст ему на голову. Зосимов ощутил тошнотворный запах сельди.

– Ты еще Кузьмичу позвони, – не скрывая гордости от только что одержанной победы, Муза решила окончательно добить супруга. – Позвони, позвони... Ну-у!

Зосимов, кивком головы сбросив вонючий холст на пол, ослабевшей рукой набрал номер.

– Ал-ло... Алло, Кузьмич, это я – Вадим.

– А-а, Вадик! Наше вам с кисточкой! С наступающим тебя!

– Спасибо... Кузьмич, как ты вчера домой дошел?

– Нормалек дошел. Правда, с приключениями. Когда на улицу вышел, кажись, ориентацию потерял, с крыльца грохнулся, хорошо что пьяный был, а то бы вконец расшибся — и не собрали бы. Видно, здорово мы с тобой набрались... Алло, Вадим! Я тут у своей бутылочку выпросил, приходи, опохмелимся... Алло, Вадик! Моя тебе спасибо передает за селедку...

– Не за что, – невнятно буркнул Зосимов.

– Слышь, Вадик, я одного не могу понять: почему я селедку домой в карманах принес? Моя даже брюки замочила, отстирать не смогла, запахок еще тот. Ты мне, случаем, сумку какую не давал?

– Давал... – Зосимов с ненавистью посмотрел на сиротливо лежащий на полу натюрморт.

– Вон оно что, так я и подумал! Вадик, ради бога, ты уж извини меня, видно твою сумку я потерял, когда с крыльца грохнулся. Вот незадача-то! Сумка, поди дорогая? Вадик, ты что молчишь? За сумку обиделся? Да брось ты, свои люди – сочтемся! Я тебе за нее десять... двадцать рамок бесплатно сделаю, обещаю! Так что не кисни, лучше приходи, моя из той селедки салат сварганила, «под шубой» называется. Приходи – выпьем, закусим, побазарим. Ну что, разливать на двоих?

– Разливай, – слабеньким голосом произнес Зосимов. Выпавшая из его рук трубка, повиснув на шнуре, ехидно запищала: пи-пи-пи-пикассо-пикассо...

Ходьба по-скандинавски

Рассказ

– Итак, друзья, объявляется абсолютный победитель городского конкурса «Учитель года». Им стал всеми нами уважаемый педагог с большой буквы... – И, сделав небольшую паузу, заведующий городским отделом народного образования назвал фамилию лауреата: – Матрёнин... Ерофей Христофорович! Похлопаем же, друзья! Поздравим его с заслуженной победой!

Собравшиеся в конференц-зале одной из школ, учителя города друженько встали и так же друженько захлопали. Многие из них, особенно из старшего поколения, хорошо знали победителя – невысокого толстячка с добрым лицом, до самозабвения любящего географию. Ходил слух, будто бы он трех своих сыновей назвал именами знаменитых путешественников: первенца – Афанасием, в честь русского землепроходца Афанасия Никитина; среднего – Федором, в честь испанца Фернандо Магеллана; ну а младшенького – Василием, в честь португальца Васко да Гама. Может, это просто слухи, однако стоит узнать имя – отчество самого лауреата: Ерофей Христофорович! – чтобы убедиться в правдивости слухов, и то, что Матрёнин – бесспорно фанат географии.

Пока гремели аплодисменты в честь победителя, заведующий «гороно», по-свойски взяв учителя географии за локоток, доверительно сообщил ему вполголоса, что с началом учебного года он намеревается перевести Ерофея Христофоровича в городской отдел образования на должность методиста по связям с родительскими комитетами школ в связи с тем, что в последнее время нарушена связь между школой и родителями. «И вам, милейший, – сказал он помпезно, – необходимо будет эту связь восстановить, но и не только восстановить, а еще и заставить родительские комитеты действовать, и даже мыслить в одном направлении со школой —то есть, в нужном школе направлении. На эту ответственную должность, – добавил заведующий, – нужен мужик – настоящий мужик с авторитетом, каким бесспорно, обладаете вы, господин Матрёнин. Однако авторитет авторитетом, а было бы лучше, если бы к тому же вы были по-спортивно подтянуты и поджары, как охотничья гончая, потому как на новой должности вам придется много бегать по школам, встречаться с родителями учеников, среди которых есть неадекватные папаши, особенно, мамыши. А с вашим имеющимся ныне животиком, милейший Ерофей Христофорович, увы! – много не набегаешь. – После этих слов заведующий вроде как шутливо ткнул пальцем в упругий животик учителя. – Поэтому я вам рекомендую заняться ныне модной скандинавской ходьбой с палками. Да-да, с палками, говорят, весь секрет популярности этой заморской новинки —именно в палках. Будто бы в их конструкции заложено что-то, что-то чрезвычайно хитрое, будто неделю-другую походишь – и живота, как не бывало. Не знаю, правда ли все это, однако думаю, что ходьба с палками чрезвычайно полезна для здоровья. И эффективна в плане сгонки веса. Так что, уважаемый вы наш лауреат дерзайте, покупайте палки – и вперед, к новым вершинам народного образования! К сожалению, я не могу составить вам компанию по причине отсутствия у меня живота. – Он хвастливо похлопал по – своему, пока еще небольшому животу. – Берите с меня пример Ерофей Христофорович, и все в вашей жизни будет тип-топ! Я хотел сказать, все у вас будет в наилучшем виде».

«Ну надо же, в пример он себя ставит! Да кто ты такой против меня? Птенец желторотый, пацан неоперившийся! – вместо слов благодарности, с иронией переходящей в возмущение, подумал о заведующем Ерофей Христофорович. – Ни ума ни таланта, зато родной дядя в краевом министерств образования ошивается. Это он родному племяннику и года не дал поработать в школе, сразу пристроил в „гороно“ инспектором, а через пару лет и вовсе усадил

в кресло заведующего. Посмотришь на него, ну сопляк сопляком, а уже заведующий городским образованием! Высота для меня недосягаемая! Даже завидки невольно берут. Его карьера прет семимильными шагами, а мне приходится пробиваться своей кровью, потом, нервами. И все самому, самому! Двадцать лет в школе простым учителем— и вот наконец-то замаячил свет в конце тоннеля. Даже не верится... Но где взять эти чертовы скандинавские палки?»

– Ерофей Христофорович, вы что, не слышите меня? Я говорю, отдохайте, набирайтесь сил, а где-то в конце августа я вас вызову к себе в «гороно»... надеюсь, без животика. – Он кивнул на живот учителя и вроде как шутливо закончил: – Вы уж постарайтесь, будьте добры.

«Ну вот, кажись, и мой звездный час наступил, – с нескрываемой радостью подумал Ерофей Христофорович, выходя из школы. – Лучше поздно, чем никогда. – Однако вспомнив, что пенсионный возраст подняли на пять лет, он эту самую радость если не погасил, то поубавил.. —Господи, еще целых пять лет адской работы с нынешними детишками! Это же... это же тихий ужас для учителей! О чем это я? Меня осенью в „гороно“ переведут, там наверняка полегче будет вдаль от хулиганистого контингента школьников, там можно и до восьмидесяти лет поработать не особо напрягаясь. Главное сейчас – найти палки».

Матрёнин обошел все торговые точки по улице Ленина от пивного бара «Три богатыря» до «Дома книги», в одночасье вдруг ставшего продуктовым «Манго». «Не вдруг, сейчас для россиян желудок – поважнее умной книги, – с сожалением подумал он. И тут же эмоционально отшел в сторону книги: —Господи, причем здесь книги, мне нужны палки! Притом не простые, скандинавские!». Этот день для Матрёнина оказался поистине везучим – в магазин спортивных товаров как раз завезли палки для скандинавской ходьбы. Финские! Ультра-прочные! Телескопические, с удлинителями! Под красочным рекламным слоганом «Самые демократические цены на палки – у нас!» – стояла цена... семнадцать тысяч! Ого! Ничего себе демократия! Прямо какая-то заоблачная цена! Упасть – не встать! И это притом, что нужны они всего-то на пару месяцев. А потом, за ненужностью будут снесены в подвал. Между прочим, там же в подвале, есть похожие палки – лыжные. Сколько уже лет прошло, когда он в последний раз на лыжах ходил, эти палки в руках держал? Ох, много времени с тех пор утекло, много. Помнится, как он с женой, с детьми по лесу на лыжах ходили. Снег валил, пурга мела, а семья друженько костер развела, сало на прутиках жарили, шутили, смеялись, снежками бросались Хорошее было время! А сейчас работа задавила, ни выходных тебе, ни проходных, хочешь семью прокормить – взваливай на себя побольше-побольше уроков, про репетиторство не забудь. Какие уж тут лыжи? Да и не молод он, чтобы палками махать... Ну, если только ради будущей карьеры. Итак, палки в продаже имеются, но цена не-то что кусается, в ключья рвет семейный бюджет! Больно уж дорогие палки, не по учительскому карману. «Да ну их в тундру, у меня в подвале куча старых лыжных палок имеется! Достану-ка я их, а вечером пойду жирок сгонять, – Матрёнин послал финские палки далеко в тундру, однако о чем-то должно быть вспомнив, хлопнул себя ладошкой по лбу. – Елки-палки! Я же сам вчера попросил сыновей помочь матери освободить подвал от накопившегося за зиму хлама. А ведь там лыжи... с палками! Неужто жена не догадается оставить хотя бы палки?»

И Матрёнин, что есть духу, заторопился домой. И, увы! Как всегда бывает в таких случаях, он опоздал – и лыжи, а главное – палки, которые проложили бы учителю дорогу к карьерному росту, еще утром вместе с другим накопившимся за зиму хламом, были выброшены в мусорные контейнеры. Бог с ними, с лыжами, они разохлись от времени, потрескались до невозможности на них ходить, а вот палки жалко, пусть не финские, однако бродить по парку сгодились бы. Главное, свои были палки, бесплатные, есть-пить не просили... На вопрос мужа, где лыжи с палками, супруга легкомысленно похвасталась, что она самолично снесла их в контейнер. Однако увидев донельзя взволнованное лицо мужа, быстренько прикусила язычок. Ни слова не говоря, Матрёнин что есть мочи припустил к мусорным бакам. И опять, увы! и здесь

он опоздал: на этот раз мусорщики, как назло, вовремя освободив контейнеры, увезли мусор на городскую свалку, что находится в двенадцати километрах от города.

Собрали семейный совет с одной единственной повесткой: что делать? Дети единогласно высказались за покупку финских палок (дети – они и есть дети). Супруга, как всегда желая быть и нашим и вашим, пожав плечиками уклонилась от прямого ответа, мол, вы мужики, вы и решайте. Сам же Матрёнин высказался так: если семья не против сидеть до полочки на хлебе и воде, то пусть покупает финские палки за семнадцать тысяч (дети тотчас увяли, как дачные георгины поздней осенью), лично он предлагает найти на городской свалке свои палки и с ними продолжить восхождение по карьерной лестнице. Остальные члены семьи единогласно с ним согласились.

Выведя из подвала запыленный велосипед, Матрёнин во все лопатки помчался на свалку. Крутя педалями и одолевая первый километр, он еще был в состоянии думать: а почему для похудения нужны именно финские палки, а не обычные, например, вырубленные из ольхи или березы? Затем соленый пот стал заливать глаза, ноги будто одеревенели, спина болезненно заныла и проскользнула предательская мысль: с такой сумасшедшей нагрузкой на сердце можно и ноги откинуть, не лучше ли будет плюнув на обещанное «гороно», остаться в школе и до пенсии спокойно преподавать географию и историю. А еще лучше притормозить и передохнуть на обочине.

Матрёнин остановился, отдохнул минут десять. Приведя «дыхалку» и прочие работающие конечности в норму, опять заработал педалями, правда, поубавив скорость, чтобы можно было думать уже в более позитивном настроении, примерно в таком: будет ли у него, как у методиста «гороно», зарплата в сто тысяч рублей? Хорошо бы! Размер названной суммы, похоже, придал географу еще больше сил, а велосипеду – скорость.

Будка на колесах была пуста – сторож где-то отсутствовал. Прислонив велосипед к колесу сторожки, Матрёнин оглядел свалку: ого! размеры поражали – горы и горы мусора уходили за горизонт. Кое-где вился дымок, напомнив учителю географии о спящих, но не потухших камчатских вулканах, по которым то там, то тут ползали фигурки людей, издали напоминающие рыскающих голодных муравьев. Мамочки мои, где в этой чертовой пропасти можно разыскать свои палки?

Пройдя, по вроде как свежему следу автомашин, Ерофей Христофорович уперся в гору мусора высотой с двухэтажный дом и не теряя время принялся обследовать ее с тщательностью фанатичного ученого-археолога.

Через пару часов утомительного труда, усевшись на дырявое ведро, географ оглядел собственную добычу, как-то: чайная серебряная ложечка, толстенная книга Елены Молоховец под длинным названием «Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве», изданную аж в 1883 году в Санкт-Петербурге; и, наверное, свою самую ценную находку – швейную машинку «Зингер», вернее – ее остов. Что самое удивительное – машинка была произведена не в США или Германии, а в России... Вот только не разобрать где, зато четко виден год выпуска – 1911. Ничего себе! Будто прикоснулся к истории...

– Эй, мужик! К тебе, к тебе обращаются! Пес тебя задери, какого черта ты здесь ошиваешься? На чужой территории? – с угрозой спросил кто-то сзади.

Резко оглянувшись, Матрёнин вскочил с ведра – перед ним стояли какие-то люди, судя по всему – бомжи. Четыре мужика и, кажись, две женщины, похожие на мужиков. Возраст каждого не определить, однако лица у всех суровые, если не сказать злые. Бить будут, подумал учитель, и крупные мурашки забегали по спине.

– Ну, отвечай, что ты делаешь на чужой территории? – повторно спросил заросший по самые глаза незнакомец, похожий на Емельяна Пугачева.

И, хотя душа учителя, как говорится, ушла в пятки, он нашел силы не потерять себя, словно наяву представив, что перед ним класс хулиганистых учеников, выставил вперед руку и, как бы успокаивая, без дрожи в голосе, ответил:

– Друзья мои! Простите меня, если я что-то нарушил! Клянусь, я вам не конкурент, я здесь случайно, по своим делам...

– По каким еще своим? – излишне нервно дернулся вертлявый мужик небольшого росточка, в зимней шапке на голове, несмотря на теплый майский день. – Знаем мы эти «свои» дела, после таких как ты, у нас вещи пропадают. Носит вас тут, сволочей приبلудных!

– Сверчок, закрой пасть! – сердито скомандовал похожий на Пугачева, должно быть, вожак.

– Еще раз извините меня! – быстро извинился Матрёнин, опережая дальнейшие вопросы незнакомцев. – Ради бога, простите! Понимаете, уважаемые, супруга сгоряча выбросила лыжи вместе с палками. А палки мне до крайности оказались нужны, а она выбросила. Вот я их и приехал искать. Мне нужны только палки! Заметьте, уважаемые, свои палки, мне чужого не надо, на чужое я не падок, уверяю вас...

Бомжи криво заулыбались, захихикали, дескать, ври дядя, да не завирайся, кто от чужого откажется. Бородатый рявкнул:

– А ну, ти-ха! – И, ткнув грязным пальцем в добычу географа, с ехидцей спросил: – А это тоже все твое?

– Господа... поймите меня правильно... все это я не специально искал, я нечаянно на это наткнулся, ей-богу нечаянно, господа! – заюлил Матрёнин, кляня себя за неосторожную жадность. – Искал свои палки, а тут смотрю – вещи безхозные, раритетные, дай, думаю, отложу в сторонку; поверьте, без желания что-то присвоить. Я учитель, преподаю географию, мне эти вещи интересны сами по себе.

– Вот даже как? Учитель географии? – удивленно переспросил бородатый и тут же с сожалением добавил: – Жаль, что не иностранный преподаешь, ты бы нам как переводчик сгодился – сейчас на свалке столько разного заграничного барахла, что хрен разберешь, чей товар, откуда, для чего предназначен. Без своего переводчика трудно.

Тут опять вертлявый влез с заявлением, что он с детства на дух не переносит учителей и без промедления предложил поколотить нежданного пришельца и выгнать его в шею. Вожак небрежно от него отмахнулся. Матрёнин облегченно вздохнул.

– Слушай, учитель, мы народ, за редким исключением не кровожадный, предлагаю договориться. – И он, неожиданно для учителя, да и, наверное для всех остальных, предложил: – Мы отдадим тебе это добро, – кивнул он на добычу географа. – И даже найдем твои палки, но тебе придется заплатить по установленным нами тарифам. Ты человек грамотный, надеюсь, понимаешь, о чем я? Матрёнин кивнул, мол, что поделаешь, ныне рыночные отношения... – Вот и договорились, – довольно улыбнулся бородатый. – Итак, слушай мою цену... За швейную машинку – сто рублей, за книгу... думаю, хватит и полтинника. Что ты еще нашел – выкладывай, не стесняйся.

Ерофей Христофорович хотел было развести руками, дескать, больше ничегошеньки, однако тут же передумал – а вдруг обыщут. Густо покраснев, он достал из кармана трико – серебряную ложечку и пробормотал:

– Извините, пожалуйста.

– Да ничего, ничего, бывает, – снисходительно заметил вожак, с таким интересом рассматривая ложечку, что учитель мысленно распрощался с ней.

– Господа, прошу вас понять меня и извинить, потому как в настоящий момент у меня с собой денег нет, – Матрёнин для убедительности похлопал по пустым карманам. – Но вы не сомневайтесь, я их завтра вам принесу, ей-богу принесу. Сегодня уже, к сожалению, поздно.

– Ладно, учитель, сделаем так... – после многозначительной паузы, бородатый предложил свое видение сделки: – Принесешь завтра деньги – получишь палки вместе с другим барахлом. Однако, велосипед мы у тебя конфискуем, как бы в залог. А вдруг ты не вернешься? Нам гарантия требуется. И не вздумай натравить на нас легавых. Учитель, ты понял меня?

И столько в его голосе было угрозы, что Ерофей Христофорович усиленно закивал головой. Он лишь осмелился спросить, как он домой доберется без велосипеда – далеко же, да и вечер уже.

Бомжи, довольные удачной сделкой, дружно рассмеялись и посоветовали учителю топтать ножками-ножками, дескать, тебе это не помешает, вон животяра какой.

«Дался им всем мой живот!» – сердито бурчал Матрёнин, торопливо направляясь в сторону далекого города. По обе стороны дороги – тайга полная голодных медведей, которых как и людей, словно магнитом тянет на свалку. А что, после зимней спячки они действительно голодны, могут запросто слопать и не посмотрят, что он человек самой мирной профессии – учитель. Впрочем, Ерофею Христофоровичу повезло – медведи ему не встретились, однако марш-бросок в обратном направлении дался ему, ох как нелегко! Спасибо соседу, которого подняла встревоженная долгим отсутствием мужа Наталья – супруга. Километрах в трех от города сосед, обнаружив едва передвигающего ноги учителя, привез его домой, где тот едва отдышавшись, рассказал о своих злоключениях, над которыми сосед долго смеялся, а Наталья нежно поглаживая супруга по руке, приговаривала: «Бедный, бедный мой Ерофеюшка...»

После позднего ужина опять созвали семейный совет. Сыновья опять единогласно предложили плюнуть на цены и пойти купить или финские палки, или пластиковые лыжи, мол, батя – двойная выгода: летом будешь с палками бегать, а зимой на лыжах ходить. Наталья подсовывала телефон: немедленно звони в полицию, это чистейший грабеж среди бела дня. Сам Ерофей Христофорович сказал, что он дал слово, что он обещал и желал бы вернуть свое добро мирным путем, то есть – через переговоры. В противном случае он не получит ни палки, ни раритетную «Зингер» образца 1911 года, ни даже книгу старых кулинарных рецептов, не говоря уже о серебряной ложечке. «Нет-нет, мы пойдем другим путем, – безапелляционно заявил он, – и выкупим за минимальную сумму в пределах... ста рублей... нет, лучше за двести». Семья согласилась с ним.

Рано утром, еще до того, как собачники вывели своих питомцев на прогулку, Матрёнин в спортивном трико выбежал из дома. Утренний воздух, особенно за городом, был свеж и полон кислорода. Два вчерашних броска на свалку благоприятно подействовали на организм, дышалось легко, полной грудью, ноги хоть и побаливали, однако не подгибались от усталости, как вчера.

Возле сторожки его ожидал вертлявый бомж в зимней шапке. Настороженно зыркнув по сторонам он, должно быть для конспирации, обхлопал учителя по бокам, и не найдя ничего подозрительного, повел его куда-то в кусты, где возле импровизированной хижины из фанеры и целлофана было многолюдно. Окружив костер, обитатели свалки, должно быть варили завтрак в большом закопченном ведре. Пахло разваренной гречкой и помойкой. Вертлявый завел Матрёнина за хижину где, прислонившись к прибитой к березе доске, стояли лыжи. Много лыж, пар пятнадцать, если не двадцать. И куча лыжных палок. Здесь же находился и бородатый вожак похожий на Пугачева. Увидев учителя, он кивком поздоровался с ним и приглашающее махнул рукой, мол, выбирай, какие тебе надо.

У Ерофея Христофоровича глаза разбежались: сколько лыжных палок! попробуй найди тут свои. Он долго перебирал, ощупывал, осматривал – и наконец выбрал подходящие по росту палки. Пусть не ультровые финские, не телескопические, зато легкие, прочные и даже серебристого цвета. Явно не его, зато хороши, с такими не стыдно пройти по аллеям парка. Ведь это не просто палки – это двигатель для его будущей карьеры. Он, конечно, не карьерист в негативном смысле этого слова, просто что-то должно наконец измениться в его жизни... в лучшую

сторону, конечно. Надо думать, что должность методиста – это и есть то самое «что-то». Да что там думать – должность почти у него в кармане!

– Ну что, учитель, выбрал? – широко улыбнулся бородастый, жестом руки приглашая Матрёнина сесть на пустой ящик. – Смотрю, ты хорошие палки выбрал, небось, собираешься на них все мировые рекорды побить. А теперь, как говорится, шутки в сторону, давай поторгуйся, ужас как люблю торговаться, по молодости служил в Туркестанском военном округе, частенько по местным рынкам шлялся. Итак, начнем: мы тебе палки, ты нам денежки. Для начала обговорим цену за палки, опосля очередь дойдет до твоего... как его там?

– Раритет, – подсказал учитель.

– Во-во, он самый. Но учти, раритет пойдет по отдельной цене. Ну как, согласен? Думаешь? Ну, думай, думай...

Подумав, Ерофей Христофорович решил огорчить хозяина свалки – не торговаться – здесь не узбекский базар, а главное, у него денег – не расторгнешься. И он, выставив руку вперед, разжал ладонь, на которой, свернутые трубочкой, лежали четыре пятидесятки.

– Извините, уважаемый, вот все, что имею, – произнес он голосом много дней голодавшего человека. – Еще раз извините, но дать вам больше я не имею возможности – у меня многодетная семья. У меня даже справка из домоуправления имеется о наличии троих детей... все пацаны, – зачем-то добавил он, вытаскивая из кармана заранее приготовленную старую справку.

– Многодетный, говоришь? – переспросил вожак, лишь бегло взглянув в справку. – Понятненько... Я сам из многодетной... Это меняет дело... Значит так, учитель, давай свои деньги, забирай палки и прочее свое раритетное барахло и вали с ними домой. Извини, браток, ножками, ножками придется топтать. Велосипед мы у тебя конфискуем – я хочу, чтобы каждый мой человек имел собственный транспорт, чтобы все, как у людей. Мы как та моторизованная пехота из кино, не помню названия. Восемь велосипедов у нас уже есть, твой – девятый. Ты же учитель, человек умный, должен понять, что мы твои палки даром что ли, искали. Вон, всю свалку перешебуршили, перелопатили, целую кучу лыж для тебя нашли. Если желаешь парочку лыж – бери, не жалко... бесплатно бери, дарю...

На сей раз давайте оставим в стороне, с каким невероятным трудом Матрёнин добирался до дома с объемным рюкзаком (рюкзак подарили бомжи) на спине, в котором больно елозила по ребрам швейная машинка «Зингер», тяжелым кирпичом давила на позвоночник многостраничная книга о полезной и здоровой пище образца 1883 года; и, возможно, хорошо, что бородастый не вернул серебряную ложечку – уж под ее тяжестью он, наверняка бы не дошел, потому как известно: в дороге и иголка тяжела. Или что-то в этом роде. Однако, что бы с ним ни случилось в пути, лыжные палки географ ни за что не выпустил из рук, ни за что!

И уже в тот же день поздним вечером, чтобы не привлекать к своей персоне большое внимание рядовых обитателей, которых хлебом не корми, а дай позубоскалить над необычным видом вроде бы солидного мужика, к тому же, учителя! педагога! – и вдруг с лыжными палками в руках! да еще почти летом! – Матрёнин, размашисто двигая палками, принялся наматывать пока что метры по аллеям парка. Почему метры? Да потому что, он как следует не отдохнул от утренней пробежки с рюкзаком, к тому же, как и все новое, необычное, скандинавская ходьба продвигалась туго, не по инструкции: руки с палками шли вразнобой с ходьбой ног, отчего чувствовал себя учитель, как корова на льду. И только на третий день, разобравшись в ошибках, Матрёнин пошел как надо: спина ровная, плечи откинута, руки заработали крест-накрест с ногами, главное – в такт, в такт! Он также понял, что нельзя идти слишком быстро, но и медленно не стоит, желательно двигаться в темпе танка Первой мировой войны, то есть – пять километров в час. Футболка на Матрёнине пропотела, побелела от соли, однако усталости не чувствовалось, наоборот, захотелось закричать во все горло что-то лихое, хулиганское. Не закричал – зачем пугать гуляющий по аллеям пожилой люд, пусть пенсионеры

неспешно бродят, дышат чистым кислородом, ведут разговоры о маленьких пенсиях, о детях-внуках, о дороговизне жизни, об ушедшем здоровье. Как говорится, каждому овощу – свое время. Что верно, то верно.

Однако, вскоре новость откуда появившийся шум разбудил сонные аллеи парка, мешая пенсионерам и любителям здорового образа жизни наслаждаться благословенной тишиной. Дико ревя моторами, чадя адским дымом, в парке появились автомобили. Из окон затонированных иномарок летели пивные банки, из динамиков рвалась бешеная музыка, глушимая лишь нашим знаменитым матом. По аллеям стало опасно ходить, и парк как-то незаметно опустел.

Матрёнин вспомнил, как называют автомобильных хулиганов – стритрейсеры, или, грубо говоря, местные мажоры, сынки обеспеченных граждан города и их пособники.

Недалеко от ворот, на центральной аллее, больше похожей на площадь, толпилась молодежь разного возраста, в том числе и школьники. Машины самых разнообразных марок с включенными фарами – сплошь иномарки – по взмаху мужика с флажком с ужасным ревом отправлялись бешено носиться по парковым аллеям, разгоняя последний пенсионный люд по домам. Асфальт был черен от тормозящих колес.

Матрёнин имел неосторожность выйти на свет фонаря, и кто-то из подростков, а может даже из его учеников, опознав его, должно быть в шутку крикнул: «Атас, пацаны! Географ с палками!». Более взрослый голос пробасил: «Ого! Пузатый больно! Он у вас случаем не глобус проглотил?» Засмеялись, впрочем, не зло или обидно – так, под настроение. Ерофей Христофорович с досадой отметил, что с сего момента за ним запросто может закрепиться кличка Лыжник, а то еще хуже – Глобус, вместо вполне нейтральной Матрены. Нет, надо скорее переходить в «гороно», подальше от нынешней языкастой молодежи.

Вернувшись домой, Матрёнин первым делом встал на напольные весы. Результат взвешивания не порадовал, если честно – мизерный результат, всего сто пятьдесят грамм от животика потерял он в парке. Ну, ничего, успокоил он сам себя – впереди целое лето. Если хотя бы восемьдесят дней умножить на сто пятьдесят грамм, то получится... получится двенадцать килограмм, а если умножить на двести грамм... Эх, перекусить бы! А вот это – ни в коем случае! ни грамма! ни крошки! Иначе не видать заветной должности методиста.

Назавтра все повторилось: скандинавская ходьба по аллеям, соленый пот на губах, удовольствие от пройденных километров и праведный гнев против облюбовавших вечерний парк мажоров-стритрейсеров с их оглушительно ревущими машинами.

По приходу домой Матрёнин позвонил в полицию и пожаловался на нарушителей парковой тишины. Его внимательно выслушали и ответив, что жалобу приняли, положили трубку. Однако на следующий день в парке ничего не изменилось – все так же продолжались экстремальные гонки, так же визжали тормоза, дымились покрышки, ревели моторы, и так же было опасно прогуливаться по аллеям.

В субботу вечером, едва заслышав рев мощных моторов, Ерофей Христофорович решил от греха подальше пораньше закончить скандинавскую ходьбу, дескать, суббота есть суббота – и соскочил с асфальта аллеи на идущую параллельно упругую от старых листьев тропу. Расслабленно меряя метры, он сначала услышал рев мотора, затем глухой стук, а уж потом увидел, как большая иномарка визжа покрышками, искря об асфальт, резко остановилась недалеко от него. Хлопнула дверца, послышались торопливые шаги, затем из кустов раздался то ли вскрик, то ли всхлип – и темная фигура, пугливо озираясь, вернулась в машину. При свете включенного фонаря, Матрёнин узнал ученика своей гимназии... Костю Ревякина.

Взревел мощный мотор, при свете фонаря блеснула хромированная труба снизу и, выпустив из нее облако черного вонючего дыма, машина умчалась в темень парка. Ерофей Христофорович быстро подошел к месту, которое так поспешно покинул ученик его гимназии. Свернувшись калачиком, по-детски беспомощно, перед ним мертво лежал мужчина. И хотя

голова его находилась в кустах, по стоптанным кроссовкам, по трико с красными широкими лампасами учитель узнал в лежащем пенсионера, частенько прогуливавшегося по аллеям. Еще вчера при встрече, сбитый кивнул Матрёнину, как старому знакомому.

Ерофей Христофорович осторожно перевернул пенсионера – тот застонал. Слава богу, живой! «Товарищ, вы как?» – он попытался узнать о самочувствии сбитого, но услышав в ответ лишь болезненное мычание, полез в карман за телефоном, чтобы позвонить в «скорую». Пару минут пришлось объяснять диспетчеру, где сбили человека, как туда проехать, называть свою фамилию, имя, отчество, сердито отвечать, откуда ему знать фамилию потерпевшего.

После того, как в парке раздались вопли «скорой», парковых хулиганов-стритрейсеров будто ветром сдуло, потому как вслед за машиной с красным крестом появился уазик дежурной службы полиции, а следом подскочили гаишники.

На вопрос последних, что он видел, Матрёнин хотел было рассказать всю правду, однако увидев, как двое в белых халатах профессионально умело засовывают сбитого пенсионера в зеленый, нехорошо шуршащий мешок понял, что тот умер. От этого его будто заклинило, и с большим трудом гаишники добились от него, что он ничего не видел и не слышал, кроме как, занимаясь скандинавской ходьбой, случайно наткнулся на лежащего гражданина. После этого он стал приставать к полицейским, все настойчиво допытываясь, где его палки, где палки. И успокоился, когда ему сказали, что они у него в руках. Полицейские на «уазике» подбросили Матрёнина до дома.

Оказавшись в родных стенах, Ерофей Христофорович мигом вспомнил, что произошло в парке, и рассказал о случившемся супруге. Наталья, внимательно выслушав мужа, первым делом спросила, видел ли он кто был за рулем той злосчастной машины. Ерофей Христофорович, зачем-то оглянувшись по сторонам, назвал фамилию водителя. По-женски ойкнув, супруга прикрыла ротик рукой. Вот вам, бабоньки, и ой! Муж назвал фамилию известного в городе человека – Ревякина Льва Ефремовича, первого заместителя мэра города, между прочим, курирующего отдел образования. А это вам не шуточки-прибауточки, это уже серьезно. Оба поняли, что обладают информацией, которая вполне может навредить и гимназисту Костику, и поставит жирный крест на карьере его отца, пока еще всеми уважаемого Льва Ефремовича. Пока... А с другой стороны, и носителю этой самой информации может не поздоровиться – как говорится, все под богом ходим. «правда, кто-то под зонтом, а кто-то с лысой головой», – Ерофей Христофорович задумчиво почесал лысеющий затылок и на вопрос супруги, что ты собираешься делать, ответил уклончиво, что не знает. И добавил, что пока не знает. Он и в самом деле не знал. Вариантов было несколько. Первый, он же и самый простой – пойти в полицию и сообщить, как было дело. Самый простой – он, может быть и не самый верный... А что, если... Нет-нет, об этом и подумать страшно, он ведь не какой-нибудь шантажист – он заслуженный педагог, призванный учить детей всему тому доброму, что накопило человечество за многие века своего непростого существования. Он просто обязан воспитывать из них честных, порядочных... Стоп! При чем здесь эта демагогическая мораль? Здесь другое. Нет, надо думать, думать и думать!

Этой ночью Матрёнину не спалось: он беспокойно метался в постели, ворочаясь с боку на бок, и лишь под утро забылся в кратковременном сне.

На следующий день, после того как в свежей местной газете появилась небольшая заметка, вернее – просьба сообщить в полицию тем, кто видел в парке наезд на пешехода со смертельным исходом водителем, скрывшимся с места происшествия, просят сообщить по номеру 02 или 42-32-20. Матрёнин, после долгого раздумывания, наконец-то решился и позвонил... в мэрию, на номер заместителя главы города, господина Ревякина. О чем они говорили – можно гадать сколько душе угодно, однако примерно через час Матрёнин сидел в кабинете следователя и искренне, положив руку на сердце, минута в минуту вспоминал, что он «собственными глазами видел, как неизвестный ему гражданин сам бросился под проезжаю-

щий автомобиль! Сам, не извольте беспокоиться, господин следователь! И даже на моих руках он испустил последний вздох, успев лишь сказать, что он устал жить... и ушел в лучший мир».

Дело было благополучно закрыто за отсутствием состава преступления. Ерофей Христович как-то тихо и незаметно поменял жесткий стул учителя на уютно-комфортное кресло заместителя начальника управления образования. Заместитель – это вам не какой-то там методист, и даже не главный специалист, и не ведущий: «зам» – это уже почти вершина! Почти как Джомолунгма в Тибете! Эверест! И это чудо сотворили палки, простые палки! Между прочим, решил Матрёнин, чиновнику такого полета не солидно бегать с палками, как обычному пенсионеру: чиновник без живота – не чиновник, а посему палки были не выброшены, нет – снесены в подвал, так, на всякий случай. А что, может, и детям для карьеры пригодится? Кто знает, пути господни неисповедимы!

Кирпич Рассказ

Не поверите, но это прямо наваждение какое-то! Ей-Богу! В последнее время Кольке Рас-торгуеву навязчиво снится один и тот же дурацкий сон. Будто бы его маманя настойчиво, как маленького, пытается накормить разнообразной вкусняшкой: то наваристым борщом, то горяченькими пельменями, то жареной картохой с салом. А он, глупенький, капризно нос воротит: не хочу, мол, не буду! И вот что интересно, после каждого такого «сытного» сна, Колька все-непременно вдрызг ругается с женой Татьяной, словно между ними был установлен обязатель-ный по утрам ритуал, портить друг дружке нервы.

Нет, а что она в самом деле, завтрак готовит как на один покрой: то рожки, то макароны, то рожки, то макароны! Все один в один! Будто Колька итальяшка какой из Милана! Может, было бы и прощительно эти самые рожки-макарошки употреблять, влей она в них для вкус-ности подливу пожиже да пожирней. Так нет же, капнет граммулечку растительного масла – и нате вам, жрите, не подавитесь наждачком из теста. А Колька физически работает, на свежем воздухе, аппетит у него повышенный, ему бы по утрам чем поплотнее подзаправиться, посыт-нее, поосновательней. Подала бы, к примеру, на завтрак большой кусок колбасы с хлебом-мас-лом-чаем; или яиц нажарила с салом, как мама в детстве. Нет, каждое утро готовит якобы мака-роны по-неаполитански – свой фирменный рецепт, который она по телевизору видела, жаль, говорит, полностью переписать не успела... По телевизору она видела! Ох, уж этот сволочной ящик! Включишь по выходным – все каналы забиты то «Поедем-поедим» со «Смаком», то «Едим дома» с «Кулинарными поединками», то «Будет вкусно» с «Обедом-пятиминуткой»! Непонятно, для кого их гонят, кто их смотрит?! От ихней парной телятины, омаров в соусе, от ветчины копченой и прочих киви-ананасов кулаки сжимаются, на баррикады хочется...

– Иди завтракать, – официально сухо позвала с кухни жена Татьяна, милотвидная блон-динка немного за тридцать, запахивая когда-то розовый, ныне бледно-полинявший халатик. Колька помыл над раковиной руки, сел за стол и включил стоящий на подоконнике маленький телевизор: Америка выбирала нового президента.

Татьяна поставила перед супругом чашку с макаронами по-неаполитански... О! Колька с ненавистью взглянул на любимое блюдо итальянских мужиков и со злостью швырнув вилку на стол: достали твои макароны! – выскочил в прихожую, где принялся одеваться на работу. Татьяна вышла за ним и, оперев ладони в располневшие бедра, стала привычно выговаривать мужу:

– Что носом крутишь? Макароны не нравятся? Да? Ишь, гурман выискался! Ешь, что дают, да сопи молча в тряпочку.

Недовольно сопя, Колька натягивал на ногу правый ботинок.

– Ты чего молчишь, как шнурок? Может, ты мне голодовку объявил... или, как там – бойкот? Ты что думаешь, индюк надутый, я тебе должна каждое утро фрикадельки мясные подавать или котлеты по-киевски, да?!

Пытаясь надеть на ногу левый ботинок, Колька молча сопел-пыхтел.

– Чем дурью маяться, лучше бы побольше денег домой приносил, – провоцировала муженька супруга, в надежде пробить его оборону – А то принесешь получку, не получка – слезы воробыные...

– Ты сюда птичек не вплетай! – не выдержав характера, Колька огрызнулся борясь с левым ботинком – нога упорно не желала влезать в него. – Получка ей, видите ли, не нра-вится. Нормальная у меня получка, не хуже чем у других, и получаю я вдвое больше, чем ты.

Тебе сколько денег ни зарабатывай, сколько ни приноси домой – все будто в прорву уходит. И куда только ты их деешь?

– Что-о?! Куда дею! – выйдя из себя, мгновенно взорвалась Татьяна. —Ну ты наглец, каких свет не видывал! Больше меня он получает! Надо же! Ты мужик, ты и должен больше получать! А то ишь, зарабатывает он... работничек! Я себе шубу не могу купить... Ты слышишь меня? Мне шуба к зиме нужна! – требовательно засучила она ножкой. – Приличная шуба, норковая!

– Шубу? – Колька, оставив в покое непокорный ботинок, исподлобья взглянул на супругу, кажется, он получил шанс как побольнее укусить свою половинку. – Приличную? А это какую? Дорогую, что ли? Вот ты мне ответь: ну зачем тебе дорогая шуба? Зачем? Ты когда на себя в последний раз в зеркало смотрела? А ты посмотри, посмотри, – кивнул он на трюмо в прихожей. Не зная, с какой стороны ожидать пакость от голодного супруга, Татьяна внутренне напряглась. – Ты на свои ноги посмотри, на пузо... не пузо – бетономешалка с нашей стройплощадки...

Колька высказал, точнее в сердцах брякнул первое, что на язык попало – и только потом сообразил: он явно переборщил в их утреннем диспуте со своим обвинительным монологом. Отступая, он даже успел добавить, что бетономешалка, пусть внешне и непривлекательный агрегат, зато весьма и весьма полезный на стройке. Но было поздно, Татьяна закипела камчатским вулканом.

– А-ах! Ах ты, урод моральный! Кирпич недоделанный! Пузо ему мое не нравится, ноги, видите ли, не из ушей растут! Правду он высказал, глаза мне открыл: спасибо тебе, муженек! Огромное спасибо! Ну все! Хватит, мое терпение лопнуло, выметайся отсюда! Ищи себе другую дуру, пусть она тебя и кормит, и поит, и ублажает! Понял?! А это тебе от меня прощальный привет. На-а! – Смачно, как последнего изменника родины, Татьяна сплеча рубанула мужа по плечу крепкой женской ладонью. От полученного удара Колькина левая нога сходу влетела в ботинок, словно патрон в хорошо смазанный ствол. Сам же хозяин ботинка, взвизгнув от обжигающей боли вскочил, защитно выставя перед собой руки.

– Танюх, ты чего это, больно же! Чуть рука не отвалилась. Мне же работать. Сдурела, что ли, шуток не понимаешь? Я же просто так... безо всякого умысла ляпнул... Ну все, все, ухожу, ухожу! – заторопился он видя, что супруга не прочь еще разочек угостить его своей тяжелой ручонкой.

– Шутит он! Я тебе покажу шутики! Хватит с меня этих твоих идиотских шуток! Хватит, все, все!! – в ярости рвала и метала Татьяна. – Я еще на старая, мне только тридцать два... будет! Я тепла хочу, ласки хочу, любви настоящей, красивой, как в сериалах...

– Чего-чего ты хочешь? Любви? Ласки? – удивленно переспросил Колька, делая большие глаза – вроде бы, раньше она не просила красивой любви. Какая муха ее укусила? Может, промолчать и уйти? Ну, нет...

– Любви, говоришь? – с ехидцей спросил он, не найдя в себе сил промолчать. – Красивой, да? Настоящей? Как в сериалах, да? Ой, не могу! Да кому ты нужна? Ворона ты... в этих, в куриных перьях!

– Найдется кому! – переходя в контратаку, мгновенно парировала Татьяна, в настоящий момент она была готова идти на все, лишь бы побольнее досадить муженьку. – Ты не бойся, не перевелись у нас еще настоящие мужики, с головой на плечах, не то что у некоторых! Так что за меня можешь не беспокоиться, я тебе замену быстренько найду... если хочешь знать, я уже нашла! Да, да, нашла, нашла! – упрямо гнула она свою линию. Ничего, пусть муженек поревнует, побесится, для них это иногда полезно.

Но Колька, в горячке утреннего спора не особо обратил внимание на последние слова жены, мало ли что баба в гневе ляпнет. Быстро захлопнув за собой дверь, он крикнул:

– Дура набитая! Самка!

– Сам такой! «Кирпич» – ты и есть «кирпич»! – едва слышно донеслись приглушенные дверью вопли второй половинки. Но Колька сделал вид, будто бы он ничегошеньки не слышал и последнее слово осталось за ним. Он не раз убеждался, что весь начавшийся день пройдет с неприятностями, если женщина с утра возьмет над тобой верх.

Так что победа над супругой, пусть и не особо убедительная, подняла настроение и, спускаясь с пятого этажа, Колька как мальчишка прыгал, вслух отсчитывая ступеньки: пять... десять... двадцать три...

– Здорово, Васильич! – поприветствовал он встретившегося в подъезде соседа с четвертого этажа, проживающего как раз под ним. – Как здоровье, нормально? Здоровье, спрашиваю, как?

– Да, да, Коля, погода наконец установилась, надо на дачу съездить, картошечку подшевелить, пора... – дружелюбно ответил Васильич, седой глуховатый ветеран в поношенном пиджачке, с намертво впаянными в него орденскими планками.

– Да, пора, – согласился Колька и прокричал на ухо старику: – Как дверь, Васильич? Дверь, говорю как, не скрипит?

– А дверь! Нет, нет, не скрипит, – ответил ветеран, дружески похлопывая Кольку по плечу. – Хорошая дверь, спасибо тебе Коля, дай тебе бог здоровья.

– Да ладно, чего уж там, – стеснительно покраснел Колька, махнув рукой. – Я же так, по соседски, как не помочь хорошему человеку.

Два дня назад Колька поставил себе и Васильичу новые, как две капли воды одинаковые двери, дружки-столяры за пару пузырей постарались. Двери толстые, теплые, ясеневые, с обеих сторон обложенные светлой, покрытой лаком рейкой. Соседи в подъезде завистью изошлись, у всех двери китайские, ножичком консервным легко скрываемые, а у Кольки с Васильичем пушкой не пробьешь: броня! Колька полдня субботних потерял, но двери пенсионеру поставил и ни рубля с фронтовика не взял – с ветеранской пенсии не разбогатеешь.

Прямым, через заросший черемухой палисадник, Колька направился к месту работы, благо идти было совсем недалеко. Работает он в строительной фирме «Темп», каменщиком. Ну что еще про него можно сказать? Колька – обычный парень, скорее уже мужик среднего роста, по-русски ширококул, лицо загорелое от постоянной работы на солнце, скромн. Обычная биография: школа, строительный колледж типа бывшего «гэпэтэу», армия, работа на стройке. Обязательно стоит добавить, что он не просто каменщик, а каменщик наивысшего разряда! Пятого! Талант от бога! Не зря его Татьяна обозвала «Кирпичом», это его как бы официальное прозвище, которым он втайне гордится. В народе частенько говорят про некоторых людей, мол, он туп как кирпич. Это не про Николая, нет. Уже забыли кто, видя, что выделяет молодой каменщик с кирпичами на быстро растущей стенке, восхищенно воскликнул: «Вот это мастер! Вы посмотрите, что он вытворяет с кирпичом! Да он сам как продолжение кирпича!» Отсюда и пошло: Колька – «Кирпич». Вот так повесили на него кличку «Кирпич», будто орден за профессионализм, за мастерство. Начальство ценило Расторгуева, к нему всегда прикрепляли ребят-практикантов, которые во все глаза глядели, как виртуозно работает мастерком их наставник, как ровно-быстро-аккуратно ложатся друг на дружку кирпичи, а стенка будущего здания как на дрожжах, поднимается все выше и выше. Глядя, как работает Николай, можно без преувеличения и ложной скромности сказать: в работе «Кирпич» – личность!

Но сегодня работа у Кольки не клеилась, он даже разбил в крошки несколько кирпичей, чего ранее за ним не наблюдалось. А причин к этому было две. Во-первых, сегодня день полочки, деньги должны привезти прямо на объект и, как известно, нет ничего хуже долгого ожидания: привезут-не привезут. Во-вторых, на фоне мучительного ожидания, всплыли в памяти последние слова жены: «Я уже нашла, нашла!» Вот дрянь, хахаля себе нашла! Замену нашла! Отсюда накатила ревность: кто бы это мог быть?

Стоя на стенке будущего коммерческого банка, до боли сжимая в руках мастерок, тупо глядя вниз, Колька мысленно представил Татьяну в объятиях... Не-ет! Лучше об этом не думать! А как не думать, сама же сказала, никто за язык не тянул... Любовник у нее, может, и не один, может их у нее – пруд пруди. Работает Танька в детском саду, там женский коллектив, мужики отсутствуют. Значит... значит, кто-то из наших, она многим нравится. Например, Петьке-плотнику, вон он, внизу молотком как дятел стучит. Или Вовке-крановщику, который сейчас на кране горло дерет... А скорее всего, вон тот красавчик, Санька-электрик! Ишь, как муравей перед дождем носится со своими проводами! А ведь это же он сегодня утром спросил: «Как там Татьяна поживает?» И голосок такой сладенький... ехидный голос! Как поживает? А тебе-то какое собачье дело, как она поживает? Не лезь, куда тебя не просят, тоже мне, студент-заочник!

Мысленно представив свою Танюху в розовой нижней рубашке, которую он подарил ей к женскому дню, в объятиях долговязого электрика, Колька заскрипел зубами: ох, как тошно!

К шестнадцати часам прораб привез кассиршу с зарплатой. Какая уже тут работа? Весело шелестя заветными бумажками, строители заслали гонцов, благо сейчас у нас спиртного повсюду, и днем, и ночью море разливное: пей-не хочу!

Первым делом подняли стаканы за получку, чтобы почаще и побольше! Выпили за работу – дай бог ей никогда не кончаться! За прораба выпили, чтоб не стоял над душой, как надоедливая муха. Просто так выпили, чтобы напиться, и, как всегда удачно: напились легко, ударно, по-стахановски.

Разбудил Кольку крошечный серенький комочек, мягко бегающий по его лицу и щеко-чущий хвостиком. Фу, гадость! Колька ладонью сшиб мышонка на пол и приподнял голову: погруженное во тьму нутро строительного вагончика храпело, стонало, скрипело зубами мужиков, не сумевших уйти домой на своих двоих и забывшихся в пьяном беспокойном сне.

Голова раскалывалась, тошнило. Колька неуклюже встал, нашарил в шкафчике загодя спрятанную с вечера ополовиненную бутылку, нащупал на столе пустой стакан и наощупь налил в него водки. Хакнув в сторону: ху! – осторожно влил содержимое стакана в шершавую глотку. Чем-то закусил. По вкусу определил – соленый помидор. Замер, опустив голову... Посидел, прислушиваясь к организму. Кажись, полегчало, надо идти домой, Татьяна поди не спит, ждет, волнуется.

Где деньги, получка где? Деньги он спрятал во внутренний карман куртки. Фу-у, слава богу, деньги целы, можно идти домой. Удачно вывалившись из вагончика, на фоне звездного неба похожего на индийского слона с хоботом-прицепом, Колька с трудом соображая, огляделся: в какой стороне его дом? Ага, разобрался: справа – ярко освещенная площадь Победы с солдатом-автоматчиком на бетонном постаменте, рядом – гостиница, вокруг которой по ночам кучкуется неуправляемое племя таксистов и проституток. Вот и сейчас с той стороны слышен девичий визг, звон разбитой бутылки, пьяные крики. Наконец, слева – видны темные громады спящих домов с редкими вкрапинками огоньков. Где-то там Колькин дом.

После почти получасового разностороннего шатания, Колька уперся в знакомый палисадник с черемухой. Ну вот, он почти дома!

Не имея ни сил, ни желания найти калитку, Колька просто перевалился через заборчик. Ударился о землю, матюгнулся, встал, пошел... Последние метры дались тяжеловато, пришлось упасть под густую развесистую черемуху. Лежал, ощущая еще сохранившееся дневное тепло земли, смотрел на небо. Игриво шелестела листва, хитро подмигивали звезды, играла в прятки луна. Накатило обычное в таких случаях щемящее чувство жалости к себе. Эх, Коля, Коля! Ну почему ты такой невезучий? И голова, вроде как на месте, и руки, говорят, золотые – а счастья нет. И зачем он с Танюхой поругался, зачем обидел ее ни за что ни про что! Обидел из-за каких-то паршивых макарон, чтоб им вкрутую свариться!

Приподнявшись на колени, как снайпер прищурившись, Колька нашел на пятом этаже свое угловое окно – окно тускло светилось. Видно Татьяна, включив настольную лампу, ждет мужа. Она всегда ждет его!

А он? Что он? Он любит свою Танюху и пропадет, засохнет без нее, как эта черемуха без воды. Зря он на нее утром всяких-разных гадостей наговорил: и ножки у нее стройные, и талия в норме, и мордашка симпатичная, да и вообще, она самая-самая лучшая! Надо будет поднакопить денег и купить ей к зиме приличную шубу.

На соседнем кусте сонно встрепенулась невидимая птица: цвик-цвик-цвик... Задремавшему было Кольке вдруг показалось, что птичка зацвикала голосом Татьяны: «... я нашла-нашла-нашла...» Любовника нашла, хахаля! Вот стерва!

С трудом ухватившись за корявый ствол, Колька поднялся, опять нашел глазами свое окно: света в окне не наблюдалось. Не дождалась, значит, в квартире кто-то есть. Кто? А если, электрик Санька? Деньги он получил, пить с ними отказался, сказал что ему в техникум надо... и смылся. Куда? Ясное дело, куда... Значит он, точно он! Знаем мы эти колледжи-техникумы, было дело учились! К чужой жене он завалился, ну погоди, технар-заочник! Поймаю – сотру в порошок!

Подогреваемый жгучей крапивной ревностью, Колька мигом нашел калитку, пересек двор и поднявшись на крыльцо, влетел в свой подъезд. В подъезде темнота, хоть глаза выколи: и какая сволочь все лампочки повывучивала!

Держась за разбитые перила, ногой нащупывая каждую ступеньку, частенько отдыхая, Колька штурмовал этажные пролеты. Ох, как ему, возможно, потомку непобедимых суворовских богатырей-гренадеров бравших неприступный Измаил, штурмовавших швейцарские Альпы, сейчас приходилось тяжело и было не до славных дел: в груди что-то жалобно пищало, хрипело, колело в правом боку, бетоном налились ноги. И какой идиот выдумал строить высотные, многоэтажные дома?

Фу-у! Ну, наконец-то! завидев знакомое светлое пятно двери, Колька загнанно дыша, совершенно обессиленный сполз по стене. Затем чуток отдохнув, переведя дух, он встал, нащупав рукой входной звонок, нажал на кнопку. Внутри квартиры глухо звякнуло. Прислонив ухо к двери, прислушался... Ни шороха, ни осторожных шагов: тишина! Опять нажал... Результат тот же.

«Не откроет, – понял Колька, убирая руку от звонка. – Была бы одна, открыла бы. Значит, кто-то у нее есть. Что будем делать, Коля? Поколотить в дверь? Опасно, какой-нибудь сосед-придурак спросонок полицию-милицию вызовет... Тьфу-ты! У меня же свой ключ! Совсем забыл... Сейчас, сейчас я вам голубкам сизокрылым, крылышки-то пообломаю, я вам устрою ознакомительный ночной полет с пятого этажа!»

Колька порылся в карманах, нашел ключ и даже коробок спичек. Зажег спичку, выцеливая ключ в замочную скважину... И попал, с первого раза попал! Спичка болезненно обожгла большой палец: о-черт! Попал, но ключ не входил и до середины длины, что-то мешало, не пускало. «Изнутри ее ключ вставлен – мой не пускает, – сообразил Колька. – Подстраховались, гады! Надо что-то делать, не ждать же у моря погоды. Что? Может, протаранить всей своей массой? А что, можно попробовать».

Отойдя от двери на несколько шагов, Колька прицелился в светлое пятно двери: эх, была не была! – и, выставив вперед правое плечо... остался на месте. Понял – бесполезно, можно и башку себе свернуть, дверь толстенная, ясеневая, с одного маха не снесешь. Даже если он и вышибет дверь, что с того толку, электрик – бугай здоровый, набьет ему морду и спокойно уйдет: нынче Колька не в форме. Эх, динамитом бы рвануть дверь, только где его ночью возьмешь. Нет, динамит – не выход, да и не его это метод, соседи могут пострадать, а его самого объявят международным террористом, пособником покойного бен Ладена или «игиловцем».

Надо придумать что-то такое, такое! Чтоб им всю жизнь икалось! Но что? Хоть убей, ничего путного в голову не лезет!

От бессилия Колька долбанул кулаком о косяк двери и рванул на себе ворот рубахи. Душно, легким не хватает воздуха. Затем медленно, старчески шаркая о бетон ступенек, спустился вниз и присев на ступеньки крыльца, достал из кармана мятую пачку «Примы». Закурил... В голове настойчиво, как табачный дым в глаза, вертелась одна единственная мысль: как наказать любовников? Думай, Коля, думай!

Старательно объезжая дворовые колдобины, мимо неспешно прошуршало колесами зеленоглазое такси с истошно вопящим магнитофоном: «Жил да был фараон... о-ля-ля! о-ля-ля!.. Тутанхамон звался он... о-ля-ля! о-ля-ля!.. Голубой любил он Нил, где проживал зеленый крокодил... о-ля-ля! о-ля-ля!»

«Глупая песня и слова дурацкие, – машинально оценил Колька качество песни, а заодно и мастерство исполнения. – Не умеют петь, визжат, будто голодные поросята. Одним словом: тупгачи! А ведь за это еще и деньги получают, говорят – неплохие. На стройку бы их, на стенку зимой. А то напридумали: Нил – крокодил, фараон – Тутанхамон... Тутанхамон – имечко, вроде как знакомое. Погоди, погоди... Что-то, что-то припоминается... Точно! История Древнего мира! Это не тот ли фараон, что замуровывал своих неверных жен с их хахалями в крепостные стены? Кажись, он, точно он. Это же надо такое придумать: в стену, живьем! Молодец фараон! С фантазией мужик. Нет, а я что, хуже этого древнего фараона? – Колька даже вскочил от неожиданно пришедшей в голову идеи. – Я тоже... я этих двух голубков замурую, наглухо замурую! Чтобы ей неповадно было изменять мужу, а ему – безнаказанно шастать по чужим бабам! Заживо замурую – только так! Ну „Кирпич“, ну и голова же ты!»

Забыв про похмельно-больную голову, Колька помчался к котельной, зимой подающей тепло в их микрорайон. Котельная находилась в двух шагах от его дома. Ее уже начали ремонтировать к зиме, для чего завезли поддоны с красным кирпичом, огромную кучу речного песка, цемент в мешках, упрятанных под брезент, бочки с водой и даже приставили сторожа, который наверняка дрых сейчас в котельной, если вообще не свалил домой спать.

Колька нашел тачку для вывоза шлака, стараясь не шуметь загрузил ее кирпичом и покатил к своему подъезду. Тачка вела себя будто пьяная: виляла из стороны в сторону, вырывалась из рук, норовила опрокинуться. Пришлось Кольке изрядно попотеть, чтобы усмирить непослушную. И так несколько мучительных для его организма рейсов за кирпичом, цементом, песком, водой. Соленый пот заливал глаза, припадочно дрожали руки-ноги, уставшие мышцы просили-умоляли об отдыхе, но Колька – нет, уже не Колька – «Кирпич» был неумолим, безжалостен к себе: вперед и только вперед! А тут и второе дыхание подоспело: нагружая очередную тележку, «Кирпич» с удовлетворением заметил, как будто волшебю оживает ослабленное алкоголем тело, как ощущается прилив свежих сил, возвращается белая сноровка.

Осторожно, по-прежнему обливаясь потом, «Кирпич» перенес кирпичи теперь уже от подъезда под дверь. Вверх! вручную! Это был адский труд, где стимулом для него впервые в жизни были не деньги – деньгами здесь и не пахло, – а месть, только сладостная месть!

Отдышавшись, «Кирпич» крутанулся вприпрыжку к строительному вагончику за инструментом, ведрами, алебастром для быстрого схватывания цемента. Вагончик, казалось, вибрировал от дружного храпа спящих строителей.

Возвратившись к крыльцу, Колька надорвал мешок с цементом, взял щепотку, потер палец о палец. Цемент, кажись, спасский, четырехсотой марки, прочность на изгиб, на сжатие: класс! монолит! То, что надо!

Затем насыпал в большие, оббитые жестью носилки – цемент, песок, залил их водой, тщательно перемешал. Получившийся раствор накидал в ведра, перенес под дверь. Все, можно начинать работать. И хотя он знал психологию свои соседей – случись что ночью, хоть заорись, никто не выйдет, не поможет, – старался все делать тихонечко, на цыпочках. Случайные неужи-

данности, в виде вдруг выглянувшего шального соседа или крикливой соседки, ему были не нужны. Поэтому «Кирпич» работал в спокойном темпе, без спешки.

Кирпич – на кирпич, кирпич – на кирпич... Но постепенно работа захватила его целиком, всеохватываяще, и Колька, забыв обо всем на свете, заработал быстро, с азартом, с вдохновением, как привык трудиться всегда.

Кирпич – раствор, кирпич – раствор! И алебастр, алебастр добавить, чтобы намертво, чтобы ни пушкой, ни гранатой не взять! На площадке нет света – к черту свет, да будет тьма! «Кирпич» и в темноте, как на автопилоте двигался быстро, уверенно и даже красиво. Кирпичи, как бабочки порхали в его сильных жилистых руках каменщика-профессионала, ложились ровно, ряд в ряд, без единой щелочки, выступа, брака!

Кирпич – на кирпич, кирпич – на кирпич. И растворчику, растворчику побольше, чтоб железобетонно, навечно чтоб, навсегда! Соленый пот сбегал с широкого Колькиного лба, щипал глаза, разъедал потрескавшиеся губы, но сейчас эта соль казалась приятной, сладкой. Работа, как никогда радовала, доставляла моральное удовольствие и даже, если хотите, – душевное наслаждение. Вот что значит – месть! Не кровная, как на Кавказе, нет – простая месть, можно даже сказать – шутовская. Шутка! И цена этой мести не высока – смех, обычный человеческий смех в масштабе одного дома, ну или улицы, а то и города. Веселый, жизнерадостный и что совсем уже хорошо – бесплатный... Это в лучшем случае, а худшем? А в худшем посложнее... Ну, в тюрьму, понятное дело не посадят, а вот пятнадцать суток запросто могут вклеить за мелкое хулиганство. Н-да... Впрочем, «шутника» еще надо найти. А если и найдут, начальство должно из камеры выдернуть, кто-то же должен банк строить. Так что, не бойсь «Кирпич», победа будет за тобой!

Кирпич – раствор, кирпич – раствор. И мастерком, мастерком, чтоб гладенько, ровненько, крепенько! Чтоб знала изменница: месть мужа сурова и неотвратима. Пусть это шутка, но эта шутка запомнится им обоим на всю их оставшуюся жизнь!

А вот и финиш! Раз-два – и готово! Вскоре входная дверь снизу доверху, от косяка до косяка была надежно замурована, должно быть, не хуже фараоновского склепа. Колька стряхнул остатки раствора с рук, отошел в сторонку оглядеть критическим взглядом творение рук своих. Оглядел – остался доволен, что и говорить – работа выполнена профессионально, на пять с плюсом! «Кирпич» – он и есть «Кирпич»!

Колька быстренько собрал инструмент и отнес его обратно в вагончик – мужики в вагончике дрыхли без задних ног.

Оставшуюся пару кирпичей, горсть цемента он отвез обратно к котельной. Нарвал в палисаднике метровой полыни, связал из нее огромный веник и тщательно подмел и у крыльца, и на площадке перед дверью. Это не заматывание следов, это как установленный для «Кирпича» ритуал или даже закон: в любой работе должен быть порядок.

«Ой, что будет, когда эти милашки утром проснутся! – ехидно скалился Колька, поудобнее устраиваясь под знакомой черемухой. – Электрик, понятное дело, оденется, поцелует Таньку... нет, с какой стати он станет целовать чужую жену? Оденется Санька – и шаст на себя дверь. А там... стена! Из красного кирпича, глухая, как монолитный склеп. О-о, умора будет! Заочник бряк в обморок! Моя дуреха в крик: „Кар-раул! Спаси-ите! Помоги-ите!“ – и к телефону: „Скорая! Спасатели!“ – Колька весело рассмеялся, наяву представив происходящее в замурованной квартире. – Студента – в психушку, мою – на допрос: мол, кто? Танюха меня железно не сдаст, а вот некоторые зловредные соседи могут завопить: мол, „Кирпича“ это дело, его рук почерк!» А вот тут вы хрен угадали, господа следователи и прочие добровольные ищейки! У «Кирпича» железное алиби, он всю ночь в вагончике дрых, ребята подтвердят.

Обеспечив себя «железным» алиби Колька, подложив под голову правую руку, безмятежно уснул под тихий шелест листьев. Обычно, когда он спал в пьяном угаре, ему снились всякие разные кошмары в виде рогатого быка, едва не догнавшего его, или бездомной собаки,

норовившей отхватить кусок мяса с его ноги. Нет, в этот раз Кольке приснился Васильич, сосед с четвертого этажа, проживающий как раз под ним. Стоит он в одних застиранных нижних подштанниках и, протягивая к Кольке худые бескровные руки, просит его: «Коля, родной ты мой, помоги! Окно на кухне прогнило, менять надобно, а у меня ни сил, ни средств! Помогии!» Колька во сне пообещал помочь ветерану и, чтобы не откладывать дело в долгий ящик, отправился к дружкам-столярам делать заказ на окно... но тут на улице за ним, подобно собаке увязалась полицейская машина. Куда он – туда и она! И воет, и воет! «Отцепись, зараза! Я же ничего такого не сделал!» – закричал Колька – и проснулся от реально истошного воя полицейской машины.

Страхнув с себя утреннюю росу, он приподнялся, отыскивая взглядом свой подъезд: у подъезда стояли машины полиции, «эмчээсников», «скорой помощи», толпился народ.

«Забежали, сверчки» – Колька широко зевнул, с удовольствием вспоминая свою ночную «шутку». Среди возбужденно галдящей толпы он увидел свою Татьяну: она, прижимая ворот халата к глазам, что-то объясняла окружающим.

«Плачет, что ли? Электрика жалко? Неужто его удар схватил? – гадал Колька, цепляясь за ствол черемухи, чтобы подняться. – А на вид кабан здоровый, ломом не прошибешь. Делаа... Не дай бог с ним что-то серьезное, тут уж пятнадцать сутками вряд ли отделаешься. Однако, быстро их размуровали, видно ошибся я, цемент другой марки, не четырехсотой. Надо идти, глянуть».

Нагнув голову, Колька выбрался из палисадника и подошел к гудящей толпе.

– Не повезло старику, – услышал Колька. – Наверное хотел выйти, а перед ним стена. Тут и здорового инфаркт схватит.

– Спасатели говорят, кое-как стену разобрали, мол, профессионалы работали.

– Танька, жена «Кирпича» рассказывала, она дескать вышла мусор вынести, а у старика вместо двери стена...

– Деда-то за что? Пенсионера, да еще глухого...

– Чертова мафия! Бандюганы совсем страх потеряли, не дают людям спокойно жить...

– Причем здесь мафия? Подлая Европа виновата, зачем расстрел отменили? К стенке их надо, без суда и следствия: бах-бах – и готово!

– Да бросьте вы! Мафия, Европа! Причем здесь они? Я своего участкового в глаза не видел...

Колька крутил-вертел головой и не мог понять: причем здесь мафия? какой еще старик? в чем виновата Европа? куда пропал участковый?

Толпа притихла. Двое дюжих санитар вынесли из подъезда носилки, накрытые зеленым дерматином. При спуске по ступенькам из-под зелени дерматина выскользнула желтая старческая рука и беспомощно заболталась туда-сюда, будто пыталась достать до земли. До Кольки наконец дошло...

«О, боже! Что я натворил?! – ужаснулся он, содеянному им же. – Я же Васильича замуровал! На четвертом этаже остановился, до пятого не дошел! Двери, двери-то одинаковые, на одно лицо, один в один двери! Этажи перепутал! И ведь ключ, ключ не подошел! Мне бы понять! А я...я! За что же мне так, за что-о-о?!»

Растолкав толпу, «Кирпич» подскочил к носилкам, схватил холодно-неживую руку старика и принялся всхлипывать: «Васильич, это я – Коля, сосед твой! Ты слышишь меня?! Васильич, прости меня, я не хотел! Прости-и...».

Любка с острова Врангеля Рассказ

Уважаемый читатель! Письмо, которое ты сейчас, надеюсь, прочтешь, было найдено на побережье Чукотского моря, рядом с местом жесткой посадки вертолета полярной авиации МИ-8, летевшего с острова Врангеля в поселок Певек. Вертолет при посадке разрушился, летевшие в нем люди, слава богу, остались живы, а вот почти арктическим ветром разбросало по просторам необъятной тундры. Нашедший письмо чукча каюр Николай хотел приспособить бумагу для собственных нужд, однако хозяйка яранги, любопытная, как все женщины, чукчанка Наталья, между прочим, окончившая интернат для народов Севера на «отлично», прочитав письмо, погнала мужа в поселок, вернее – в редакцию газеты «Полярная Звезда» с наказом попросить опубликовать письмо, мол, оно будет полезно всем российским женщинам, а не только живущим в тундре. Николай на оленях рванул в поселок: в тундре просьба женщины – закон для настоящего мужчины. Прямота, искренность, откровенность письма понравились главному редактору «Полярной Звезды» (от которого, между прочим, месяц назад жена сбежала с техником-авиатором в теплые края), и он решил опубликовать письмо, тем более что приближался праздник всех женщин мира, то есть – 8 марта, под заголовком «Русская женщина и коня на ходу остановит, и в горящую избу войдет». Но так как редактор в далекой юности баловался сочинительством стихов, он сократил заголовок до двух слов: «Женщина Севера». Коротко и понятно! Правда, чтобы его не обвинили к любви к чужим письмам, что, как известно, осуждается обществом, редактор нашел-таки хозяйку письма и по рации получив ее согласие с условием не сообщать фамилию, опубликовал письмо целиком, лишь убрав из него множество матерных слов, что, конечно, сильно повлияло на качество текста, на его ярко выраженную эмоциональность. Однако оставим это на совести редактора. Итак, читаем...

Привет из Владивостока!

Валюха, милая, здравствуй родная! Сто лет тебя не видела, до ужаса соскучилась! Извини, что давненько не писала, куда – не знала, адресок твой утеряла, вчера случайно нашла. Писать вообще не люблю. Родной маме раз в год пишу. Да и что, собственно писать, похвастаться нечем, дела мои идут так, что хоть на стенку лезь, хоть в петлю, хоть в море головой. Хреновенькие у меня дела. И в семейном плане, и вообще по жизни. Помнишь нашу с тобой когда-то любимую песню: «Я за ночь с тобой, отдам все на свете...?» Так вот, я до того дожила, что готова отдать все на свете, лишь бы удрать, смыться, сбежать куда глаза глядят из этого моего семейного ада. Да-да, точнее не скажешь – ада! Суди сама.

Славик – может помнишь, последний мой сожитель – недавно из лагеря вернулся, полтора года отсидел за злостное хулиганство. В этом я отчасти себя виню – с морей при деньгах вернулась, ну и взбрело мне в голову пригласить его в ресторан «Арагви», в тот, что в подвале, помнишь? Не подумала дура-баба, что мужик он до одури ревнивый, вспыльчивый, как искра. И тут, как на грех, пригласил меня на танец молоденький морской офицерик, хорошенький из себя такой, а мой дурак ему морду набил, да так сильно, что на полтора года в тюрьму залетел. Он залетел, а я как всегда крайняя. Из-за него я и в море не пошла, чтобы почаще к этому муженьку-придурку в лагерь ездить, передачи ему возить, дабы он там с голода не подох. Ну да как же, думала – освободится мой Славик, поймет, посочувствует, отблагодарит. Ага, отблагодарил, как освободился, так и чудил не приведи господи как! И пил, и ревновал, а бил так, что страшно вспомнить. Сейчас, слава богу, в море на траулере ушел на шесть месяцев, еле-еле

спровадила. Подумать только, такой амбал здоровенный на моей шее сидел! Только и слышала: подай, налей, принеси-ну не сволочь ли он, а? Едва выпихнула, думала отдохну, какое там! Один дурак ушел, другой заявился портить мне кровь. И знаешь, кто? Корнев, бывший мой мужинек! Заявился – не запылится, пятнадцать лет от алиментов где-то скрывался – и нате вам, объявился, мол, здравствуйте, это я! А нужен он мне, лучше бы алименты выплатил, их у него накопилось где-то под два миллиона. Ходит за мной, как теленок за мамкой, и ноет, и ноет, и просит сойтись с ним. Ну не придурок ли, а? Сойтись с ним – это у меня сейчас даже в голове не укладывается: как я с ним вообще раньше жила, как двух детишек от него родила – не пойму! Кстати, о детях. Веришь, ничего хорошего о своих детях сказать не могу, убей бог не могу. Доводят они меня иногда до белого каления, я им такие сцены в сердцах закатываю – только держись. А им хоть бы хны, что сестра, что брат – два сапога пара. Представляешь? Пацан – Олежек – как воровал, так и ворует, все золото из квартиры вынес. Начинаю ругать – смотрит волчонком и одно твердит: «Я не брал... не брал». Отпирается, а бабки на рынке все до одной на него указывают, дескать, этот пацан нам золото предлагал. Раньше его порола, а сейчас он вымахал на голову выше меня, иногда хочу за ухо отодрать – не достаю, коротки ручонки. Правильно говорят, что дите пороть надо, когда оно поперек лавки лежит. Эх, да что там сейчас об этом говорить-поздно. Вот и на этот Новый год пятьсот рублей из кошелька пропали... последние были! Опять же не знала на кого и грешить: то ли на сынулю обормота, то ли на дочку, Дашку? Один другого стоят. Только и слышу от этих великовозрастных чад: «Мам, дай денег! Ну дай!» Хорошенькое дело – дай, а где я их возьму – копейки получаю! Веришь Валюха, уже не знаю куда и глаза от стыда перед соседями деть за своих деток непутевых. Одна надежда, что Олежека весной в армию призовут, может, там из него человека сделают. Может, и сделают. Только вот что-то с трудом верится. А Дашка моя, смотрю, уже вовсю с парнями любитя, боюсь, как бы она мне чего в подоле не принесла. Девятый класс заканчивает, думает в колледж поступать, на повара. По окончании мечтает в море податься за большими деньгами. Смеется, зараза, говорит: пойду мамуля, по тропинке, тобой проторенной. Ну не дура ли, а? Если бы она знала, как и чем достаются большие деньги в море. Как и чем? Впрочем, не тебе это расшифровывать, ты и сама знаешь, как и чем.

Эх, Валюха, Валюха! Как я тебе завидую, что ты одна жила! Надеюсь, и сейчас одна? Если так, то ты у меня молодец! И дочку одна воспитала, и на ноги ее одна поставила, я всегда твою Жанну своей Дашке в пример ставила: она у тебя и отличница, и трудяга, и хозяйка отменная. А все почему – потому что ты поднимала ее, растила, воспитывала одна, без мужика. А был бы у тебя мужик – неизвестно, что бы еще получилось, потому как от наших мужиков одно жизненное расстройство и боль душевная. Да и вообще, пошли они все! Сама знаешь куда.

Осенью, я должна вроде как на пенсию идти (если считать по морскому стажу). Собираюсь, только вот еще неизвестно, пойду ли – пенсионный стаж вроде как прибавили на пять лет, хорошо еще что не на восемь. А вдруг я под эту надбавку попаду? Что тогда? Ой, как мне смешно будет, хоть падай: двадцать с лишним лет морю отдала, сама как сельдь просолилась, здоровье считай на этих железных посудилах потеряла – и вот на, получи от родного государства подарочек: иди еще пять лет хлебай туман, закусывай селедочкой и вспоминай злым матерком всю депутатскую шарагу, принявшую закон о пенсиях. Нормальненько, да? Я как вспомню про эти пять добавленных лет – пять! – что предстоит мне еще на железном корыте качаться – так у меня сразу и поджилки трясутся, и душа в пятки уходит. Ей-богу уходит! А если бы все восемь? Валюха, ты вспомни путину! Рыбы – чертова пропасть! И мы по двадцать часов на ногах, с ножами в руках, без нормального сна и отдыха! Соленая вода, рыба кровь, внутренности, чешуя! О! И мужицкие команды: «Шевелись, девки! Стране нужна рыба!». Не приведи Господи, как тяжело было! Сейчас вспоминаю, а самой мурашки по коже бегут. Бр-р! А с другой стороны, вернуть бы те годы, окунуться бы хоть на несколько часов в то

оставшееся далеко позади. Ох, как весело мы жили! А почему? Да потому что молоды были, здоровы, беззаботны. Молоды и бесшабашны! Нам было по двадцать лет, впереди – вся жизнь! Тогда мы другими глазами смотрели на окружающий нас мир, легкомысленными, что ли? Однако верили – будет и на нашей улице праздник. И сами себе этот праздник устраивали. Помнишь, как мы пьяному второму механику Кузину, вместо молоденькой Светки-конфетки подсунили Веру Сергеевну, у которой в тот день именины были, мы ее с круглой датой поздравляли, с шестидесятилетием. А смеху-то было поутру, смеху! Механик побежал к капитану жаловаться на нас, мол, обманули мы его, утиль-сырье подсунили. Капитан прогнал его со словами, что не все коту Масленица. Помню, над тем механиком экипаж потешался до конца рейса, пришлось бедолаге списаться. Зато наша баба Вера вернулась поутру, страх какая довольная. Я слышала, что она недавно умерла. Жаль, хорошая была бабка, и пожила довольно много годков, нам с тобой столько вряд ли светит; уж мне-то, точно.

А Любку Базаркину помнишь? Ну та, что на спор со все палубной командой за неделю переспала. Недавно встретила ее в супермаркете на Светланской. Сдала наша Любка, ох сдала! Детей у нее, как ты помнишь, никогда не было, со своими бессчетными мужиками она давно разбежалась, живет одна-одинешенька. Говорит, пытается на плавбазе в море уйти, однако не берут – дескать, нам старух не надо. Представляешь, по понятиям кадровиков, женщина в сорок пять уже старуха и путь ей на море, на судно заказан. По ихнему получается, что мы с тобой уже старухи! Так что ли? Ну не сволочи ли эти кадровики, а? Еще какие! Вот из-за таких бездушных бюрократов ржавеет наша Любаша на берегу, получает пособие и плачет, и грозитя руки на себя наложить, в волну морскую броситься. Ну не дура ли, а? Я ее жалеть давай, уговаривать, мол, сейчас у всех жизнь такая. Так она еще сильнее заревела, на нас стали внимание обращать, даже охранник подошел. Отшила я его по-нашенски, по-морскому (ты знаешь, как я это умею делать) и принялась Любке про свою сегодняшнюю жизнь рассказывать. Все ей как на душу выложила: и про то, что работаю я уборщицей, в одной фирме полы мою, что работу свою ненавижу, иду на нее как на каторгу, получаю копейки, заколебалась каждый день бегать в поисках дешевых продуктов, короче, не жизнь у меня – сплошное выживание. Про детишек своих непутевых рассказала, про мужей всю правду выложила, и гляжу – глазки у моей Любы разгорелись, ожила бабенка, заулыбалась и даже пригласила меня зайти в кафе пропустить по рюмашке за встречу. Поняла дуреха, что есть люди, которым живется гораздо хуже, чем ей. Выпили мы с ней по паре стопочек, она и говорит мне, что мечтает куда-нибудь уехать из Владивостока, чтобы не видеть и не слышать ни прибоя морского, ни гудков паровозных. Только вот куда уехать, а главное – на какие шиши?

Валюха, признаюсь тебе, я об этом тоже мечтаю. Засасывает нас и море, и деньги большие, и жизнь судовая, пусть и трудная, но беззаботная. Тебе хорошо, ты вовремя концы обрубил – уехала, спряталась в своей Вологде, где и про море, наверное, забыла, и в ус не дуешь, живешь в свое удовольствие. А мы тут за тебя отдуваемся, каждый день шум прибоя слышим, гудки паровозов, крики чаек, видим туманы... пропади они все пропадом! Скажешь: да брось ты это чертово море, этот бандитский Владивосток! Легко сказать – брось, а у меня ведь здесь трехкомнатная квартира, дача, машина, гараж, дети. Дети, пусть и непутевые, но они мои, мои! Пробовала я вдали пожить, целый год в Южной Корее проработала. Плавбаза в Пусане на ремонт встала, наши разъехались кто куда, а меня попросили одной хозяйке магазина помочь за восемьсот баксов в месяц. Я согласилась, деньги неплохие, работы я не боюсь. Однако работать пришлось с раннего утра до позднего вечера без выходных-проходных. Только и слышала от хозяйки: «Лю-ба! Сделай то, сделай это!» Ни минуты покоя, только сядешь перекурить – хозяйка тут как тут. Достала меня эта старая гримза провонявшая чесноком и ихней капустой чимшой, ей-богу достала! Как я вытерпела, как не сорвалась-не знаю. Должно быть, кто-то свыше меня уберег. Представляешь, год в Корее прожила, а дальше соседней улицы ничего не увидела. Как тут не вспомнить наше крепостное право, восстание

Пугачева и прочих недовольных. Поневоле вспомнишь. Так-то вот моя милая Валюха! Корея, вроде, демократическая страна, а я в ней ощущала себя рабыней Изаурой. Еле-еле год отработала. Зато домой с деньгами вернулась. И сразу же хочется спросить: ну не дуры ли мы, бабы? Уж я – точно дура. На радостях купила Славикку новенькую «Тойоту», думала, вернется с лагеря – отблагодарит. Как же, отблагодарил, стыдно было в баню сходить попариться, вся в синяках была от его благодарности. Эх, Валюха, Валюха, и вправду уехать бы куда подальше, где нет ни злобных Славиков, ни тупых Корневых, ни воровитых детишек, ни жизни проклятой. Видишь, до чего я дожила, готова сбежать даже от собственных детей! Ну, а что еще делать, разве у меня нормальная жизнь? Сплошное существование, даже нет-прозябание.

Валюшка, может хватит о плохом ныть, хочется чего-то другого, более позитивного, только вот где его взять? Надо подумать где... Ой, что я тебе хочу по секрету сказать. Не поверишь, но решила я от непроходящей бедности своей – малым бизнесом заняться. Ну, не совсем бизнесом, а как бы это сказать... Предпринимательством, что ли! Самым, что ни на есть малым. Короче, надумала я государство обмануть, от налогов уклониться. Решила свои темные делишки обдывать по-тихому, безо всяких там лицензий и прочих справок. Спросишь, какие еще темные делишки? Не подумай чего страшного, так, мелочевка: свою трехкомнатную квартиру решила сдавать в аренду, на всех столбах объявления развешала, мол, сдается трехкомнатная со всеми удобствами, задешево. А сама с детьми на дачу перебралась, она у меня почти как капитальная, старый дом за бесценок купила. Только вот предприниматель из меня получился, честно тебе скажу, хреновый – не торопятся ко мне жильцы с толстыми кошельками. Неделя-другая прошли – ни одного звонка. А ведь я по-божески прошу, всего-то пятнадцать тысяч в месяц... за трехкомнатную! со всеми удобствами! Почти бесплатно! Но, как говорится, уж если не повезет, то и на собственном муже можно подхватить сама знаешь что. Запросто! Впрочем, скорее всего дело здесь не в везении, просто рынок квартир сейчас перенасыщен. Конкуренция, знаешь ли, конъюктура! Ведь это-бизнес! А я в нем... О! Звонит кто-то! Легок черт на помине, неужели, арендаторы? Ладно, Валюха, я тебе потом допишу. Жди! Пока! Пока!

Валюшка, привет!

Ох, и свинья же я, целый год не могла письмо закончить... или уже два? Ну точно, два! Извини пожалуйста, закрутила-завертела меня жизнь, а тут старое письмо к тебе случайно на глаза попало, вот и решила я его дописать. Только вот пишу я тебе не из Владивостока, а из солнечного острова Врангеля. Насчет солнечного шучу, скорее – покрытого льдами острова. На карте ты его вряд ли найдешь, я тебе подскажу, где он находится. Вспомни нашу плавбазу «Зеленый луч», портовый пункт Эгвекинот вспомни, где местный чукча Коля выкрал и увез в тундру нашу Зинку из икорного цеха. Она пьяненькая из кабака вышла, он ей аркан на плечи-и давай оленей погонять. Ну точь-в-точь, как в той песне: «увезу тебя я в тундру». Вспомнила? А потом этот горе-похититель догнал нас уже только в Петропавловске-Камчатском, чтобы вернуть нам «русский баба, однако, разорит бедного чукчу». Мы тогда со смеху попадали, когда Зинка поднялась по трапу вся в мехах и с двумя огромными баулами. Так вот, от Эгвекинота надо добраться до порта Певек, а уж оттуда до моего острова рукой подать, километров сто пятьдесят всего-то. Остров среди сурового Ледовитого океана! Так вот, если есть в мире счастье, то оно живет на острове Врангеля! И это счастье – я! Я-подруга ты моя!

Однако давай по порядку. Вернемся к моему первому письму к тебе. На чем я там осталась? Ага, мне позвонили в дверь. Оказалось, это мои будущие квартиранты-арендаторы пришли, ученые – полярники, они ледокол с севера ожидали. «Ур-ра! – думаю, – Заработал мой бизнес!» Договорилась я с ними полюбовно, деньги наперед за месяц взяла, ключи им передала. Все как положено. Ребята они хоть и ученые, однако простые, веселые и из себя очень

даже ничего. Я бы с такими закрутила шуры-муры. Но, оказывается, в бизнесе легкомысленное заигрывание с клиентами, не поощряется. «Нет так нет, – решила про себя, – обойдемся, бизнес дороже». Как-то приехала я к ним за деньгами, они меня к столу пригласили, сидим, винишко попиваем, о том о сем болтаем, смеемся, ну и все прочее, прочее. И вдруг – звонок. И кто ты думаешь, появился? Корнев! Мой бывший благоверный! Мужичок-ноготок! Представляешь, он ко мне сразу с претензиями: я и такая и сякая, и на кого детей бросила, и почему пью-гуляю с кем попало. Надо же, заботливый какой, о детях вспомнил! Я, понятное дело, рассердилась – такой кайф обломал, скотина! – и пальцем ему на дверь указала, дескать, исчезни, не мозоль глаза. Какой там, он как петух хвост распушил и ну шпорами бренчать, такую сцену ревности закатил, что мама не горюй. И все это при посторонних людях! Представляешь? Нет, я бы конечно и сама с ним справилась – это не здоровенный психопат Славик, – однако подленькая мысль удачно промелькнула: а не обратиться ли мне за помощью к людям героической профессии – к моим полярникам. Моргнула – только моргнула! – и моего бывшего, будто злым норд-остом из квартиры вышибло: был – и уже нету! Нету! А полярники на полном серьезе предложили мне отправиться с ними на далекий остров Врангеля, мол, будешь ты там царицей островной. Вроде как по пьяни позвали, а я не долго думала – а почему бы и нет? Что меня во «Владике» держит? Да, собственно, ничего: дочка в колледже днюет и ночует, сын в армию готовится – оба, считай, взрослые. Сожитель в море, и неизвестно, вернется ли он ко мне, а если и вернется, опять бить будет, через колено ломать. Нет уж, увольте! Махнула рукой: а, была не была! Где наша не пропадала! Только на диком острове я не жила! Без лишних слов быстренько квартиру на детей переписала – только и подумала, что в случае чего, если вдруг вернусь, дети примут, не выгонят. Дачу, машину, гараж – все продала, деньги между детьми поделила: и вот я уже свободная птица, готова ехать хоть на край света. Куда я уезжаю – никому не сказала, даже собственным детям, лишь пообещала им, что напишу. Правильно ли я поступила? Считаю, что правильно: если уж решила поменять свою жизнь, то надо ее менять кардинально резко, без промедления и лишних мыслей, и болтавы. Что я и сделала. И представь себе, не раскаиваюсь, что уехала на остров Врангеля, ну нисколько не раскаиваюсь! Нисколько! Ей-богу! Хочешь верь, хочешь – не верь.

А остров этот действительно оказался краем света. Море вокруг, целый океан! Правда, ни сосенок ни березок, одни скалы да лед, да еще десять месяцев – зима. Однако ж и здесь люди живут в небольшом поселке Ушаковском. Ученые, полярники, эскимосы солдаты – здесь даже начальная школа функционирует. К тому же, этот остров – природный заповедник мирового значения, к нам просто так, без пропуска не попадешь. Ой, а сколько здесь живности разной: и медведи белые, и моржи огромные, и овцебыки завезенные, и хитрые песцы, и полярные совы и белые гуси и прочие, прочие мелкие лемминги. К слову сказать, если я когда к тебе в гости приеду, обязательно в подарок привезу клык моржовый (не путать с хреном моржовым) и медвежий коготок сантиметров шесть-семь длиной. Острый, зараза, как бритва! Трудно представить, что будет с человеком, если медведь полоснет его этим коготком. Бр-р! Поначалу я этих медведей ужас как боялась, не могла себя заставить на улицу выйти, чтобы мусор выбросить. Казалось, только выйду – тут он цап-царап меня – и в рот. Только вот у страха глаза велики, сейчас я их гоняю чуть ли не веником, только шум стоит, меня боятся, почище огня. Честно тебе говорю, не хвастаюсь. Забыла сказать, что я тут поваром работаю, кашу варю для своих заповедных полярников. Повариха я. Так вот, только дверью хлопну, чтобы пойти отходы вывалить в мусорный бак, как эти огромные блондины тут как тут. Встанут на дыбы, чисто заборы трехметровые – прямо ужас! – и ждут, когда я отходы вывалю. Я как рявкну: «А ну, отскочь шпана белобрыся!» – они пугливо отпрыгнут и ждут, пока я не уйду. А то к окну припрутся и давай заглядывать в надежде, что я им чего-нибудь съедобного брошу. Приучила я их, разбаловала, уже и сама не рада. Мужики на обед придут и ну моих медведей взрывпакетами да петардами отгонять: и смех, и грех. В общем, здесь не соскучишься, почти

каждый день медвежьи концерты. Они хоть и звери дикие, новременн как я заметила – добрые, зря не обидят, если только сам сильно не попросишь.

И народ здесь все больше хороший, а если и попадется гнилой человек, то это все больше случайно залетный, такие в суровых условиях острова не приживаются, и никакими большими деньгами их здесь не удержишь. Так что, чтобы сюда приехать и жить на этом забытом богом острове, нужны веские основания. Вот как у меня, например.

Валюха, я одного не могу понять: чего мужикам от меня надо? Я не про нормальных мужиков говорю – здесь все ясно и понятно, чего им надо – я про своих бывших мужей-любовничков спрашиваю. Я им всем свободу предоставила, живите как хотите, только обо мне забудьте, как я забыла о вас. И что ты думаешь, забыли они обо мне? Ага, как бы не так! Думаю, няньку-кормилицу они во мне потеряли, вот что. Мужская натура ни за что не желает уступить нашей, женской; наверное, это повелось еще с древних времен, когда любой, даже самый зачуханный мужичок, считал себя на голову выше женщины. А я своим мужикам это их превосходство обломала. Р-раз, и нету меня! Ох, как им должно быть обидно! Будто, осиротели они. Как я уже говорила, к нам на остров трудно попасть: и заповедник здесь, и воякам приглянулся, потому как отсюда до Америки рукой подать. Судно-снабженец ледокольного типа раз в год заходит, да и вертолет – редкий гость, потому как погода здесь часто не подходящая: то ветра сумасшедшие, то морозы трескучие, то туманы опасные. Так что я здесь, вроде бы как надежно укрылась и от тупого Корнева, и от ревнивого Славика, ну и от прочих, уже давно забытых сердеедов. Валюха, без хвастовства тебе скажу: здесь на этом острове, мужики меня прямо-таки боготворят – таких как я, на сотни-сотни километров не сыщешь, тут все больше эскимоски, а это уже для наших мужиков – экзотика, а для души у них – я! Я! Правда, есть в заповеднике одна лаборанточка, но она худая, как разделочная доска для минтая.

Ну да бог с ней, с лаборанточкой, отвлеклась я. Короче, думала я, что надежно укрылась от ревнивых и мстительных мужичков. Оказалось – нет, не угадала. Однажды прилетел к нам вертолет с учеными-москвичами. А я по радию заказала привезти мне с материка этим вертолетом кое-какие овощи-фрукты, лучок там, чесночок с огурчиками-помидорчиками и прочими яблоками-апельсинами. Ну никак нельзя здешним мужикам обходиться без зеленых витаминов в полярных условиях. Когда принялись разгружать овощи, из-за ящиков вылез... кто бы ты думала... Корнев! Мой бывший! Я прямо так с лесенки вертолетной и грохнулась, хорошо, что снег мягкий был. Вот так подарочек с материка! Ну, сволочь, думаю, как же ты сюда попал? Как меня вычислил? Наверное, догадался, что я с полярниками уехала, узнал, проследил куда, недаром же он десять лет прокурора Первореченского района возил. И что мне теперь делать с этой скотиной безрогой? Вопрос, однако. А он бах! на колени – и давай умолять меня вернуться к нему, мол, все твои измены прощу, давай заново все начнем. Мне, хлебнувшей море свободы – и к этому слабовольному сопле? Да ни за какие блага на свете! Да боже упаси! Нашел дурочку! Раскричалась я – подошли летчики-вертолетчики и прочие полярники и ну пытаться его: кто такой? откуда? к кому? Он начал мямлить, на меня пальцем показывать; я, не дождавшись его внятных объяснений, коротко объяснила собравшимся, кто этот тип и чего ему надобно. Парни, будто на лету ухватили мое желание и единодушно проголосовали за то, чтобы отдать нарушителя пограничного контроля голодному белому медведю, что поблизости наблюдал за выгрузкой вертолета в надежде, что ему перепадет чего-нибудь съестного. Ой, Валюха, видела бы ты, как мой бывший испугался! Обмочился, стал деньги «летунам» предлагать, чтобы только они его назад увезли, за унты их хватал, обещал дорогу на остров забыть, навсегда забыть. Не понял дурачок, что подшутили над ним. Увезли его этим же рейсом в Певек, где он взял билет почему-то не во Владик, а через Москву в Минск, в Белоруссию, откуда родом. Я было вздохнула свободно, но тут вспомнила о Славике. Раз уж Корнев до меня добрался, то и этот доберется, скорее всего он выпытал у него, где я могу находиться. Славик гораздо опаснее трусливого Корнева, он мстительный, злопамятный, от него подлости жди

с любой стороны. И я со страхом стала ждать судно ледокольного типа, которое снабжало меня свежими продуктами. И угадай, кого я первым увидела на его борту? Правильно – Славика! Стоит паскуда у борта и ехидненько машет мне ручкой, мол, привет, дорогая моя, ненаглядная. Внаглую машет, орет что-то во все горло! Судно пришвартовывается, ничего не слышать. Стою, от навалившегося страха дыхнуть не смею. Тело вдруг разболелось, видно вспомнило Славикины жесткие кулаки. Потом я зубы сжала, взяла себя в руки, одно думаю: ну что, мститель-женоненавистник, поквитаться со мной прибыл, ну давай, попробуй, только учти Славик, я уже не та прежняя покорная раба, которую ты избивал до посинения, я – другая.

А он сбежал с трапа и айда меня метелить. Представляешь, прилюдно! Ну не придурок ли, а? У меня все нутро от боли прямо захолонуло, я извернулась и ка-ак дам ему ногой под яйца. Ты бы видела Валюха, как он взревел, ну чисто морж голодный. Юлой крутанулся, на колени бах и ртом воздух хватает, хватает, словно гусь полярный – рыбу. Видно, как больно ему. Но жалости к этому зверю у меня ни граммочки: а мне было не больно, когда он меня руками-ногами избивал до посинения? А тут еще ледоколышки подошли, наши полярники подтянулись; в общем, навалили бывшему моему Славiku по самые карманы. А он, гад упертый, кровью харкает, а успокоиться не желает, двумя ходками в зону хвастается, грозит всех «на перо посадить». Капитан приказал этого буйного «зайца» связать и кинуть в какой-то канатный ящик, и не кормить, пока не переберется. Я, подлая моя душонка, попросила капитана высадить Славика где-нибудь в тундре, мол, там ему самое место. Капитан засмеялся и пообещал, что в тундре не в тундре, а в какой-нибудь Амдерме или Нарьян-Маре он его точно высадит, потому как на сей раз они идут не во Владивосток, а в Мурманск. Вот спасибо, поблагодарила я капитана, а про себя подумала, что из-за этого психованного придурка жить мне теперь на острове Врангеля до окончания дней своих, жить и не высовываться под охраной полярников, солдат и белых медведей.

Пишу тебе, а сама думаю: ну почему ко мне так льнут непутевые мужики? Ладно бы нормальные, так нет же... Валюха, может меня бог наказывает за грехи нашей далекой молодости? Хотя вряд ли, те грехи я давно слезами искупила, битым телом своим искупила, ранами душевными. Да и в церковь я несколько раз ходила, исповедовалась, неоднократно у бога прощения просила. До сих пор слова помню: «Господи! Помилуй меня. Прости каждый мой грех... каждый грех!» Эх, Валюха, Валюха, что ни говори, а жизнь – сложная штука. Вот я сорок пять лет прожила, а до сих пор не пойму зачем, для чего я появилась на этот свет? Конечно, можно разное говорить, зачем и для чего. А если кратко, но объемно – думаю, появилась я для радости – и точка! Для мучений – не стоило бы родиться. Валюх, верно я говорю?

Я представляю как ты, читая мое письмо ухмыляешься, дескать, наша Любка в философию ударилась, видно, и в самом деле стареет. Ошибаешься, дорогая моя! Видела бы ты меня в анфас и профиль. Я на этом ледяном острове, будто альпийским цветком расцвела, это именно про меня говорят, что в сорок пять – баба ягодка опять. Вот так-то, Валюха! Приеду к тебе, тогда сама увидишь, какое чудо со мной остров сотворил.

А что, я баба отчаянная, ты меня знаешь, возьму и на следующий год загляну к тебе в гости. Надеюсь, по старой дружбе не прогонишь? Недельку у тебя гульнем, стариной трянем, юность нашу моряцкую вспомним, а потом я в Сочи махну или в Анапу загляну на месяц-другой, косточки свои замороженные на острове погрею. Загорю как головешка – и домой, домой, на Врангеля! Чувствую, потянет меня на остров, обжилась я на нем, попривыкла, а главное – человеком себя здесь почувствовала, нужным людям человеком. Вот только иногда, заметь-иногда! одно беспокоит: а как старость нагрянет, кто кусок хлеба подаст, кто стакан водички поднесет? Подумаю – и страшно становится. До жути страшно. И тотчас начинаю жизненные ходы-выходы искать. Самый надежный выход — в старости к детям своим заявиться, к внукам-правнукам, авось примут, не прогонят бабу-путешественницу с хорошей арктической пенсией? Как думаешь, примут? Примут... Хотя, кто знает, время – оно вроде бы

и лечит души людские, и в тоже время – калечит. Впрочем, до старости у меня еще уйма времени, много воды утечет, много чего может случиться, желательно бы хорошего. А пока... гуляй душа, пока молода! Правильно я говорю, Валюха? Ты, наверное, ты скажешь: смотри Любка, гуляй да не загуляйся, меру знай, а главное – умей себе сказать: стоп! И ты, конечно, будешь права, главное – вовремя остановиться. Уж я постараюсь...

Валюха, милая, надумаешь ко мне в гости – чиркни, я тебе живо пропуск организую. Ох, и зададим мы с тобой здесь жару! Гульнем как раньше, на плавбазе, по-морскому гульнем! Белые медведи вздрогнут, моржи в воду попрыгают... Шучу! Мой остров заповедную тишину любит. Вон, опять заявился, под окном снежком поскрипывает, печеньку ждет... попрошайка белобрысый. Я, первое время не могла понять, отчего это такие узкие окна в здешних домиках? Подказали – чтобы медведь не залез, а мог только лапу просунуть для подаяния. Умно, правда? Ладно, пойду этому голодному блондину печеньку брошу, ведь не уйдет... Валюха, извини меня за это несуразное письмо... или, вернее, два письма. Не люблю писать. Будет время – напиши мне. Адрес простой: остров Врангеля, Любке поварихе, меня здесь все знают. Ни пуха тебе, ни пера! Пока! Твоя Любка с острова Врангеля!

Ревизор из Колорадо Рассказ

– Господа! Товарищи! Друзья мои! Да тихо же, прошу вас, тихо! Ну же... – Мэр небольшого провинциального городка, а точнее – районного центра расположенного на берегу океана, в устье великой русской реки – умолял, угрожал, просил, надрывался, уговаривал разбушевавшуюся в конференц-зале районную элиту. Но его никто не слышал, или не желал слышать. Не дождавшись тишины, мэр зло буркнув: «Матроса Железняк с маузером на вас не хватает», – плюхнул массивное тело на застонавший стул и принялся нервно рассматривать увесистые, заросшие рыжей порослью кулаки, на одном из которых виднелась татуировка синенького танка – когда-то мэр служил в танковых войсках и даже командовал ротой. Багровая физиономия любителя зимней рыбалки и заплывшие легким жирком глаза потерянно метались по роко-чущему осенним штормом залу. То, что сейчас происходило в зале, живо напомнило мэру любимые им с детства фильмы о первых незабываемых днях революции, разве что с некоторым отличием в одежде. Вместо солдат в серых шинелях, матросов в бушлатах перепоясанных пулеметными лентами – в зале до хрипоты спорили, ругались, а то и крыли друг дружку отборным русским матом вполне порядочные (по их мнению) господа в шикарных пиджаках от Дома Гуччи и прочих Росси.

«Ну и ханурики! Здесь вопрос жизни-смерти решается, а они тут икебану устроили», – злился мэр, грызя заусеницу большого пальца левой руки, мешающую ему сосредоточиться. Разумеется, под икебаной он имел в виду не ставшие нынче модными японские деревца-цветочки, а наш обыкновенный бардак.

Впрочем, бардак было из-за чего устраивать, на повестке сегодняшнего (уже четвертого) заседания стоял один-единственный вопрос: принятие районного бюджета. Вопрос этот, как некогда выражался всеми любимым вождь международного пролетариата, был весьма и весьма архиважен, и не принять его – смерти подобно не только для мэра, но и для всей районной верхушки. Быть или не быть – сей извечный российский вопрос стоял уже ребром: прошедшая зима едва не угробила и город, и районом заодно. Не хватило ни угля, ни мазута, во многих домах полопались размороженные батареи, постоянно отключалось электричество, сутками не было воды; народ жег костры во дворах, обогревался, варил на них еду, кипятил чай добывая воду из растопленного снега и от души материл местную власть, впрочем, не забывая и о центральной во главе с не всегда трезвым президентом.

А тут еще губернатор по чьей-то подлой наводке на вертолете прилетел. Понятное дело, орал, матерился, грозился отправить мэра пасти северных оленей и все допытывался, куда дели деньги выделенные на «северный завоз». Куда, куда? Будто сам не знает, куда! Растащили, похитили, разворовали, вот куда! Вот эти, сидящие в зале чиновники, и разворовали. Думаете: нахапались, накушались, нажрались, карманы набили и успокоились? А вот хренушки! Все им мало, еще, еще хотят, вон как разоряются. Нет, а что я – крайний? Я, может быть, тоже хочу свой лакомый кусочек заполучить от бюджетного пирога, однако веду себя в отличие от этих дармоедов вполне даже культурно. Но я один, а их вон сколько, разве этих горлодеров смогу перекричать? И губернатор хорош – нет, чтобы денжат побольше подбросить, или хотя бы пообещать – принялся показывать как надо открывать-закрывать вентили, чтобы трубы не переморозить. Дураков нашел, будто мы сами не знаем, в какую сторону резьба крутится. Тот еще горлопан. Весь край под себя подмял, обирает его как липку, еще и напоследок пригрозил натравить на нас своих псов силовиков-налоговиков. Пока мне все нервы не вымотал, не улетел. Слава богу, что этим все и обошлось. Пока обошлось. Лето у нас короткое, глядишь: раз-два – и закончилось. Море замерзнет, река в лед встанет, без завезенного топ-

лива району – конец. А бюджет наш пуст, как рваная рыбацкая сеть. И не дай бог замерзнет район – второй раз нам этого не простят. Утопят в проруби, как Колчака. Что делать? У края просим, клянчим – бесполезно, один ответ: денег нет, но вы держитесь, сами выкручивайтесь, у себя деньги ищите. А где у себя? В каком кармане искать? Нет, все-таки в армии было лучше. Бывало, получишь приказ, построишь личный состав и ка-ак скомандуешь: «Равняйся! Смирно!». Затем одного матом обложишь, другому – в зубы, третий – сообразительный. «Выполнять!» Все выполняют, доложат. А если и не выполнят, все равно доложат, что выполнено. Пор-рядок был!»

– Господа! Товарищи! Тихо, прошу вас! Ну что вы прямо как на базаре... – Мэр опять встал и попытался призвать к тишине.

Но нет, не слышит элита, не хочет, не желает слышать мэра, каждый только себя слышит, у каждого одно на уме: где деньги, дай денег, дай, дай!! Ну, помощнички! С кем тут работать?

Мэр беспомощно оглянулся – позади лишь портрет президента стоящего во весь рост на танке с автоматом в руке. Зачем местный художник всучил Ельцину «калашников», выяснить не удалось – получив за свой «шедевр» гонорар, он надолго запил, уйдя в «подполье». Мэр попросил начальника милиции разыскать этого «Петрова-Водкина» и вклеить ему пятнадцать суток, пусть камерные стены разрисовывает.

– Ну что вылупился?! – неожиданно для самого себя, мэр грубо накинулся на президента. – Заварил в стране кашу, понимаешь ли, а я тут расхлебывайся за тебя...

Президент самой большой в мире страны не стерпел подобной фамильярной наглости от какого-то зачуханного мэра, самого что ни на есть захолустного района – он, мрачно нахмурив брови, багровея лицом, заорал: «А ну вста-ать!! — Удивительно, но вскочив, мэр по-армейски привычно бросил руки по швам. – Ты перед кем стоишь, сопляк?! Щенок! Пацан! Молокосос! Слизняк ты, а не руководитель! А еще бывший танкист! Ты чего с этими уродами миндальничаешь? Врежь им от всей души, понимаешь ли, покажи свой командирский голос! Заставь трепетать от страха! Время пошло!...»

Мэр с готовностью сказал «есть», затем набрал в бочкообразную грудь побольше воздуха и, хватанув кулачищем по столу, скомандовал:

– Вста-ать! Сми-ирно! Равнение на... меня! Так и стоять... трак вам всем в задницу! – орал он, сверля красными глазами гипертоника стоящую номенклатуру, плюс депутатский корпус. Лучшие люди района по-солдатски замерли, большинство отслужило в армии и не разучилось подчиняться. Элита давненько не слышала такого шквала многоярусной матерной брани в свой адрес от бывшего солдафона, а ныне – хозяина города с районом.

Закончив бранный монолог, мэр сердито сопя, налил из графина воды в стакан и, словно забыв про стоящих подчиненных, задумался: «А чего это я разорался, ведь терапевт запретил мне волноваться. Посдержанней бы надо. А как посдержанней? Устал я с этими баранами, вот и не сдержался. – Он с неприязнью бросил взгляд в конференц-зал. — Все, надо прекратить эту бесполезную бодягу, четыре часа на одном месте топчемся, а бюджет по-прежнему далек от принятия. Отупел народ, устал, да и я тоже не в лучшей форме. Завтра выходной, отдохнуть бы не мешало. А что, неплохая идея. Прикажу-ка я завтра с утра пораньше подогнать катер рыбоохрановский, захвачу с собой Вальку – буфетчицу и махну инспектировать наш заповедник. Говорят, его служащие скоро всех зверей на мясо пустят, без разбора истребляют. Вот шакалье! Штаты раздули, форму с погонами на себя натянули, а не хрена не делают, бездельники! Ну я им покажу, я им устрою... Устрою шашлычок, барбекю с водочкой организую, с Валюхой в кустики завалюсь. Эх, отдохнуть, так по полной!»

Кто-то в зале громко кашлянул – должно быть, напоминая главе района, что его подчиненные столбом стоят. Мэр махнул рукой, мол, садитесь, и примиряюще добавил:

– Мужики, извиняюсь, не сдержался, день какой-то сегодня нервозный. Но и вы, подлецы хороши, дебаты, понимаешь ли, устроили. А зачем зазря глотку драть? Я прекрасно пони-

маю, что для нас сейчас главное – деньги! Лучше наличными. Где их взять, надо подумать. Край конечно выделит под северный завоз, но и нам необходимо в этом направлении поработать. Чтобы у губернатора не было повода обвинить нас в бездействии. А будут у нас деньги, разделить их мы всегда сможем. Правильно? Да и вообще, давайте жить мирно, а не как в той басне про лебедя, рака и щуку. Вы же знаете мое жизненное кредо: сам живи – и другим давай. Так что живите братцы... пока. Шутка! Впереди два выходных. На эти выходные я даю вам домашнее задание под названием «Где взять деньги в районный бюджет?» Где хотите ищите: в небесах, на земле, на море, на дачах, в лесу, трясите «торгашей», шерстите бабулек у магазинов! Деньги у населения имеются, надо только их умело изъять. Вот и думайте на выходных: как, где, сколько? Но мое задание должно быть выполнено точно и в срок! Срок – до среды. В среду письменно доложите, я проверю... А сейчас я предлагаю перенести вопрос о районном бюджете на следующую неделю, думаю, до конца лета мы его примем. Ну что, голосуем? Кто за? Единогласно! Все свободны!

Зал дружно колыхнулся в сторону выхода.

– Господа! Пойдите! Минутку внимания! – Мэр постучал ручкой по графину. – Чуть не забыл... Садитесь! – Элита нехотя опустилась на стулья. – Друзья мои, соратники! До меня доходят слухи, что какая-то сволочь затевает целый заговор, будто бы некие людишки хотят лишиться меня поста мэра путем выражения вотума недоверия, или как там еще?

– Объявить импичмент! – выкрикнул кто-то, кажись, юрист мэрии.

– Вот, вот, он самый, падла, импичмент! Это что же делается: я себя на работе не жалею, здоровье гроблю ради процветания города с районом, а кто-то сует мне палки в колеса! Кто это шебуршится, известно?

– Пенсионеры! Врачи! Учителя! Коммунисты! – слышались выкрики. Мэр желчно усмехнулся.

– Опять коммуняки к власти рвутся? Вот неугомонный народец! Ну да ладно, с ними я договарюсь, а вот что остальным надо? Ведь не замерзли же зимой, все слава богу выжили, а если они насчет зарплат и пенсий – то это не ко мне следует обращаться – к губернатору. Ну никак людишки не поймут, что сейчас всем трудно живется, реформы идут, приватизация, частная собственность возвращается – и слава богу! Или, может, они думают, что я им свою зарплату отдать должен? Или все вы, господа? А что, может, возьмем и отдадим?

– Не-е-ет!!! – единодушно проревел зал. Мэр одобрительно качнул головой.

– И правильно. Ни деньги, ни власть мы никому не отдадим, зря что ли в девяносто первом под танки бросались? Мы тут головы себе ломаем, где деньги на топливо, на продукты для района найти, а «эти» импичмент готовят, подписи собирают, ну не с-сукины дети, а? Нет, братцы, надо действовать по-армейски решительно, быстро, на опережение! У кого есть какие предложения, прошу высказываться.

Элита сосредоточенно засопела, импичмент – дело для района новое, необычное, опасное. Вон в Москве тоже хотели импичмент объявить, а что вышло? Расстрел! Бойня! Кровопускание! Но то Москва, там танки на помощь пришли, а в нашем районе такой техники нет. Правда, на военно-морской базе имеются мощные морские орудия, но они поди давно заржавели, если, конечно, их еще не приватизировали и не продали в какую-нибудь бедную Кампучию.

– Что молчите, орелики? Ум за разум зашел, все на меня надеетесь... помощнички! Что бы вы без меня делали? – Мэр встал и по-военному одернув пиджак, сказал: – Ладно господа, так и быть, приму удар на себя. Слушай мою команду! Да сидите вы, сидите! Приказываю сорвать этот гребанный импичмент! Где у них место сбора? В «Авангарде»? В кинотеатре? Значит, так... Бунтовщиков возле театра зажать и в зал не пускать! Ни одного! Что, что? Как это сделать? Да легко... приходите сами, приводите своих друзей-знакомых, родственников подключите, надежных подчиненных. Всем прокурорским, судейским, свободным от дежур-

ства милиционерам переодеться в гражданское – и вперед, на защиту демократии. Бюджетников в приказном порядке. А сколько в городе амбалов-охранников! Их как таран поставить в первые ряды, а то ряхи наели – на автомобиле не объедешь. А протестный люд – народец немолодой, хилый, легко раскидаете его в стороны и займете кинотеатр, где и проголосуете против импичмента подавляющим большинством. И, чтобы это народоизлияние зафиксировать документально, чтоб все законно было! Законно... мать вашу! А пенсионеры и прочие несознательные элементы пусть у кинотеатра митингуют. Поорут, погорлопанят, да и разойдутся. Редактор, – нашел он в зале редактора местной газеты «Морская звезда», – натрави на недовольных свою газетенку, мол, в тяжелое для страны время находятся провокаторы, которые пытаются подорвать основы нашей молодой демократии. Заклейми из позором... Иван Филимонович, голубчик, – начальник милиции резво вскочил, – Ты уж будь добр, возьми это мероприятие под свой контроль, пусть твои подчиненные... э-э, но чтобы я больше про импичмент не слышал.

– Понял! Разгоним! Врежем! Не услышите! – понятливо, не моргнув глазом, бодро отпартовал начальник.

– Молодец! Побольше бы таких орлов! – похвалил силовика мэр, а про себя подумал: «Ох, и жучара наш полковник. Преступления скрывает, как бурундук орешки за щекой, зато раскрываемость выше всех в крае, девяносто восемь и восемь! Дуболом, но хорош, хорош, рвение как у быка-производителя, такой не задумываясь любому ребра переломает».

И, благосклонно кивнув главному милиционеру, мэр потянулся враз захрустевшим телом: все, хватит, пора по домам.

В дверях появилась секретарь Вера Ивановна с бумажкой в руке.

– Верунчик! – по-свойски обратился к ней глава города с районом. – Что это за бумаженция в вашей прелестной ручке?

Словно напоказ выкатив полные груди, секретарша протянула ему бумагу. Ого! Телеграмма из краевого центра! Срочная!

Мэр вскочил и зашевелил губами... «Понял... ни хрена не понял... что за бред сумасшедшего?» Закончив читать, кивнул секретарше, мол, можешь идти. Повернулся к залу.

– Прошу прощения господ, придется повременить... С центра получена срочная телеграмма. Сейчас я вам ее прочту. – И мэр, как малограмотный, принялся бубнить: «Настоятельно просим встретить... Джон Макнамара... штат Колорадо... всемирно известный писатель, знаменитый профессор-натуралист... встретить! обеспечить! доложить!» И знаете, кто подписал? Сам вице-губернатор!

Зал заинтригованно молчал. Мэр, задумчиво почесав нос мизинцем левой руки, поднял телеграмму на свет, будто проверяя: не фальшивая ли? Вроде нет.

– Нда! Как она не ко времени... Какой-то Макнамара? Зачем он нам? Ну, Верунчик, подкинула проблему, – сам не зная зачем, попрекнул он секретаршу. – А вы что молчите? Есть в Америке такой штат?

– А кто его знает. Аляска точно есть, бывшая нашенская.

– Есть, есть! Он так и называется – Колорадо, столицу вот не помню.

– Это не в честь ли того жука колорадского названа?

– Вроде того. Там развели, затем по всему свету эту гадость запустили. Одним словом – вредители!

– Какого лешего ему у нас надо? Нам и без него неплохо живется.

– Господа, а не кажется ли вам, что все это подозрительно как-то, как бы чего не вышло.

– Точно! Знаем мы этих писателей! Такое может нацарапать сволочь, что завтра вся Европа над нами смеяться будет.

– Да бросьте вы ерунду пороть! Причем здесь Европа?

– Ну Америка, какая разница. Все они в одном корыте замешаны.

– Макнамара? Это не родственник ли министра обороны, что с небоскреба сиганул с криком «Русские идут!»?

– Вполне возможно. А может просто однофамилец того чудака-вояки. У них там все с прирамбасами...

– Тиха-а! – запретил выкрики с места мэра. – Хватит кричать без толку, надо головой думать. Головой! Вот и соображайте... К нам приезжает американец, вроде – птица невысокого полета, подумаешь – профессор, эка невидаль – писатель. Их сейчас по всей нашей необъятной стране видимо-невидимо шарахается, нас, слава богу, сие тараканье нашествие пока миновало – и вот, первая ласточка... трак ей в задницу! Мне губернатор предлагал, мол, начинайте завязывать связи с иностранцами, они в ваш район инвестиции вложат – заживете, как шейхи саудовские, вместе будете лес валить, рыбу ловить, золото-платину добывать. Короче – обогатимся! Ох, и хитер бобер наш губернатор, но и я не льком шит. Знаем мы их инвестиции, запусти в наш район эту саранчу— вмиг по миру без штанов пустят. Шакалье то еще! Думаю, мы с вами и без иностранцев обогатимся, слава богу, матушкой-природой не обижены. Мы им не какая-нибудь дикая Эфиопия, объегорить себя мы не позволим. Так что, давайте думать вместе.

Он упал на стул, тупо уставившись на графин. Зал выжидающе молчал. Пришлось мэру опять брать бразды правления в свои руки.

– Какие будут предложения? – спросил по привычке, зная, что подчиненные во всем полагаются на него. – Понятно, предложений как всегда нет. Нд-а! Смотрю, с вами дельной каши не сварить... нет, не сварить. Ну да ладно... Я вот что вам скажу: лично для меня этот американец – не загадка. Ну, профессор, ну писатель – кого сейчас этим удивишь, все мы в душе, если не профессора, то писатели. Так ведь? Меня другое гложет: почему телеграмму подписал сам вице-губернатор? Этот просто так не подпишет, тут есть какой-то скрытый смысл. Вот и гадай теперь: ну почему, почему подписал сам Краюшкин?! Сам Василь Васильич?! И ведь четко обозначил: встретить! обеспечить! доложить! Звучит как приказ. Ну, встретить – понятно, а чем обеспечить, о чем доложить? Так что, думай – не думай, а встречать этого «колорадского жука» нам придется. А иначе с нас Краюшкин семь шкур спустит и раны солью посыпет, уж я-то знаю. Мы с ним когда-то вместе в Высшей партшколе учились, зверь еще тот, и, откровенно говоря, настоящий муда... мудрец, я хотел сказать. Хоть и учились вместе, а не пожалеет. Так что, давайте свои предложения по встрече... даже не знаю, кого – то ли дорогого гостя, то ли по нашу душу подосланного губернатором ревизора. Ну, что сразу пуганулись, это я так, разные версии прорабатываю. Да не молчите же вы... трак вам на башку!

– Шеф! О чем базар, встретим по-нашенски, по русски!

– Да что там говорить, конечно встретим! До потери сознания напоим! Таких девок подунем – он и про свою Америку забудет.

– Джон – это же как Иван! Тезка! Ох, и гульнем же мы с ним!

– Ну все, хорош горлопанить! – Мэр решительно прервал анархию зала. – Хватит... Лучше давайте подумаем, с какой целью он послан к нам? Особых секретов у нас не осталось, военных поразогнали, одни «погранцы» остались. Лично мне не дает покоя словечко «натуралист». Так и гложет и гложет Какое-то оно... как бы это выразиться? О! Двойко, зыбко, расплывчато и непонятно. Думаю, и не могу сообразить, с чем оно связано: то ли с натуральным хозяйством, то ли с экономикой или с промышленностью? Помню, в партшколе проходил что-то похожее у Маркса... а может, у Гегеля или Плеханова? Ч-черт, разве всех этих умников упомнишь! Объективный, субъективный, натуральный – все перемешалось в голове, со временем забылось. Не могу вспомнить, хоть убей не могу. Я знаю, чем отличается танк от самоходки, а вот в экономике я: пас-с! – просипел он, беспомощно разводя руками.

– Господин мэр! Юрий Петрович! Не переживайте так, все очень просто: натуралист в чистом виде – это человек, изучающий флору-фауну, – услужливо подсказал чей-то голос. – Всего лишь.

– Флору, фауну? Всего лишь? Может быть, может быть... Однако, подозрительно все это, у них там что, своей флоры-фауны нет?

– Господа, не к добру все это, – предположил заведующий земельным отделом. – Мой Родик сегодня на прогулке все утро ко мне жался и скулил, и скулил.

– Заткнись! Гадалка хренова! Своди своего кобелину на случку и не строй тут из себя Кашпировского! – наливаясь гневом, психанул глава города с районом. – Какой-то идиотизм получается. Чем они там в крае думают, присылают черт знает кого! Прислали бы ревизора с четкими полномочиями – и все было бы для нас ясно и понятно: конверт с деньгами, накрытая поляна, баня с девками-и дело в ажуре. Так ведь? А тут сейчас сиди и гадай! Хотя бы какую-никакую инструкцию выслали, разъяснили что к чему, куда, зачем...

Зал ждал. Районная элита будто забыла о непринятом бюджете, о предстоящей зиме, об отсутствии топлива, продовольствия – всех взволновало редкое для этих мест событие: приезд американца из штата Колорадо. Это надо же, из самой Америки мужик приезжает! Непонятно одно – зачем?

«Вот тебе и „Валуха в кустиках“! Съездил, называется в заповедник, отдохнул... трак всем в голову! – чертыхнулся мэр, но тут же взяв себя в руки, принялся размышлять: – А почему, с какой стати я обязан лично встречать американца? Если здраво рассудить, то встречать его должен... должен директор краеведческого музея или директор общеобразовательной школы, а то и вовсе учитель ботаники или зоологии, если этому еще сейчас учат. Но не я, нет, не я! У меня другой масштаб, совсем другой...»

– Кончай базар! – Мэр решительно заткнул словесный фонтан подчиненных. – Предлагаю создать комиссию по встрече. Кто за? Единогласно. В нее войдут... Может, кто желает добровольно? Нет таковых? Еще раз спрашиваю: желающие есть? Понятно... Тогда выберем председателя и еще одного члена комиссии – этого будет достаточно. Я думаю, сначала выберем члена комиссии, а уж потом – председателя, потому как он... головой будет отвечать за встречу, – в голосе мэра – неприкрытая угроза. – Итак, членом комиссии предлагаю назначить... Иван Филимонович, – обратился он к начальнику милиции, – ты уж, брат извини, однако тебе придется войти в состав комиссии, сам знаешь, народ у нас непредсказуемый, как пожарный огнетушитель, да и твои орелики без твоего присмотра могут таких дров наломать – в Страсбурге аукнется, где по правам человека, а нам это, сам знаешь, ни к чему... Согласны? Вот и отлично. Ну, а председателем назначается... – Глава города с районом зашарил глазами по притихшему залу. – Назначается Петр Петрович, всеми уважаемый Петенька! Наш главный коммунальщик района! Прошу любить и жаловать, а также беспрекословно подчиняться и оказывать содействие председателю комиссии, главному ответственному за встречу.

По залу легкой поземкой прошелестело: «Я не хочу! Я не согласен!»

– Не согласен он. А твоего согласия и не требуется, – криво усмехнулся мэр. – Петр Петрович, подойди поближе, люди должны видеть кого они избрали. О! Да ты бледно выглядишь! Что, опять супруга попинала? Бьет, стерва, да? Терпи брат, мы все тебе глубоко сочувствуем. Лично я с такой, как у тебя кикиморой, и дня бы не прожил. Ей-богу бы не прожил! Бр-р! Впрочем, в настоящий момент это к делу не относится.

Небольшого росточка, худенький Петр Петрович, казалось, стал еще ниже ростом под тяжестью внезапно навалившегося, опасного для его дальнейшей карьеры, назначения. Пронзительно сине-васильковые, его прямо детские глаза готовы были брызнуть слезами. Мэру даже стало жалко назначенца, захотелось успокоить, дать ему глотнуть водички, однако графин был совершенно пуст.

– Верочка! Верунчик! – позвал он. Из-за двери выглянуло прехорошенькое личико секретарши. – Верунчик, организуй нам холодненькой водички.

Гибко изогнувшись уютной фигуркой, секретарша взяла со стола графин и, преданно глядя на шефа, вышла за двери, чтобы через пару минут поставить запотевший графин на место. Утомленная номенклатура затаив дыхание, наблюдала за плавно-кошачьими движениями смазливой секретарши. Да, ничего не скажешь, у мэра неплохой вкус.

Подождав, когда назначенный председатель комиссии, лязгая зубами о край стакана напьется, мэр с чувством оптимизма сказал:

– Так что Петя давай, встречай американца, оправдывай наше к тебе доверие. Ты у нас мужик башковитый, покажешь этому «колорадскому жуку» все лучшее, что у нас есть. Пусть видит, что и мы не лаптем щи хлебаем...

После этих слов Петру Петровичу отчаянно захотелось назад, в далекое счастливое детство.

– ... Наизнанку вывернись, костями ляг, но престиж района... и этот, имидж – держи высоко и постарайся преумножить его! И за это будет тебе честь и хвала...

Далее мэр принялся нагружать поручениями подчиненных. Одно это несколько утешило Петра Петровича – не один он будет отдуваться из-за долбанного американца, вся номенклатура района приведена в движение, все получили задание навести в городе порядок, какой наводят по приезду губернатора. Размахивая руками, мэр приказал в первую очередь привести в порядок центральную дорогу. Где надо – заасфальтировать! засыпать! закопать! завалить! закидать! Все на «зэ»! И, чтобы ни одной ямки, ни одной колдобины! Центральную осветить! поставить новые столбы! натянуть провода! повесить фонари! Помойки ликвидировать! Бродячих собак расстрелять! Срок исполнения – до утра! Исполнить и доложить!

Затем глава района посоветовал заведующему отделом культуры к приезду американца подыскать шамана из местных аборигенов, но если такого не сыщется, можно переодеть и заgrimировать кого-нибудь из своих, но чтобы обязательно был с бубном для экзотики.

Заведующему отделом народного образования порекомендовал к приезду профессора-натуралиста (а вдруг он и впрямь настоящий натуралист) организовать школьников, пусть они на всякий случай наловят в лесу бабочек, кузнечиков, ящериц хвостатых, можно и без хвостов.

Директору краеведческого музея приказал сегодня же подготовить выставку о счастливой, безбедной жизни населения района под чутким руководством сам знаешь, кого.

Главному врачу ЦРБ строго-настроено указал и приказал немедленно убрать из коридоров больных на раскладушках (вдруг у американца возникнут проблемы с животом из-за нашей ржавой воды, и он припрется в больницу за помощью), а также выдать всем больным новенькие пижамы, и ни в коем случае не кормить их одной лишь овсянкой и протухшим ментаем, а угостить настоящим мясом, хотя бы на время, пока американец не уедет. Неплохо было бы вообще распустить больных по домам, чтобы было видно: дальневосточники – народ крепкий, закаленный, ведет здоровый образ жизни и не желает болеть. Короче, чтоб везде был порядок, как в танковых войсках!

– Кстати, о порядке. Иван Филимонович! – обратился мэр к шумно вскочившему начальнику милиции, с которым у него состоялся более долгий, чем с другими, разговор. И в этом нет ничего удивительного, как говорится, кто работает – на того и взваливают больше. Наша милиция – орган хоть и карающий, но крайне необходимый. Куда же без нее? – Голубчик ты наш! Дело свое ты знаешь туго, претензий к тебе у меня нет, есть несколько просьб. Ты уж, будь добр, скажи своим битюгам: пусть они не шибко дубинками размахивают, а то свист стоит – через пластиковые окна слышно. Ну хотя бы на время, пока этот чертов янки не уберется от нас. А то, не дай бог, пойдут лишние разговоры, пересуды, жалобы-доносы. Пусть бьют, как бы это выразиться, поделикатнее, покультурнее что ли, без видимых синяков-фингалов.

Главное для них – во все глаза наблюдать, чтобы какая-нибудь падла к американцу с жалобой не проскользнула. Это, брат, страшнее всего. Надеюсь, ты меня понял?

– Так точно! – усердно рявкнул главный блюститель порядка.

– Молодец! Хвалю!.. И еще... Иван Филимонович, ты уж прости, но рожи у твоих ментов... извиняюсь, милиционеров, уж больно какие-то мрачные, хмурые, не улыбочивые, как у каменной бабы в Туве. Прикажи: пусть больше улыбаются, а если не получается, пусть дома тренируются, перед зеркалом. И одень ты их по Уставу, как положено, а то ходят черт знает в чем, как бомжи расхристанные. Давеча, иду домой, глядь – какой-то мужик вроде как честь отдает, кто – не пойму. Присмотрелся – твой, с дубинкой! А я уж было подумал, лесоруб или старатель из тайги вышедший. Хорошо, что он меня в лицо знает, а если бы не знал – придрался бы... и дубинкой того... запросто мог бы...

Он не стал продолжать, но народ в зале бывалый, всем стало ясно, что произошло бы с мэром, не узнай его мент в лицо.

– Иван Филимонович, будь добр, разъясни мне одну вещь: почему твои орелики всю ночь, как угорелые, с сиреной носят? У нас ведь не Чикаго? Моя зануда раз десять за ночь вскакивает от дикого воя сирен, мне спать не дает. Ты бы унял своих, прикажи им не пиликать по ночам.

– Есть запретить пиликать! – вытянулся начальник милиции, точно браваый солдат-новобранец перед строгим сержантом.

Итак, кажется, финиш. Раздав подчиненным приказы-поручения, мэр шумно опустившись на стул, сказал сам себе: «Все Юра, хватит пахать на государство, пора и о себе подумать. Домой, только домой!»

И он, постучав ручкой по графину, приказал:

– Все, мужики, закругляемся! Комиссия по встрече гостя пусть заседает, решает, согласовывает свои вопросы, остальные свободны!

Ошалевшие от четырехчасовой духоты, от ругани-разносов главы района, подчиненные шумно захлопали сидухами стульев торопясь вырваться на свежий воздух.

– Господа, стойте! Мужики, одну минутку! Ради бога, остановитесь! – заполошно закричал Петр Петрович, подобно школьнику поднимая руку. Все недоуменно остановились.

– Ну что тебе, зануда? – сделал недовольное лицо глава района.

– Я не понял, а где американец будет проживать?

– Как это где? В нашей муниципальной... ч-черт, совсем забыл! В приватизированной тобой гостинице.

– Отель, по-ихнему, – подсказал чей-то скользкий голосок.

– Пусть отель, – согласился мэр. – Подберешь ему комнатенку получше, без клопов-тараканов, поставь цветной телевизор, приволоки холодильник импортный, чтоб не шибко гудел. Комнату обязательно с видом на море или на реку. Лучше на море – с реки комары залетят... Петя, да что мне тебя, учить что ли!

– Да я и сам все так бы и сделал, но появилось одно «но», – замялся председатель комиссии.

– Ну, что у тебя там еще? Рожай, не тяни kota за хвост! – рассердился мэр.

– Господин мэр... Юрий Петрович, понимаете, в моей гостинице... в отеле полный погром. Помните, тех скандальных геологов золотоискателей, которые для себя человеческие условия требовали? Так вот, они позавчера из тайги вышли, говорят, будто бы для страны открыли крупнейшую золотую жилу мирового значения... имени какого-то летчика, что здесь когда-то пролетал. Им за это, то ли премию выдали, то ли зарплату за полгода... точно не знаю. Вот они на радостях и гуляют, крепко, по-нашему. В смысле, мою гостиницу на уши поставили вверх тормашками. А тут еще по пьяни выборы прошедшие вспомнили, разделились на «левых» и «правых», второй день бьются.

– Ну, и кто побеждает? – полюбопытствовал мэр.

– «Левые» – им наш местный пролетариат помогает.

– Нормально, – удовлетворенно бросил мэр, но спохватившись, нахмурил брови. – Нда, представляю... Иван Филимонович, вы-то куда смотрите?

– А что сразу милиция, у нас все под контролем. В политику нам запретили вмешиваться, а все остальное у них по-честному: дерутся или один на один, или стенка на стенку, лежачего не бьют, ниже пояса – тоже. Мои хлопцы наблюдают. Да вы не извольте беспокоиться, по агентурным данным к вечеру у них закончатся деньги, тут-то мы их и повяжем и обратно в тайгу спровадим, пусть там с медведями разборки устраивают.

– Умно вы операцию спланировали, хвалю, хвалю, – похвалил он начальника, затем повернулся к председателю комиссии.

– Значит так, Петя, поселишь ты этого «колорадского жука» у себя. Да-д, именно у себя! Это приказ! Хоромы у тебя, как казарма вместительные. Поселишь и скажешь примерно так: «Дорогой наш гостюшка из далекой Америки, я, от лица всего нашего района, от его главы рад приветствовать вас на нашей многострада... тьфу-ты! на нашей гостеприимной земле! Чувствуйте себя здесь, как дома. Можешь еще добавить: мол, мой дом – ваш дом, чем богаты, тем и рады. Да не ляпни сдуру, что моя жена – ваша жена, как у того чукчи. Впрочем, можешь отдать американцу свою кикимору. Бесплатно! Нет, еще и заплати ему! Ха-ха-ха!»

И мэр громко, совсем не зло, расхохотался. Следом засмеялась районная элита – супругу председателя комиссии знал весь район.

– Господин мэр! Юрий Петрович! Братцы, за что, помилуйте! – Петра Петровича охватил панический страх. – Американца – ко мне, домой?! Да вы что?! Вы же знаете мою жену с тещей! Они американца изнахратят, до белой горячки доведут, он на березе повесится, что у меня во дворе растет! Вы не меня – гостя пожалейте! К тому же у каждого американца своя спальня, свой туалет...

– Уймись! Хватит сопли распускать! – резко оборвал его мэр. – Чего разнылся? Успокойся, не паникуй раньше времени... – решил успокоить подчиненного глава района, сам мысленно вспоминая супругу коммунальщика, в гневе напоминающую танк с пьяным механиком-водителем. – Возьми себя в руки. Ничего страшного не произойдет. Встретишь этого инкогнито, поселишь у себя, накормишь-напоишь-обогреешь. Ну что еще? Покажешь наше житие-бытие в положительном ракурсе. Только в положительном! И упаси тебя бог – что другое! Надеюсь, ты меня понял? Все, вопрос закрыт, как говорится, все ушли на фронт.

Он поднял руку, чтобы напоследок хлопнуть по столу, мол, закругляемся – но тут его взгляд упал на графин с водой.

– Стоп, мужики! Ей-богу, последнее. Неплохо было бы объявить в городе и районе... как бы это выразиться?

– Военное положение! – суетливо поторопился подсказать редактор газеты.

– Дурак! Какое военное, башкой думай, что болтаешь! – сходу отмел глупость редактора глава района. – Объявить в районе месячник трезвого образа жизни. Месячник – громко сказано, вернее – на время нахождения американца в нашем районе. Пить, конечно, мы не прекратим, но может, хоть в меру будем. К каждому магазину или киоску милиционера не поставишь, а вот предупредить продавцов желательно, чтобы известным в городе алкашам или неумеренно пьющим... э-э, больше одной бутылки в руки не давали... в день. Итак друзья, внимание! Прошу не расслабляться, не терять бдительности! Не знаю, кто на самом деле этот американец – может, он и профессор настоящий, и интересный писатель – натуралист, а вдруг окажется подосланный нашими же органами ревизор или финансовый инспектор перекрашенный под иностранца – неизвестно. Будем исходить из худшего. А что может быть хуже писательства? Я думаю, только война! Но так как война между нами и ими, вроде бы не предвидится в ближайшем будущем, остается бумагомарательство. Я вот чего боюсь. Вернется этот Макнамара

в свое родное Колорадо и накапает на свет божий книжонку-пасквиль на нас, под громким названием «Средневековый район России», или того хуже – «Из пещеры – во власть». Про нас, голубчиков...

Элитная номенклатура в открытую перекрестилась: не дай бог. Мэр же устало махнул рукой.

– Все, закругляемся. А то я ваши рожи потные уже видеть не могу... как и вы мою.

И все с большим удовольствием засмеялись, все, кроме Петра Петровича, главы комиссии по встрече гостя из Колорадо.

Домой Петр Петрович возвращался пешком, машину отпустил – захотелось пройтись, проветрить мозги, спокойно подумать.

«Ну и мэр у нас, горе луковое, а не глава города с районом. Сам от страха обделался и других напугал, меня в том числе. А зачем, для чего было пугать? Ну приедет этот Джон с Колорадо, ну и что с того, подумаешь – событие. Не президент, и даже не губернатор, всего лишь какой-то профессоришко! Зачем-то его надо встречать, комиссию создавать, десятки людей нервировать, сотни приводить в движение. В телеграмме же не сказано, зачем и с какой целью он едет. Даже намек в ней нет – зачем. Ну едет и едет, встречайте. Может, он к нам как частное лицо едет, так сказать, с гостевым визитом? Может, он желает нашей замечательной природой полюбоваться, с русскими мужиками о жизни потолковать, пообщаться с ними просто так, по-человечески, неофициально, с глазу на глаз? Что в этом плохого? Это раньше было страшно к иностранцу подойти – «органы» бы живо куда надо замели, кучу неприятных вопросов задали: зачем, почему, с какой целью? Зато сейчас у нас свобода, пусть и частично дозволенная новой Конституцией, однако, какая-никакая, а есть. Прибавь к этому открытость! гласность! черт бы их побрал!

Он осторожно обошел огромную лужу, в которой, согласно жанру классики, просто обязаны были находиться свиньи.

«Вот у кого настоящая свобода, – подумал Петр Петрович проходя мимо хрюкающих от удовольствия грязных свиней. – Что хотят – то делают, где хотят – там и землю носом роют: и никто им не указ. Ну да, ну да... А что потом? Потом бац! – и под нож. Нда, сложна и многообразна жизнь свињи. Вот кому я не завидую, так это американцу. Скорее всего, он даже не подозревает, что его здесь ожидает. Сойдет с теплохода, а его огромная толпа ждет не дождется. С хлебом-солью! с оркестром! с поцелуями взасос: чмок! чмок! Фу, гадость! И все, не видать бедняге покоя! Пойдемте туда, пройдемте сюда! Взгляните на наши достижения, им нет аналогов! И тосты за нерушимую дружбу, за мир во всем мире! И водку в себя стаканами, стаканами! А наутро дичайшая головная боль – и опять похмелье! Бр-р-р!! Налетят местные писаки – продажные, настырные, цепкие, как энцефалитный клещ. Бедного американца наизнанку вывернут, во все щели его души грешной заглянут. «Вы какую икру больше любите: красную или черную? А на каком боку вы спите? А как вам наши матрешки?» – зло передразнил он журналистов местной «звездочки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.